

Историческая библиотека

СЕРГЕЙ
БАЙМУХАМЕТОВ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
СПАСИТЕЛЬ
РУССКОЙ
ЗЕМЛИ

**СЕРГЕЙ
БАЙМУХАМЕТОВ**

СЕРГЕЙ
БАЙМУХАМЕТОВ

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ
СПАСИТЕЛЬ
РУССКОЙ ЗЕМЛИ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б12

Компьютерный дизайн *М.Р. Хафизов*

Баймухаметов, С.Т.

Б12 Александр Невский. Спаситель Русской земли / Сергей Баймухаметов. — М.: Астрель: Олимп, 2009. — 221, [3] с. —

ISBN 978-5-271-22822-3 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-7390-2330-8 (ООО «Агентство КРПА Олимп»)
(С.: Ист. библиотечная. (84)).

ISBN 978-5-271-22832-2 (ООО «Издательство Астрель»)

ISBN 978-5-7390-2351-3 (ООО «Агентство КРПА Олимп»)
(С.: Ист. библиотечная. (новая)).

Каноническая фигура Александра Невского подернута густой завесой тумана из мифов и одновременно — официального глянца. На самом же деле его основополагающая роль в истории Русского государства замалчивалась и до сих пор недооценена.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-985-16-6856-0
(ООО «Харвест»)(С.: Ист. библиотечная. (84))
ISBN 978-985-16-6857-7
(ООО «Харвест»)(С.: Ист. библиотечная. (84)-2)

© ООО «Агентство «КРПА Олимп», 2008
© ООО «Издательство Астрель», 2008

КНЯЖЕСКИЙ КРЕСТ

Уничтожать свою историю мы мастера. Равно как и исказить ее так или иначе. Именно об этом думал я, сидя ранним утром в большой лодке посреди Плещеева озера.

Слева от меня на фоне неба четко прорисовывались купола Никитского монастыря. Храм стоит на взгорках — а все равно непостижимым образом отражается в озерной глади!

А прямо, по носу лодки, — город Переславль. Причал, забитый маленькими суденышками, — рыбацкая слобода. Метров на двести правее, где в озеро вливается река Трубеж, — Сорокосвятская церковь. Если пойти вверх по реке, по древнему земляному валу, откроется Спасо-Преображенский собор. Таких строений всего три на Руси. Первый — Спасо-Преображенский в Переславле. За ним возник Покрова на Нерли, затмивший все своей красотой. И почти век спустя поднялся в Юрьеве-Польском родственный им Георгиевский собор...

В XIII веке Спасо-Преображенский собор переходом соединялся с деревянными палатами князя. По всей видимости, именно в этих палатах и родила по-

ловецкая жена Ярослава маленького княжича Александра.

Этот человек определил судьбу народа.

Однако споры о его роли в истории Руси длятся и поныне.

«Есть такой сатана русской истории — Александр Невский. У него была цель — княжить во Владимире, и ради шкурных интересов он насадил на Руси лютое татарское иго. И сделал это самым гнусным образом — предав брата».

(М. Горелик, «Огонек»)

«Русский народ, русская свобода были преданы и проданы изнутри. Они стали жертвой своего рода заговора. И ключевой фигурой его был русский «национальный герой» Александр Невский... Александр родился в семье Ярослава... Именно от него (Ярослава. — С.Б.) исходила идея исторического предательства, именно им-то и принято было роковое решение отдать Русь азиатским пришельцам ради установления деспотической системы власти. Позор русского исторического сознания, русской исторической памяти в том, что Александр Невский стал... знаменем того самого народа, чью историческую судьбу он жестоко исковеркал».

(М. Сокольский, «Неверная память», М., 1990)

«Можно ли считать великим национальным героем татарского прихвостня, капитулянта и коллаборанта по имени Александр?.. Человека, который своими руками насаждал иноземное господство, призывал на собственных братьев монгольские рати (главным русским князем его поставила именно Неврюева рать, науськанная им на старшего брата Андрея)... побратался с Сартаком Батыевичем, а потом подписал с

Берке все условия вассальности и данничества... После чего не стеснялся водить свои дружины против несогласного с этим русского населения.

Культы Сталина и Ленина «разоблачили», причем настолько успешно и убедительно, что шансов на их возрождение нет. Культа из Петра I не получается. Слишком много о нем известно такого, что святоподобная фигура не складывается. Остается один Александр Ярославич из рода Рюриковичей по прозвищу Невский. Интерес к нему никогда не угасал, но в последние годы он приобрел черты, почти не уступающие формам прославления Иосифа Виссарионовича. Точно так же игнорируются факты, противоречия и вещи совершенно очевидные, но не укладываемые в общепринятую схему. Относится это к разряду общественных патологий.

Как судить о народе, который сам себе придумал, высосал из пальца и поставил в главные национальные герои и символы фигуру, которую, как ни крути, иначе чем предателем не назовешь?

(Николай Журавлев, интернет-журнал «Арба»)

«Александр Невский был первым из великих князей русских, который вместо сопротивления татарам пошел на прямое сотрудничество с ними. Он начал действовать в союзе с татарами против других князей: наказывал русских — в том числе и новгородцев — за неповиновение завоевателям, да так, как монголам даже не снилось (он и носы резал, и уши обрезал, и головы отсекал, и на кол сажал)... Но сегодняшнее мифологическое сознание воспримет известие о том, что князь фактически являлся «первым коллаборационистом» совершенно однозначно — как антипатриотическое очернительство».

(Ю. Афанасьев, журнал «Родина»)

«Александр Невский... Герой, святой, наше знамя... Он сказал татарам: я вам соберу дани больше, чем вы сможете. Но за это подмогните побить моих соседей. Подмогли и побили. И дали ему титул великого князя...»

(Ю. Афанасьев, «Общая газета»)

Вот так пишут нынче об Александре Невском некоторые российские историки и публицисты.

Обвинения в предательстве не являются изобретением наших современников. В западной исторической науке об этом еще в незапамятные времена писали польский ученый Уминский и немецкий историк Амман. Из современных западных историков договор Александра Невского с Ордой назвал «позорным и бессмысленным» англичанин Джон Феннел.

Но и русская историческая наука XIX века относилась к Невскому достаточно прохладно. Правда, тогда ученые не осмеливались открыто обвинить князя. Это назвали бы святотатством. И потому в трудах основоположников, Соловьева и Ключевского, он упоминается мельком. Пусть даже и уважительно.

А вот русские зарубежные и советские историки XX века уже не стеснялись. В 1931 году в Париже вышла книга Георгия Федотова, в которой прямо говорится, что святой-то он святой, а в «Житии...» почему-то не написано, что он с ордынцами дружил, «перед ханом унижался» и тем самым унижал всю Русь...

И в Советском Союзе, до 1940-х годов, Александр Невский считался предателем. В Малой советской энциклопедии 1930 года о Невском писали так: «В 1252 году А. *доста*ет (чувствуете отношение: «достает!» — С.Б.) себе в Орде ярлык на великое княже-

ние... Подавлял волнения русского населения, протестовавшего против тяжелой гани татарам. «Мирная» (в кавычках! — С.Б.) политика А. была оценена ладившей с ханом русской церковью: после смерти А. она объявила его святым».

В общем, интриган, предатель и угнетатель русского народа, вместе с церковью продавшийся Золотой Орде. Никак иначе... Тем самым косвенно признавался союз Александра Невского и Русской церкви с Ордой!

Так продолжалось до 1940-х годов, когда начался сталинский период его героизации: Отечественная война, немцы-захватчики... Затем вышел одноименный фильм, сделавший Невского народным героем, защитником Руси от нашествия тевтонов... И тогда уже любое упоминание об Орде было изъято из всех книг.

В результате исторических умолчаний и сокращений сама фигура Александра Невского повисла в воздухе, превратилась в некий исторический фантом. Всего одиннадцать лет был он великим князем на Руси. За что же его причислили к лику святых? Ведь не за сражение на Чудском озере: как-то, пожитейски говоря, маловато... За что его считают национальным героем? Неизвестно...

И в тех, и в других случаях всячески **замалчивалась и замалчивается суть политики Александра Невского**. Остается в стороне **главный конфликт эпохи** — крестовый поход Запада на Русь, начатый после того, как Александр отказался принять католичество. Незаметен **главный союз той эпохи** — военно-политический союз Руси и Орды.

Начнем с обвинений в заговоре.

Отец Невского, князь Ярослав, не мог привести монголов на Русь. Потому что тогда он не был значи-

тельной фигурой, всего лишь удельный князь в Переяславле-Залесском. А самое главное — о монголах он, возможно, и не ведал. Тогда на Руси вовсе не знали или мало что знали о существовании монголов. А они, в свою очередь, быть может, только слышали о Руси. На русскую землю они попали в азарте погони... Никто не может сказать, что толкнуло монголов в тот западный поход. Нельзя же всерьез брать за основу марксистские утверждения о нехватке пастбищ. Это при тогдашнем-то населении?! До сих пор почему-то хватает.

Да, племенной союз Чингисхана постоянно враждовал на западных границах с половцами-кипчаками, прямыми предками нынешних казахов. Но дело ограничивалось большими или малыми набегами, стычками на спорных территориях в приграничье, а тотальных военных действий не было. Почему же Чингисхан начал большую войну?

Есть очень интересная и, на мой взгляд, убедительная версия... Наверное, она будет неприятной для моих соплеменников-казахов, но из песни слова не выкинешь. А из истории — выкидывали! В советские времена официальная наука и литература пытались хоть как-то отделить половцев-кипчаков от империи Чингисхана, от Орды, много писалось о том, что казахский город Отрар первым принял удар монгольских туменов. И это действительно так. Сейчас та же наука утверждает, что сам Чингисхан был чуть ли не казахом, во всяком случае — тюрком уж точно, потому как имя его — Темучин. На общем собрании родов, провозгласивших его Чингисханом, большинство представляли не монгольские, а тюркские роды, и среди них — кияты, меркиты, жалаиры, арғыны — составляющие нынешний казахский этнос. И это тоже так.

Но и то, и другое — лишь части правды.

Известно, что Чингисхан налаживал дипломатические связи своего молодого государства с миром, покровительствовал торговле. В 1219 году из Монголии в страну хорезмшаха Мухаммеда пошел один из крупнейших и богатейших караванов в истории Средневековья. На одном из переходов он остановился в кипчакском городе Отраре, уже владениях хорезмшаха. Отрар — знаменитый город азиатского Средневековья, здесь родился аль-Фараби — «Второй учитель» мира после Аристотеля. Мои соплеменники-казахи гордятся аль-Фараби, считают его своим, кипчаком-половцем из доныне существующего казахского рода берш, гордятся Отраром, его историей и культурой. И как-то все время умалчивается, что именно в этом городе был разграблен тот знаменитый караван, а купцы и слуги убиты. И не какими-нибудь разбойниками, а правителем города и его гвардейцами-сардарами-кипчаками. Но грабить купцов, остановившихся в твоём городе, под защитой законной власти — это полный беспредел. Только таким словом из современного уголовного лексикона можно наиболее точно определить то, что произошло. По средневековым понятиям этому просто нет слов. Средневековый мир ужаснулся. В то время Восток жил по четким правилам — послы и купцы неприкосновенны! Чингисхан отправил послов к хорезмшаху, чтобы получить объяснения, но тот одних послов выгнал, а других — убил. Вот тогда-то, чтобы наказать тех, кто разграбил караван, и наказать хорезмшаха, Чингисхан начал войну, он послал три тумена — три конные дивизии под командованием Субудай-багатура, Джэбе-нойона и Тугачара...

В том первом походе, преследуя хорезмшаха, загнав его на безлюдный остров в Арале, монголы ока-

зались у Кавказа. Разгромив попутно грузин, вышли через перевалы к половцам в тыл и рассеяли конницу хана Котяна и хана Юрия Кончаковича, сына того самого Кончака, который, с одной стороны, был врагом князя Игоря, известного по «Слову...», а с другой стороны — его сватом. Кстати, Юрий Кончакович, как и многие половцы, был крещен в православии.

И здесь-то монголы столкнулись с русскими... Если бы Чингисхан изначально замыслил поход на Русь, то зачем было коннице делать крюк в несколько тысяч километров и перебираться через Кавказ?

Половцы, как известно, бросились к русским князьям, своим сородичам. И попросили защиты. На совете русских князей активнее всех в защиту половцев выступал Мстислав Удалой, князь Галицкий — вояка по натуре, к тому же он был зятем половецкого хана Котяна.

Монголы, попав на Русь, отправили к ним послов. Мол, мы вас не знаем и никакого зла на вас не держим, но отдайте нам половцев, и мирно разойдемся: *«С вами нам нет войны... Мы вашей земли не занимаем, ни городов ваших, ни сел, на вас не приходили...»*

На вас не приходили!

Но русские князья вступились за половцев. Честь им и хвала, что не выдали родственников. Но при этом русские князья **убили послов**. То есть совершили, по монгольским понятиям, страшное преступление против закона и морали!

Результаты битвы на Калке известны.

Другое дело, что о «случайности» тут можно говорить весьма условно. Монголы и русичи должны были столкнуться **по логике событий**. Воюя с половцами, тесня их, монголы не могли не попасть на Русь. И русские не могли не заступиться за половцев. Другое дело, что произойти это могло иначе. Но произошло так...

Затем, через 14 лет, начался поход уже под водительством хана Батыея. Как считает Л.Н. Гумилев, одним из поводов для него было стремление найти и покарать тех, кто **убил послов**. Но цели завоевать Русь у монголов не было. Они прошли ее военным маршем за три года и направились далее в Европу. Нигде в русских городах не осталось монгольских гарнизонов.

К тому времени вся половецкая земля вошла в состав монгольской империи, и половцы стали самыми многочисленными ее подданными, ударной военной силой. С того времени горстка монголов практически растворяется в половецкой, тюркской массе. Но в тот поход Батыея, второй поход монголов, одна половецкая Орда бежала от монголов в Венгрию. Это была Орда хана Котяна, того самого, который был еще при Калке, когда убили монгольских послов. Монголы устремились вслед за ней и ворвались в Европу...

Непонятно, каким образом еще в пушкинские времена возник миф, что Русь остановила монголов и таким образом спасла Европу. Миф, живущий и доныне. В двух сражениях монголы наголову разгромили польско-немецкую армию Генриха Благочестивого и венгерско-хорватскую армию Белу IV. И вышли к Адриатике. Но тут в Каракоруме умер великий каган Угэдей. Монголы обязаны были прекратить все военные действия вплоть до выборов нового кагана. И хан Батый повернул коней...

Вернувшись из Европы, Батый обосновался в низовьях Волги, где и построил город Сарай и основал Золотую Орду. С этого времени и начинается то, что одни называют татаро-монгольским игом, а другие — установлением вассальных отношений Руси и Орды, вхождением Руси в Золотую Орду и в монгольскую империю. На правах вассального государства.

И вот здесь уже можно говорить о роли князя Ярослава, к тому времени уже великого князя Владимирского, и его сына Александра, уже ставшего Невским. Князь Ярослав в 1245 году предложил русским князьям признать Батю «своим царем», а Александр в 1257 году окончательно оформил союз Руси и Орды.

Да, Александр Невский верно служил Золотой Орде. Более того, князь Александр был **приемным сыном хана Батю и названным братом его сына — царевича Сартака**. В те времена легко преступали через кровное родство — могли убить родного брата, если стоял на пути к власти, шел поперек. Но **названное братство почиталось, как святыня, и было незыблемым**.

Таким образом, Александр обеспечил себе поддержку Орды в отражении крестового похода на Русь и православную веру, начатого Римской католической церковью в XIII веке.

После взятия крестоносцами в 1204 году Константинополя православный патриарх ушел в Никею, и, таким образом, Рим мог считать, что оплот православия на Востоке практически уничтожен.

Стоп! Во время одной из бесед со студентами я понял, что об этом нельзя говорить вот так, походя, в придаточном предложении, как о вещах общеизвестных! Необходимы подробные пояснения. Потому что многие не знают... Или, по крайней мере, не задумываются. Это ведь как массовый гипноз. А на самом деле — глобальное искажение русской истории, навязанное давно, еще в XVIII веке, и покорно воспринимаемое поныне. Как сказал мне один студент: «И мы с этой лапшой на ушах живем три с лишним века?!»

Да, живем. Во-первых, трехвековой гипноз преподавания истории. Во-вторых, пиетет перед Запа-

дом. И потому отдельные слова о многовековой экспансии Запада против Руси пролетают мимо ушей и сознания.

Задумаемся же над очевидным. Предположим, что в XIII веке русские войска взяли штурмом, разграбили, сожгли Рим, и Папа Римский бежал, к примеру, в Неаполь. Представляете, сколько места в мировой истории было бы посвящено этим событиям?! А у нас про штурм и разгром Константинополя — мелким шрифтом несколько строчек...

Спросим себя: почему, на каком основании армия крестоносцев, армия христианского Запада, в 1204 году взяла штурмом, разграбила и сожгла христианский город Константинополь?!

Да потому, что для Римской церкви в те времена не было никакой разницы между православными византийцами, православными русскими и мусульманами-сарацинами. И те, и другие, и третьи — общий и одинаковый объект крестовых походов. Потом в сферу этих «объектов» Римская церковь, на свою беду, включила и монголов...

После падения Константинополя усилился натиск Римской церкви на Русь. Доходило до того, что папа Гонорий III и вслед за ним папа Григорий IX объявляли Руси экономическую блокаду. То есть запрещали соседним государствам торговать с русскими городами, в первую очередь — оружием и продовольствием. Тогда же, в самом начале XIII века, русские были названы ими «врагами веры», а в 1256 году объявлен «крестовый поход против схизматиков и татар», то есть против Руси и Орды. И, наконец, уже папа Климент VI отчеканил формулу противостояния Рима и Руси. «Русские — враги католической церкви», — написал он твердой рукой. А шведские, немецко-орденские, и литовские походы на Русь координировались из одного центра.

Русские князья к тому времени уже разделились на сторонников Орды и сторонников Запада, склонных к введению на Руси католичества. Никто из историков не говорит и не задается простым вопросом: а за что Русская православная церковь причислила Александра Невского к лику святых? А ведь тогда интересы церкви были неотделимы от интересов народа, страны и государства. И значит, были у Невского совершенно особые, исключительные заслуги перед православной верой и русским народом. Какие? И если Золотая Орда — зло для страны и народа, то почему православная церковь причислила к пантеону святителей князя, который был приемным сыном хана Батыея?

Ответ на эти вопросы тянет за собой неприятные для тогдашних историков выводы, все это так не укладывается в западную систему русской истории, что не стоит на них отвечать. Лучше — промолчать, утаить.

Посмотрим многотомный труд Сергея Михайловича Соловьева «История России с древнейших времен». О ключевой фигуре русской истории — святом великом князе Александре Ярославиче Невском там говорится сжато, сухо и без всяких объяснений: отверг предложения Папы Римского, с армией монголов напал на брата Андрея... А почему на брата родного меч поднял? Какие посулы Папы отверг? С какой это стати Батый дал Александру армию? Ни слова. Потому что тогда надо говорить, что Римский Папа предлагал одновременно великому монгольскому кагану Гуюку и князю Александру перейти в католическую веру. Что они оба отвергли союз с Римом, а Даниил Галицкий согласился и получил через несколько лет титул «Русского короля»; тогда надо упомянуть и о том, что Андрей породнился с Дании-

лом, а ведь Андрей был тогда великим князем Владимирским... Таким образом, вся власть на Руси принадлежала сторонникам прозападного курса развития, говоря современным языком! Но в те времена этот «курс» однозначно предполагал принятие католичества и подчинение Риму.

Александр Невский тогда княжил в потерявшем свое значение Киеве. Он немедленно помчался в Орду, к Батыю. Вот тогда-то и связали себя навек клятвой в побратимстве сын Батыея — христианин-несторианин Сартак и православный христианин Александр. Батый, став приемным отцом Александра, дал ему конницу Неврюя для похода на Андрея... Это был страшный, кровавый поход, оставшийся в летописях как «Неврюева рать». Ордынцы и русские во главе с Невским огнем и мечом уничтожали своих же русских во главе с князем Андреем и князем Даниилом. Андрей бежал в Швецию, Александр стал великим князем Владимирским, немцы приостановили наступление на Псков и Новгород...

Так сплелись судьбы князей и судьбы государств и народов.

Ю. Афанасьев говорит *«о глубочайшем различии между галицкими и московскими князьями»*. Московских князей он характеризует как *«подлых и коварных коллаборационистов, которые, выступив на стороне татар, казнили и угнетали свой народ хуже, чем любые завоеватели»*. М. Сокольский, утверждая, что Александр Невский *«жестоко исковеркал историческую судьбу»* русского народа, противопоставляет ему князя Даниила Галицкого. Вот, мол, по какому пути надо было вести Русь, вводить ее в русло западной цивилизации.

Даниил Галицкий, приняв католичество, был возведен Римским Папой в сан «Русского короля». Что

ж, посмотрим, что они, Александр и Даниил, оставили после себя. Будем судить по результатам.

После Александра Ярославича Невского, после его духовных и кровных наследников остались Владимирская и Московская Русь, из которых выросла могучая Россия. Вот она, перед нами.

А уже через 85 лет после смерти Даниила Романовича Галицкого Галицко-Волынская Русь была разделена между Польшей и Литвой (1349 г.), а впоследствии полностью отошла к Польше. На пять веков! Причем без сопротивления, практически без единого выстрела! То есть Западная Русь перестала существовать. А славяне, ее населяющие, белорусы и украинцы, на пять веков стали «быдлом» и «холопами»!

Я не могу понять логики Сокольского, Афанасьева и других. Или они хотели бы и для Владимирской Руси участи галицко-волынского населения, потерявшего свою государственность и веру? Тогда конечно, Даниил Галицкий — идеал.

Вот еще один самый простой пример, сопоставление, которое я не устаю приводить вновь и вновь. Потому что все вроде на виду, но ведь никто не смотрит, не видит очевидное, не складывает два и два! В городах Киевской и Владимирской Руси, бывших «под игом», и донныне сохранились: Софийский собор, Золотые ворота, комплекс Киево-Печерской лавры, Выдубецкий монастырь, церковь Спаса на Берестове, Кирилловская церковь... Это — в Киеве. В Чернигове — Борисоглебский собор, Спасо-Преображенский собор, Пятницкая церковь, Спасо-Преображенский монастырь в Новгороде-Северском... Во Владимире — Успенский собор, Золотые ворота, Дмитриевский собор, храм Покрова на Нерли, собор в Боголюбове, Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, собор Рождества Богородицы в Суз-

дале, Спасо-Преображенский собор в Переславле, Софийский собор и церковь Спаса на Нередице в Великом Новгороде, соборы Мирожского и Ивановского монастырей во Пскове...

Я называю только **памятники мирового значения**, только **XI—XIII веков**. А то, что построено после, даже и не называю за неимением места. Однако про древние города, где они стоят до сих пор, в словарях и справочниках по-прежнему пишут: «разрушен монголо-татарами».

А теперь посмотрим на древние славянские города — Гомель, Житомир, Минск, Могилев, Львов, Луцк, Ровно, Ужгород, отданные Даниилом под власть «культурного католического Запада». **Здесь нет ни одного православного храма XI—XVI веков!**

Все было стерто с лица земли. Римская католическая церковь не признавала равенства религий, в отличие от Чингисхана.

Другими словами, после Даниила канула в небытие Галицко-Волынская Русь. Не осталось ни государства, ни веры, ни древних церквей... Кто же более «исковеркан»?

Названное братство Александра с Сартаком и положение приемного сына Батыя положили начало военному союзу Руси с Золотой Ордой, который всячески поддерживали и крепили продолжатели дела Александра Невского. Рядом с русскими ратниками сражалась против крестоносцев и ордынская конница. А Запад монголов боялся как огня...

Тем же, кто в течение веков этот союз, основанный на политической и другой выгоде, называет «игом» и всё время ссылается на «дань», можно напомнить: **дань русские начали платить через двадцать лет после начала Батыева похода!** И каковы же были размеры той пугающей дани? Московское княже-

ство, как указано в завещании Дмитрия Донского, платило 960 рублей в год. А вся Русь в XIV веке — 5 тысяч рублей. При тогдашнем населении 5 миллионов в итоге получается — 0,1 копейки на человека. Тогда на копейку можно было купить пуд хлеба. В общем, дань составляла полторы буханки хлеба на человека в год. (С.М. Каштанов. «Финансы средневековой Руси». М., 1988, с. 9,10.)

А если учесть, что выплата дани началась как раз тогда, когда Римский Папа объявил крестовый поход против «схизматиков» (православных) и «татар», то это уже не дань, а общий котел для ведения войны, военный налог. Так что речь, скорее всего, надо бы вести не об «иге», а о вассальном государстве.

Объективно, Александр Невский спасал Русское государство и православную веру, за что и был причислен церковью к лику святых.

Смерть его — до сих пор тайна. Историк Л.Н. Гумилев пишет, что не могут не наводить на некие предположения в один год наступившие смерти Александра и великого князя литовского Миндовга (Миндаугаса), убитого на охоте. Тогда еще Литва не стала полностью католической. Недавно обращенный католик Миндовг за три года до смерти отрекся от католичества, объявил войну крестоносцам и начал переговоры с князем Александром. Они вдвоем, да при поддержке Орды, составили бы тогда несокрушимую силу, непроходимый щит против западной экспансии. Так что убийство Миндовга почти не оставляет места для домыслов.

А вот смерть Александра Невского необъяснима. Но коли зашла речь о гипотезах, не могу не упомянуть предположения Л.Н. Гумилева: великий князь мог умереть оттого, что мы называем современным словом «стресс».

Чтобы осознать парадоксальную точность этого современного слова по отношению к тем временам, надо представить себе короткую жизнь Александра...

Вечные стычки с Новгородом. Эта неблагодарная вольница умела только буянить. Как только нависала над городом опасность — звали Александра. Он приходил, спасал — а потом уже новгородцы проявляли свой «вольнолюбивый» нрав. Разумеется, уже по отношению к нему...

Неожиданная смерть отца, князя Ярослава, в Каракоруме, на коронации великого кагана Гуюка, где они, Ярослав, Александр и Андрей, были почетными гостями.

Затем — смертельный раздор с родным братом, с Андреем. Война, в которой Александр победил и изгнал родного брата из страны.

Незадолго до заключения официального союза с Ордой умирает Батый, приемный отец и покровитель — стена несокрушимая. Ханом Золотой Орды становится его сын Сартак — христианин несторианского толка, побратим Александра. Но в тот же год погибает от яда и Сартак. К власти приходит брат Батыя — Берке, он — мусульманин и стоит за новую веру в Орде. Но на Русь это требование не распространяется.

Мы не знаем, что чувствовал Александр, когда одна за другой рухнули две его главные опоры в Орде — приемный отец и названный брат. Быть может, у него возникло желание отомстить? Ведь в Сарае тогда многие говорили, что Сартак был отравлен не без участия Берке. Дескать, тот после смерти грозного Батыя сам решил поцарствовать...

По всем законам Александр должен был отомстить за смерть названного брата. Мог ли он это сделать? Если бы захотел — мог. В Орде у Берке тоже

было немало противников — и они с радостью приняли бы в свои ряды могучего союзника Александра, хозяина Руси. Не будем забывать, что Русь хоть и была подчинена Золотой Орде, но в то же время Орда и Батый нуждались в ней как в мощном союзнике, это помогало владыкам Золотой Орды держать себя независимо в отношениях с верховными каганами в Каракоруме... Так что Александр в Орде был влиятельным человеком.

В общем, Александр мог примкнуть к противникам Берке и принести тому немало неприятностей, если бы захотел. Но, может, он не верил сплетням? А если верил, то что его удержало?

Так или иначе, а Александр не подвергал ни малейшему риску дружеские отношения с Ордой, с сегодняшним ханом Золотой Орды, кем бы он ни был. Александр, ни минуты не колеблясь, шел к своей цели. К тому, что замыслили еще его отец Ярослав и хан Батый, чему он сам отдал все годы своего великого княжения.

Все прежние устные договоры остаются в силе. И наконец-то заключен официальный союз с Ордой о военной помощи с платой в виде ежегодного налога — «выхода». С этого момента, с 1257—1258 годов, через двадцать лет после похода Батыея, и начинается то, что наши историки называли данью.

Невский везет ордынских баскаков в Новгород для переписи и учета «выхода». И тут получает страшный удар от родного сына Василия. Василий, пьяница и буйан, поднимает бунт против отца и ведет заговорщиков убивать ордынских посланников. В тот миг на карте стояла судьба всего дела Александра и Руси. **Убийства послов монголы не прощали никогда.** Спасибо верной дружине. Александр выводит послов из города и получает свободу маневра. И — ка-

рает бунтовщиков. Вот, наверно, откуда слова Афанасьева: «Он убивал русских, обрезал им носы и уши так, как не делали этого сами татары».

Не только носы и уши отрезал... Доподлинно зафиксировано: он глаза выкалывал бунтовщикам! Как свидетельствует летописец, *«вынимал очи»*. Причем, говоря при этом, что людям, которые не видят очевидного, глаза не нужны. Вполне возможно, что так поступал Александр и в другие времена, и в других местах. Время и нравы были жестокие, и князья вели себя в соответствии с ними. Но совершенно точно известно: с Новгородом он тогда расправился с беспощадной жестокостью...

Александр вместе с ханом Берке и внуком Батыея царевичем Менгу-Тимуром открывают в Сарая, столице Орды, подворье православного епископа, и с этого момента православная вера в Орде утверждается официально.

Миндовг отрекается от католичества, начинается дружба Александра с великим князем Литовским, намечается союз с Литвой. За западные границы можно быть более или менее спокойным.

Позади двадцать лет кровавого крестного пути, когда одни — открытые враги, на других — надежда слаба, а большинство — враждебно... Кажется, наконец, можно отдохнуть от страшного напряжения этих двадцати лет. Но тут приходит весть об убийстве Миндовга... А Литва без Миндовга — снова противник, причем, могущественный противник.

Сколько еще может выдержать один человек?!

Нет, очень точное современное слово употребил Гумилев: стресс...

Великий князь Александр отошел в мир иной на дороге своей судьбы, на пути из Сарая во Владимир, в маленьком, красивом городке Городце на высоком бе-

регу Волги, откуда вся ширь земли открывается. Если есть на небе ангелы — они должны были ему донести, чтобы он не тревожился... Что вскоре после его смерти немцы опять пошли на Новгород, но буйный Новгород, из-за которого чуть было не рухнуло дело жизни Александра, в соответствии с договором обратился к тогдашнему хану Менгу-Тимуру, и тот прислал конницу — немцы тотчас отступили и подписали мир на новгородских условиях. Как говорит летописец, немцы *«замиришася по всей воле новгородской, зело бо бояхуся и имени татарского...»*. А затем Смоленск, вольный город, устав от постоянного давления Литвы, тоже попросился в русско-ордынский союз и стал его заставой на западных границах... И еще о многом и многом должны были рассказать ему ангелы.

Русский Александр Великий определил судьбу народа.

Историк, эмигрант, Георгий Владимирович Вернадский писал: «... Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке — имели единственную цель — сбережение православия как источника нравственной и политической силы русского народа».

Отчего же не восстанавливается подлинная роль Александра Невского в русской истории? Зато, не говоря о главном, его по-прежнему называют предателем, ханским прихвостнем. Почему?

Вопрос более чем наивный и опасный. Потому что Александр Невский — **ключевая фигура русской истории и русского самосознания. Символ.** Восстановить подлинную роль и значение Невского — значит пересмотреть всю историю средневековой Руси. То есть покуситься на основы основ. Сотрясти все. Бесстрашный ученый Л.Н. Гумилев в интервью «Известиям» признавался: «Боюсь сказать

на страницах газеты с миллионным тиражом, что Александр Невский был приемным сыном хана Батыея, не знаю и опасаясь, как воспримут это наши люди, воспитанные на теории «ига»».

Ведь веками воспитывали народ российский на противостоянии Орде в частности и степнякам вообще, «половцам поганым». А теперь что — в друзья-братья их записывать? Ну, хотя бы в союзники? А ведь дальше — больше. Они же — родственники! Там начнут выяснять, что невестка князя Игоря, того самого, «непримиримого врага» из хрестоматийного «Слова...» — половецкая княжна, и две невестки Владимира Мономаха — то же самое. То есть жена Юрия Долгорукого, основателя Москвы, — узкоглазая степная девушка. И сын его, святой русский князь Андрей Юрьевич Боголюбский — внук половецкого хана Аепы. И Всеволод Юрьевич Большое Гнездо, и сын его Ярослав, предположительно, — тоже были женаты на половчанках. Получается — сплошь и рядом. О чем красноречивее всех слов говорит фотографически точный, скуластый и узкоглазый облик Святослава, сына Всеволода Большое Гнездо, родного дяди Александра Невского — чуть ли не единственное прижизненное изображение древнерусского князя, сохранившееся до наших дней в горельефе Георгиевского собора в Юрьеве-Польском, первая половина XIII века, все остальные изображения деятелей Средневековья — полет воображения, фантазии художников и скульпторов... То есть прабабушка Невского, бабушка, и мама его, судя по некоторым источникам, тоже половецкого происхождения? Выходит, наш символ на две трети или даже на три четверти — *оттуга*? Нет, хорошо, что посмертной маски не было или она не сохранилась. Достаточно и изображения Невского на покро-

ве, посмертном покрывале, начала XVII века, где лицом похож он на дядю Святослава. Хорошо, что это не маска-фотография, не подлежащая сомнению, иначе это ж такой удар... На сплошь немецкое происхождение последних наших царей мы согласны, но *такое* — никто не в состоянии выдержать...

А из этого уже следуют частные интересы и мотивы представителей ученого мира. Наверно, одним трудно отказаться от «теории ига». Выросли на этом, диссертации написали... И что теперь, вся ученая жизнь псу под хвост? Другие просто не могут жить без образа врага-супостата-азиата. На позиции третьих, безусловно, очень сильно влияет современная идеология, споры о выборе российского пути. Ведь доходило до того, что некоторые историки и публицисты звонили в редакции газет и говорили: «Зачем вы печатаете *такие* статьи Баймухаметова? Ведь тем самым вы настраиваете наших людей против Запада и Запад против нас, играете на руку национал-коммунистам! А нам сейчас надо интегрироваться в Европу, в цивилизованный мир...»

Не ставлю под сомнение искренность этих людей, их стремление к лучшему. Но не могу тут не привести абсолютно циничное высказывание известного западного интеллектуала: «*Важно, чтобы история писалась нами. Ибо тот, кто пишет историю, контролирует настоящее*». Получается довольно странное единство взглядов на историю у таких, казалось бы, разных людей! Мол, надо трактовать историю так, как нам это выгодно, а на поиски истины и на саму истину — наплевать и забыть! Так получается?

Но и в том случае, когда авторы искренне заблуждаются, доказывая свою идею, и в том случае, когда история цинично используется, и те, и другие,

кто невольно, а кто сознательно, — **игнорируют факты**. Вернее, одни их искренне не замечают, а другие — подтасовывают.

Увы...

Общим местом стали рассуждения о том, что истории как науки практически не существует, что история всегда служила и служит для оправдания ныне существующей системы.

Это так. И не так одновременно. Идеология всегда присасывалась, как пиявка, к истории. Потом умирала и облетала мертвой шелухой. Потом снова присасывалась. И снова облетала.

Так и живем...

СПАС НА КРОВИ

Какой была Русь до Александра Невского? О ней мы до сих пор предпочитаем говорить в общих словах: ну, мол, смута, распри... Между тем за этими словами, за ликами скромных русских городков открываются такие картины истории, такого масштаба, что места им в учебниках нет. И не только в учебниках.

«Золотое кольцо» ЦК КПСС

Почему Юрьев-Польской не включили в «Золотое кольцо»? Такой же древний, как Переславль-Залесский, в один с ним год основан великим князем Юрием Долгоруким. Конечно, не так богат монастырями и храмами, но все же... Сохранился земляной вал XII века, опоясывающий исторический центр, буквально завораживает глаз Михайло-Архангельский монастырь, в котором сошлись архитектурные стили нескольких столетий.

И, наконец, там, в Юрьеве-Польском, — Георгиевский собор XIII века, который даже среди уни-

кальных памятников древнерусской архитектуры занимает особое место.

И тем не менее — Юрьев-Польской обойден. Что обидно и досадно как властям, так и самим горожанам. Ведь включение в туристский маршрут, по которому возят иностранцев, это не только лестное «включение» в большой мир, но и немалая выгода. И деньги в бюджет пошли бы другие, и строительство давно бы здесь развернули, чтобы не ударить перед иностранцами лицом в грязь. Преобразился бы город. Но...

Никто не знает точно, в чем же причина. Может, в том, что неказист городок, сильно проигрывает соседнему Переславлю-Залесскому и, тем более, соседнему же Суздалю. Мол, опозоримся перед иностранцами. Хотя все тут спорно. Для кого «неказист», а для кого как раз мил своим тихим, почти сельским бытом, не изуродованным, как в некоторых районах Переславля, железобетонными и угольными свалками, угрюмыми заборами, зловещими каркасами и ангарами так называемой промышленной зоны.

Может, был там заводик или цех, работающий на оборонную промышленность. Какие-нибудь резиновые или ватные прокладки делали для танков или торпед. Вот и засекретили, закрыли город для иностранцев. Знаете, как было в советские времена: против оборонки никто слова не мог молвить. По каким-нибудь радиоголосам не то что директоров, а начальников цехов ракетных заводов по фамилиям называли и с выполнением квартального плана поздравляли, а в самом городе газеты не имели права написать, что этот завод «машиностроительный». Мол, нет у нас никакого «машиностроения».

А может, были тут резоны особые, **идеологические**.

Представим себе коридоры власти, где в начале семидесятых «утверждался» список городов, включаемых в «Золотое кольцо». На совещании в ЦК КПСС присутствуют люди самые разные, но среди них, конечно, есть ученые, которые объясняют, отвечают на вопросы. Учтем, что мероприятие с самого начала **идеологическое**, потому как, во-первых, иностранцы, а во-вторых, история. А уж когда они соединяются вместе, то бдительность нужна удесятенная.

И вот, дойдя до Юрьева-Польского, выслушав рассказ о монастыре, расположенном там музее, Георгиевском соборе, большой партийный начальник спрашивает:

— А что там еще есть?

Ученые люди, не привыкшие к **количественному** критерию оценки памятников истории, тем не менее, поддаются логике начальства и добавляют:

— Там еще рядом Липицкое поле, на котором Липицкая битва произошла.

— Какая такая Липицкая битва? — удивляется начальник.

Ученые рассказывают, объясняют, и чем дальше, тем сильнее хмурится начальник, атмосфера совещания недобро сгущается. Это чувствуют и ученые, но поздно — слово вылетело.

— Ни в коем случае! — постановляет начальник. — Не хватало еще иностранцам про **это** рассказывать.

— Так мы и не будем! — пытаются оправдаться ученые и начальники рангом поменьше. — Мы и не включили Липицкое поле в маршрут, да там и возить некуда и показывать нечего, иностранцы про него и не знают.

— Ну да, не знают! — саркастически обрывает их большой начальник. — А как только попадут туда, так

сразу и начнут выпрашивать да выпытывать. А потом растрезвонят по «голосам». Нет уж, Юрьев-Польской вычеркиваем! И вообще! — поднимает он голову и обращается уже ко всем: — Внимательней надо быть, товарищи. Не вам объяснять, какая сейчас обстановка в мире, так что мы тут все должны учитывать!

Повторюсь, это — только мои домыслы, предположения. Возможная модель возможных событий. Скажем так, вполне вероятных. Потому что более весомых причин для невключения Юрьева-Польского в «Золотое кольцо» просто нет.

Страшная сеча на Липице

А малоизвестная и поныне Липицкая битва, или битва на реке Липице, близ города Юрьева-Польского, — самая страшная в истории средневековой Руси сеча между русскими и русскими.

Чтобы представить масштаб ее, перечислим участников, удельные княжества, которые выставили своих воинов.

С одной стороны — все вооруженные силы Владимиро-Суздальского великого княжества. *«И были полки у них очень сильны, —* отмечает летописец, *— из сел погнали даже пеших»*. То есть было нечто вроде тотальной мобилизации. Владимир, Суздаль, Муром, Переславль, Нижний Новгород, Торжок, Юрьев — всех собрали. А еще были в том войске и пришлые люди, наемные, называли их бродниками.

Против владимирской рати вышли на поле битвы объединенные войска Новгорода, Пскова, Смоленска и Ростова Великого...

Рязанские в сече не участвовали. Рязани тогда не было. Накануне ее дотла сжег, камня на камне не

оставив, великий владимирский князь Всеволод Большое Гнездо.

Рязань всегда держалась наособицу. Но если бы вступила в нынешнюю распрю, то наверняка бы на стороне Новгорода и против Владимира — своего заклятого врага. И это сразу бы дало новгородско-псковско-смоленско-ростовскому войску очевидное преимущество, потому что в те времена рязанцы считались самыми отчаянными вояками.

Особое ожесточение противостоянию придавало то, что в обоих лагерях и войсках во главе стояли выступившие друг против друга в смертельной вражде родные братья — сыновья Всеволода Большое Гнездо.

Вражда между ними началась из-за отцовского наследства. Умирая, Всеволод Большое Гнездо хотел, по обычаю, передать великое княжение старшему сыну, Константину, дав ему Владимир, а второму сыну, Юрию, — Ростов. Но Константин захотел и Владимир, и Ростов. Им руководила не жадность, а боязнь за свою, еще неполученную власть. Хотя Владимир и считался столицей великого княжества, но все же Ростов древнее, значительнее. Княжение Юрия в Ростове он посчитал угрозой для себя. Отец же разгневался и лишил его старшинства. Передал великокняжеский стол Юрию. По тем временам — поступок чрезвычайный, чреватый многими последствиями. Так и вышло. Сразу же после смерти Всеволода в 1212 году началась распря. Три года междоусобной войны привели к Липице...

Владимирской ратью командовали князья Юрий и Ярослав Всеволодовичи, помогал им младший брат Святослав, а в противостоящей объединенной новгородско-псковско-смоленско-ростовской армии вместе с Мстиславом Удалым тон задавал их старший брат Константин Всеволодович, князь Ростовский,

боровшийся за то, чтобы ему, старшему из сыновей Всеволода, и достался по праву отцовский престол во Владимире. Да и Мстислав Удалой тоже не чужак — он был тестем своего врага Ярослава.

И все же, когда рати выстроились друг против друга, за день до битвы, противники попробовали договориться. К Ярославу и Юрию пришли послы с предложением: *«Дадим старейшинство Константину, посадим его во Владимире, а вам вся Суздальская земля»*. Юрий и Ярослав дали Константину такой ответ: *«Пересиль нас, тогда вся земля твоя будет»*. Потому что они накануне уже все поделили. После битвы смоленские ратники в одном из брошенных шатров нашли «грамоту», в которой письменно был закреплен их устный договор: *«Мне, брат Ярослав, Владимирская земля и Ростовская, а тебе — Новгород; а Смоленск брату нашему Святославу, а Киев дадим черниговским князьям, а Галич — нам же»*.

Все поделили.

А чтобы имена их не были отвлеченными, напомню, что Юрий — это тот самый Юрий, который через двадцать один год не придет на помощь рязанцам, бьющимся с Батыем. Что делать, в те века рязанцы и суздальцы были заклятыми врагами друг другу... И Юрий вскорости сам бесславно погибнет на реке Сити в битве с теми же монголо-татарами, которые, разгромив рязанцев, придут и на суздальскую землю...

А у Ярослава впоследствии родится сын Александр, который станет Невским. Затем Ярослав, будучи после Юрия великим князем Владимирским, предложит русским князьям назвать Батыя «своим царем». Ярослава отравят в Орде по доносу боярина Федора Яруновича. Сыновья Ярослава, Александр и Андрей, убьют клеветника. Александр Невский ста

нет побратимом ордынского царевича Сартака, приемным сыном Батыея и заключит союз Руси и Орды.

А князь Святослав после смерти Ярослава станет великим князем Владимирским. Но ненадолго. Его свергнет Михаил Тверской. Остаток дней своих он проведет в Орде, добиваясь справедливости. Но в истории тихий и смирный Святослав останется другим — в 1234 году он закончит в Юрьеве-Польском строительство Георгиевского собора, не просто уникального, но самого загадочного творения древнерусской архитектуры....

Но это — будет потом, только через два десятка лет. А пока — войска стоят друг против друга. Одни — на Авдовой горе, другие — на Юрьевой горе. Меж ними — ручей Тунег. Чуть в стороне — речка Липица и то самое поле, куда они сейчас отойдут и где начнется та самая битва.

О предстоящей жестокости сечи говорило и то, что некоторые особо отчаянные воины на поле боя *«выскачили босыми...»*. Летописец никак не комментирует, не поясняет сию деталь. Видно, для современников она и не требовала объяснений. Мне же остается только предполагать. При тогдашних нравах мародерство, *«обдиране мертвых»*, то есть раздевание и разувание убитых, почиталось чуть ли не нормой. И потому, наверно, демонстративно разуваясь, воин как бы объявлял, что не рассчитывает остаться живым, выходит на *смертный бой*. В предположении этом можно быть уверенным, если вспомнить, что некоторые князья в самые отчаянные схватки вели своих воинов с *обнаженной головой*. То есть знать снимала шлем, а простолюдины скидывали сапоги и лапти...

Когда закончилась сеча, *«можно было слышать крики живых, раненых не до смерти, и вой проколо-*

тых в городе Юрьеве и около Юрьева. Погребать мертвых было некому... Ибо убитых воинов Юрия и Ярослава не может вообразить человеческий ум.

За один день 21 апреля 1216 года в сражении на Липицком поле было убито *«девять тысяч двести тридцать три»* русских воина, гласит летопись.

Русский Спас

Но летопись не дает однозначного ответа: это общие потери или только одной стороны? Тогда — какой? Действительно, трудно представить владимиросудальцев и новгородцев, совместно убиравших и считающих убитых. Поэтому некоторые историки полагают, что это потери владимирского войска. Но почему владимирского? Ведь автор летописи новгородец, он и приводит эту цифру? Зачем ему, какое ему дело до потерь владимирцев? Да и зачем новгородцам пересчитывать на поле боя трупы своих врагов с точностью до одного? Значит, *«девять тысяч двести тридцать три»* — это новгородцы. Но если так, то сколько же погибло в тот день владимиросудальцев?! Ведь потери *побежденных* всегда значительнее. Страшно представить, сколько же всего там было убито русских людей. Мужчин в расцвете лет. При тогдашней численности населения это было равносильно чуме или моровой язве. О потерях владимиросудальцев ярче всего говорит такой факт. Когда князь Юрий в одной сорочке, даже подседельник потеряв, загнав трех коней, на четвертом примчался к стенам Владимира и обратился к горожанам с призывом запереть ворота и дать отпор врагам, те ему ответили: *«Князь Юрий, с кем затворимся? Братие наша избита...»*

Впрочем, это — слова. Более предметно масштаб потерь можно представить, если знать: через шесть веков, в XIX веке, население губернского города Владимира составляло 13 200 человек!

Сколько же всего полегло в той владими́ро-суздальско-муромо-нижегородско-юрьевско-новгородско-смоленско-псковско-ростовской междоусобице, включая стариков и женщин, всегдашних жертв мародерства и пожарищ, никто не знает и не узнает. В одной из опубликованных бесед Л.Н. Гумилев с нескрываемым ужасом восклицает: *«Столько не потеряли за время войн с монголами!»* Однако, по сведениям, приводимым историком А.Н. Насоновым, в годину монгольского нашествия только на Галицкую Русь всего там погибло 12 тысяч человек. Анализируя эти и другие данные, Л.Н. Гумилев заключает: *«Следует признать, что поход Батыея по масштабам произведенных разрушений сравним с междоусобной войной, обычной (курсив мой. — С.Б.) для того беспокойного времени».* К концу своей жизни Владимир Мономах подсчитал и написал в «Поучении», что *«всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших».* Из них девятнадцать — на половцев, которых нельзя было назвать чужими, потому что русские распри были одновременно распрями их родственников, половецких ханов, и — наоборот. В общем, восемьдесят три похода за пятьдесят восемь лет княжения. Получается — **полторы войны на каждый год сознательной жизни.** И такую жизнь провел не какой-нибудь воспаленный маньяк-вояка, а смиренный, глубоко верующий человек, призывавший: *«Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен в смерти, то не губите никакой христианской души»*, призывавший к миру сво-

их кровавых братьев, которым еще Ярослав Мудрый завещал любить друг друга хотя бы *«потому что вы братья родные, от одного отца и одной матери»*. Вот они, братья... **Русский Спас, он точно на крови.** Правда, у других народов в те века было то же самое. Хотя был один еврей, который призывал построить **Спас на любви**, но все знают, чем это кончилось...

Но даже для смутных лет Руси та кровавая распря и завершившая ее битва на Липице — событие трагическое... И потому нельзя не согласиться с Л.Н. Гумилевым: *«Именно здесь в 1216 году была погорвана мощь Великого княжества Владимирского, единственного союзника Новгорода в войне с крестоносцами»*.

Четыре года войны и битва на Липице закончились тем, что Владимир, Переславль-Залесский и другие владими́ро-суздальские города сдались на милость победителей — Константина и Мстислава Удалого. Константин сел на великий стол во Владимире, стал великим князем, а Мстислав стяжал себе еще один лист в венок своей славы рыцаря и полководца.

Через три года Константин умер, и великим князем вновь стал Юрий. Все вернулось на круги своя... А если читатель проникнется горечью и сожалением и спросит небеса: зачем, за что загублено столько жизней? — самым правильным будет ответ: затем, что времена и нравы были такие, и с этим ничего не поделаешь...

А иностранные туристы не ездят в Юрьев-Польской и по сей день. И, за собственным отсутствием, *не просят* повезти их на Липицкое поле, рассказать и показать. Да и показывать там нечего...

Дрожит сухая былинка на ветру, за ней — бурожелтые весенние увалы, жесткая прошлогодняя

стерня, черная пахота, нежная зеленая полоса озимых. А все остальное — буйный кустарник, корнистый и крепкий. Так и карабкается с бугорка на бугор, с увала на увал. Горок-то, поди, уже нет, сровнялись с землей. Глядь, какая старуха в Юрьеве еще вспомнит про *Юрьеву Горку*, да за голову схватится: то ли сама придумала, то ли неведомо откуда на язык пришло от прабабок еще. **Авдова гора** и вовсе не упоминается, про ручей **Тунег** никто и слыхом не слыхивал, а услышит — так примет за что-либо немецко-басурманское, язык сломаешь... Все поглотила и все забыла земля за восемь прошедших веков.

Конечно, здесь надо поставить памятник. Или крест. Или часовню. И не иностранцев, а наших людей надо возить сюда. Наших.

Кстати, повесть о битве на Липице написал новгородец. Он и не скрывает симпатий к своим. Но ведь те же смоленцы — **союзники** новгородцев, и летописец мог хотя бы к ним отнестись дружелюбнее. Но нет. Он пишет: *«Новгородцы же не ради добычи бились, а смольняне бросились на добычу и обдирали мертвых...»*

Но ведь знал же летописец, что мародерство по тем временам не считалось большим грехом, что мародерствуют и те, и другие, *своих* он изобразил борцами только лишь за идею, а *смольнян* навеки пригвоздил к позорному столбу. Нет, того, что мы называем объективностью, не было и тогда.

Наших людей надо возить на Липицкое поле, наших...

Ряд безобразий всегда на виду

Лев Толстой, прочитав «Историю...» С.М. Соловьева, написал: «Приходишь к выводу, что рядом бе-

зобразий совершилась история России. Но как же так ряд безобразий произвели великое единое государство?»

Толстой субъективен. У Соловьева не только «ряд безобразий». Но Толстой прав в глобальном, общечеловеческом смысле. Только историк тут ни при чем. И Россия — тоже. Упрек Толстого надо адресовать всему человечеству и каждому человеку в частности. Натуре человеческой.

Летописи и Хроники всех времен и народов — это войны, распри, раздоры, интриги и братоубийства правящих династий. На том стоит история, во всяком случае, древняя.

Попробуйте найти в ней то, что было в промежутках между войнами и распрями.

А между тем в этих промежутках умом и руками людей создавалась Человеческая Цивилизация.

Но не только историки — мы сами не видим и не замечаем. Даже когда свидетельства созидательной работы у нас перед глазами.

Вот вам пример. Во время осады Москвы войсками Тохтамыша в 1382 году в Москве уже были огнестрельные орудия. Что-то вроде пищалей. Называлось — *тюфяки*. И даже пушки были! В малоизвестной летописной «Повести о нашествии Тохтамыша» прямо говорится: «*Тюфяки пуцаху... пушки пуцаху*».

Вокруг того похода и донныне кипят страсти. Он, поход, от начала до конца представляет собой загадку, некий средневековый шпионский детектив, где есть закрученная интрига, сплошь двойные и тройные агенты, и не понять, кто на кого работает и использует, какие интересы преследует. А еще надо учесть, что «Повесть...» за века несколько раз переписывалась, редактировалась в соответствующем духе. Так что — сплошная головоломка. (Вариант ее

разгадки я предлагаю в главе «Заговор против Дмитрия Донского».)

И за всем этим для нас совершенно затерялся сам факт, что в Москве в 1382 году было огнестрельное оружие! Быть может, купили его на Западе. А более вероятно, что уже были свои оружейники. Если колокола издревле отливали, то могли отливать и стволы. Да и слог летописи самый обыденный: тюфяки пущаху, пушки пущаху... Похоже, не были они тогда такой уж диковинкой.

А где пушки, там и порох. Значит, в Москве уже в 1382 году было свое пушечно-литейное и химическое производство! Но кто сейчас об этом знает и говорит?

Да и в самой летописи пушки упоминаются мелко, только в связи с войной. Про войны — пожалуйста, про достижения ума и рук человеческих — ни слова.

То-то и оно...

Другой пример — Святослав, князь Юрьев-Польской. Кто его знает? Был он сыном Всеволода Большое Гнездо. Дядей Александра Невского. Братом великого князя Ярослава. Наконец, самые образованные знают, что после смерти брата Святослав стал великим князем, но его сверг Михаил Тверской.

И почти никто на Руси вам не скажет, что Святослав построил в 1234 году храм, каких не было, нет и не будет в истории человечества. Что Святослав пригласил и поныне неизвестного миру гения, масштаб личности которого просто несоизмерим с тем временем.

Так что, Лев Николаевич, историк Соловьев тут ни при чем. Это натура человеческая такая. Это не только С.М. Соловьева, а всех нас надо спрашивать: «Люди, почему у вас всегда и везде Миних и Безбо-

родко — фельдмаршалы и канцлеры, а Пушкин — камер-юнкер? Или, если перевести на воинские звания — лейб-гвардии полковник Пушкин... А если в гражданские чины — статский советник Пушкин... Много это или мало?..»

А творение того безвестного гения и малоизвестного Святослава — вот оно, всегда было и есть перед нами.

Храм

Девочка рисует на сером асфальте рожу с оттопыренными ушами и, чтобы не было сомнений, кого она изобразила, крупно надписывает: «Вовка Никитен дурак, осел и глупый крокодил». У палисадников, на кудрявой траве, пасутся гуси. Бабушки беседуют на лавочках, а мужики перекуривают, сидя на свежераспиленных чурбаках: дрова к зиме уже заготавливают. К церковной железной ограде привязана палевая пушистая коза. Когда хозяйка подходит к ней, коза вытягивает шею и нежно целует хозяйку в лицо.

Идиллия маленького городка. Юрьев-Польской. Круглая церковная площадь. Тихий вечер.

И в центре площади, в сердце этого обыденного житейского круга, стоит приземистый каменный куб с таким же массивным, тяжелым куполом — Георгиевский собор.

Горожане, особенно те, чьи дома выходят окнами на площадь, его почти не замечают. Когда они родились, он уже стоял здесь. И когда их отцы родились, он тоже был. И когда их деды, прадеды и прапрадеды... Для них он — часть пейзажа, как небо.

Георгиевский собор в Юрьеве-Польском — единственный на Руси.

Он сам по себе, еще с момента рождения, художественная загадка. А дорогу к ее решению как будто нарочно запутала судьба.

Нынешний собор построил в 1234 году практически неизвестный в истории князь Святослав, один из многочисленных сыновей Всеволода Большое Гнездо. При этом он разрушил старый, будто бы обветшавший храм, поставленный при основании города его дедом — Юрием Долгоруким, и на его месте возвел новый. Да такой, что спустя сто лет его взяли за образец при строительстве Московского Успенского собора.

Но в середине XV века случилось что-то непонятное — Георгиевский храм в Юрьеве-Польском обвалился. Любители предзнаменований могут вспомнить ту, старую, разрушенную церковь и спросить: так ли уж обветшала древняя каменная кладка за каких-то восемьдесят лет, что ее надо было сносить с лица земли? Может, то гордыня говорила в Святославе, желание утвердить себя и построить свое? Пусть даже ценой разрушения старого храма. И вот, мол, расплата...

Кто теперь знает, как было на самом деле. Вообще-то князь Святослав был далеко не самым амбициозным из многочисленных и буйных детей Всеволода, заливших немало кровью родную землю. Скорее наоборот, Святослав был, по сравнению с братьями, тихим. Во всяком случае, удельный городок Юрьев-Польской в то время почти никакой роли в политике не играл, и летописями Святослав никак не отмечен.

В XV веке Юрьев-Польской был уже владением Москвы, и потому сюда из Москвы направили зодчего Ермолина с заданием — восстановить Георгиевский собор. Что он и сделал, собрал его из прежних блоков. Но при обвале некоторые блоки раскололись,

и потому другая их часть оказалась «лишней», так что одного-двух поясов явно не хватает и нынешний собор гораздо приземистей, чем он был при рождении.

Вдобавок ко всему многие блоки перепутались, чего нельзя было допускать никак, потому что они являлись составными частями единой композиции.

Суть в том, что Георгиевский собор в Юрьеве-Польском, пожалуй, единственный на Руси, снизу доверху украшен резьбой по белому камню.

С художественной стороны горельефы собора сами по себе давно уже признаны всеми специалистами «уникальными», «непревзойденными», «вершиной древнерусского искусства», так что не мне состязаться с ними в оценке. Но сейчас я говорю о другом. О самом мастере и — о темах, о сюжетах его работы.

Гений

Итак, представим себе: на дворе у нас начало XIII века. Городок Юрьев-Польской — довольно глухой уголок Руси вообще и Северо-Восточной в частности. Не Ростов Великий и не Муром, не Суздаль и не Владимир, тем более не Новгород и не Киев, не Болонья, Кембридж или Саламанка с их тогдашними университетами и богословскими кафедрами. Однако мир христианской культуры един. И потому вполне естественны и понятны сюжеты-композиции «Троица», «Преображение», «Семь спящих отроков эфесских», «Даниил во рву львином», «Вознесение Александра Македонского»...

Но дальше начинается нечто не очень понятное. Во-первых, львы. Их много, на всех стенах. Скорбные, мудрые, ухмыляющиеся, философски задумчи-

вые, размышляющие, положив тяжелую голову на скрещенные лапы в совершенно человеческой позе... Как будто сошли с древнеперсидских миниатюр, со страниц персидского эпоса и истории, в которой традиционно львы — опора престола, гроза всем и всему. А здесь... Многовато их все-таки для владимирского городка, не самый популярный и не самый характерный зверь для здешней природы. Ну, хорошо, говорю себе, и древнеперсидские «львиные» мотивы не диковинка, потому как торговля всегда шла и персидские ткани всегда ценились, да и давно уже лев повсеместно стал символом мощи и власти. В Персии живые львы сидели по обе стороны от престола царя царей. В евангельских преданиях от Матфея и Иоанна лев становится символом могущества Христа. Лев появляется на знаках английского и шведского королей.

Произведения искусства — особая статья, они могут питаться и отраженным светом из глубины минувших веков, и фантазиями и личными пристрастиями художника. Но вот факт самый что ни на есть государственно-жизненный: на гербах всех владимирских городов — лев. Лев с крестом.

Понятно, гербы городов появились в России уже при Петре Великом. Но задолго до этого лев был знаком галицких (нынешний центр Галиции — город Львов) и владими́ро-суздальских князей...

Наверно, трудно точно установить, где раньше появился лев — на храме Покрова на Нерли, воздвигнутом в 1157 году, или на знаках владимирских князей. Во всяком случае, на личной печати Александра Невского — а он жил век спустя — конный воин, поражающий копьем дракона...

Но ни древнеперсидские, ни русско-державные поздние львы не идут ни в какое сравнение с юрьевпольскими — загадочными, как сфинксы...

Однако и ангелы здесь тоже не совсем обычные. У них, присмотревшись к горельефам, можно увидеть четко прорисованные детали крепления крыльев к рукам! То ли автор знал миф об Икаре и Дедале и творил нечто по мотивам мифа, то ли... Впрочем, меня занесло, сдаюсь, поскольку в древнерусском искусстве мало что смыслю и более чем вероятно, что за детали крепления я принял традиционные, постоянно повторяемые художественные приемы, как и доказывала работница музея, поначалу даже растерявшаяся от моего дилетантского предположения.

Но ведь среди тех, кто смотрит горельефы, специалистов — считанные единицы, так что мы, простые смертные, имеем небольшое право на свое восприятие и на удивление. И как же не удивляться этим сюжетам, столь непривычным для православных храмов. Позднее они будут расцениваться блюстителями церковных правил как «языческие» и даже «кощунственные», не подобающие для убранства церквей. Так их и не будет потом. А это — начало XIII века, и жесткого церковного канона для художников на Руси еще нет.

Вот, например, чудо-юдо непонятное: торс и голова человека с узкоглазым скуластым ликом — на туловище зверя. Лауреат Ленинской и Государственной премий доктор исторических наук Николай Воронин, всю жизнь отдавший изучению архитектуры Владимиро-Суздальской земли, называет этих существ кентаврами-китоврасами. Но ведь кентавры — это полулюди-полукони. А здесь же ничего лошадиного нет, туловище и лапы — львиные. Так что, скорее всего, это больше *сфинкс*, нежели *кентавр*.

Но в любом случае ясно одно: этот человек, автор, художник, мастер древний — одинаково хорошо

знал мифы и о кентаврах, и о сфинксах, если сотворил по мотивам легенд нечто напоминающее и тех, и других. Кстати, все львы у него — почти с человеческими лицами. Чуть-чуть подправить — и юрьев-польской сфинкс. А на той стене, где изображены маски людей и зверей, совершенно отчетливо и сознательно все двойится: не то льво-человек, не то человеко-лев, а может быть, и человеко-волк...

Но и это не все. На одном горельефе рядом — целитель Козьма и... *грифон*. Это чудище из древневосточных мифов — помесь опять же льва с орлом.

Еще одна птица — на другом горельефе. Точнее, полудева-полуптица. *Сирена* — из древнегреческих мифов.

И еще сюжеты, понять, уразуметь которые я не могу, потому что знаний не хватает. А я все-таки книжки читал, поскольку в XXI веке живу, и ученые люди собрали эпосы, мифы народов мира, перевели на русский язык и таким образом дали мне возможность их узнать.

А тогда, повторю, на дворе стоял XIII век. Если точно — тысяча двести тридцатый год. И университета в городке Юрьеве-Польском не было, и библиотеки, и книгопечатания, да и бумаги тоже... Князь был, дружинники были, смерды в курных избах, мастера-камнерезчики...

И был мастер, художник, автор. Человек, который все это придумал, он знал все мифы стран и народов тогдашней ойкумены. Не только знал. Он жил в них, трансформировал, переводил их на язык рисунка и камня. Кто он был, кем он был? Княжеского ли рода сын, вместо меча, взявший в руки кисть и резец? А может, из дружинников, а то и из смердов? Где он учился, в каких краях? Или залетная птица? Из византийских, македонских, болгарских, ближних литовских пределов? Как попал он сюда?

Смотрю на городок, на сорняки в канавах, на избы и сараюшки, воображаю, каким же он был почти восемь веков назад. И поневоле хочется крикнуть изумленно: не мог в ту пору жить здесь такой человек!

Однако ж он был! Вот в чем дело!

Плотен туман восьми веков, трудно, невозможно даже представить себе этого человека, тем более в тогдашнем юрьев-польском быте. Имя бы знать, но имя неизвестно. И остается лишь вековая дымка.

Хорошо, хоть знаем имя князя, задумавшего и волей своей поставившего храм. И не только имя — лицо его можем видеть воочию. Маска Святослава, кстати, из горельефа храма, сейчас хранится внутри, под стеклянным колпаком. Но я все равно боюсь за нее. Зимой собор промерзает насквозь, заледеневаает. Весной оттаивает, и потоки воды струятся по стенам. О реставрации же собора по нынешним временам и речи нет. Да и раньше не было. Несколько блоков-горельефов, оказавшихся «лишними» во время восстановления собора в XV веке, лежат прямо на улице. Так и представляешь себе какого-нибудь пьяного мужика с кувалдой, который, куражась, на спор вдребезги разбивает «каменюгу» с трех ударов...

Работая над книгой, я звонил в Юрьев-Польской, спрашивал, по-прежнему ли блоки лежат на улице. А мне сказали, что нет, они все в запасниках. И только я порадовался, как служительница музея добавила, что никогда они на улице и не лежали. Вот тут я и засомневался...

А про маску я уже говорил. Слов нет, драгоценная, древняя. Но... Иногда я думаю, что будь эта маска другого князя, тотчас бы забрали ее в Москву, хранили, показывали, писали и говорили. А что Святослав... Ничем и никому он не известен. Если бы сжег сорок

деревень и городов чьих-нибудь или десять тысяч русских людей вздернул на дыбу, тогда — да, тогда мы сразу признали бы его «исторической личностью» и создавали вокруг него легенды. А так — что ж... Ну, поставил храм. Пусть даже и единственный в своем роде. Ну и что. Этим нас не удивишь.

НЕ СМЕШИТЕ МОИХ СТАРЫХ РВАНЫХ ТАПОЧКОВ...

Как только заходит речь о тайнах и парадоксах нашей истории, в широких читательских кругах тут же возникает вопрос: «А как вы относитесь к работам Фоменко?»

То есть исторические эскапады математика-академика А. Фоменко стали уже чем-то вроде популярного фильма. О них, во всяком случае, пусть даже понаслышке, знают почти все. Мы «Повесть временных лет» в полном, неурезанном виде не читали, что означает слово «полк» в «Слове о полку Игореве» — не знаем, а Фоменко — пожалуйста, у всех на устах. На всех прилавках. Гигантскими тиражами выходит. Так что феномен не в Фоменко, а в нас. И потому тем более нельзя обходить его стороной. Нельзя отворачиваться ни в коем случае.

Новомодные исторические теории академика-математика Фоменко опровергаются очень просто. Одним примером. Если самые разные источники говорят о посланиях Римского Папы Иннокентия IV к великому монгольскому кагану Гуюку и Александру Невскому в 1248 году, то они были. И послания, и

персоны, и год. Все хронисты-летописцы древности договориться не могли. Да и ради чего? Чтобы одурачить г-на Фоменко, который не обманулся и ныне всех разоблачил? Как говорят в Одессе, не смешите моих старых рваных тапочков.

Но, тем не менее, серьезные ученые собирались в МГУ на специальную научную конференцию и приняли решение издать целый том материалов, разоблачающих теории А. Фоменко. И такая книга была издана. Правда, олимпийцы от науки могут сказать: «Не много ли чести? Зачем из пушки по воробьям?» Но «воробей» Фоменко — массовый. А к массовым явлениям, по-моему, не стоит относиться свысока.

Феномен Фоменко прост. Он — в пролетарском сознании большинства населения. У нас — особенно. С первых лет революции внедрялось, что простой человек заранее умнее всех этих очкариков... Не хрена нас учить, мы сами с усами. Одним махом — всех побивахом.

История увлекательна в книгах. А писать ее — утомительное занятие. Самая главная и самая трудная дисциплина в истории — источниковедение. Любое свидетельство, любую летопись-хронику ученый проверяет со всех сторон, каждый ее факт. Сопоставляет со всеми документами всех стран и народов! Потому как мало ли что может написать хронист! Забыл, перепутал, под влиянием ложных идей писал, под давлением князя-герцога-хана, который заставил умолчать свое поражение, зато велел приписать ему подвиг другого князя, в другое время совершенный. Потом, хроники ведь переписывались. А у переписчиков тоже были свои мысли, и свои идеи на сей счет, они тоже что-то убирала и вставляли. Разбираться в этом — голову сломаешь!

То ли дело, узнав о противоречиях в летописях-хрониках, заявить: «Все это брехня! Все это сочине-

но в XVIII веке. На самом деле ничего не было! Дурят нашего брата!»

Какая радость для «нашего брата»!

Самую яркую иллюстрацию этого тезиса подбросила сама жизнь. В «Комсомольской правде» — газете с огромным тиражом — вышло интервью с Фоменко, в котором он утверждал, что Георгий Победоносец — это Чингисхан. А общий заголовок, которым газета снабдила это интервью и еще несколько мелких материалов, такой: «Георгий Победоносец — это Чингисхан. Только в чалме».

Фоменко неведомо, что культ Георгия Победоносца сложился за века до Чингисхана, что одно из первых иконописных изображений датировано аж X веком. А его поклонникам в редакции «Комсомольской правды» неизвестно, что Чингисхан к чалме **никогда и никакого отношения не имел**. Но «нашему брату» ведь все равно: если азиат — то мусульманин, и нечего тут сложности разводить... Так, одна литературная героиня из Шотландии считала, что за пределами Эдинбурга весь мир — это первобытные джунгли с редкими дикарскими стойбищами в Лондоне, Париже и Риме...

Вот в каком конфузе трогательно сошлись два апломба — Фоменко и его почитателей в редакции «Комсомольской правды» и еще многих других газет.

Еще один источник феномена Фоменко — Мечта об Одной Книге, в Которой Сказано Все. Не случайно же многие, в том числе и великий шахматист, говорят: «Ну, все, теперь я все знаю, никакой историк меня с толку не собьет». Это и есть та самая мечта. Не хочется всю жизнь читать и что-то узнавать по крупицам. А тут прочитал Одну Книгу — и сразу в дамках, все науки превзошел.

При всем при том у Фоменко всегда под рукой блистательный выход из положения. Он в любой мо-

мент может сказать: «Ребята, да я же вас разыграл! А вы и всерьез подумали?! Ха-ха!»

И все останутся в дураках. А Фоменко — в белом. Да ладно бы последователи и почитатели Фоменко — туда им и дорога. Но ведь и те, кто его опровергал, серьезные ученые, тоже окажутся вроде как в неловком положении...

Но не надо этого бояться! Был уже такой случай, когда не сочли нужным... А потом не знали, куда глаза прятать...

Фоменко играет на скептицизме. И действительно, нас столько обманывали, что разрушителям теперь верят сразу, не задумываясь. А в семидесятые годы был такой же Фоменко, который играл на патриотизме. «Почему это история славянства ведется только с начальных веков нашей эры? — гневно вопрошал он. — Нет, славяне были задолго до нашей эры!» И начинал доказывать, что Ахилл — не кто иной, как древнерусский князь (архонт).

Да-да, не смейтесь. Все тогда всерьез было. Его сочинения на сей счет издавались и переиздавались.

И ладно бы, на здоровье. Но дело в том, что никто и нигде ему не возразил. Не спорили! Боялись обвинений в «непатриотизме»... Лишь легкомысленный журнал «Юность» однажды, скорее всего по неосторожности, откликнулся на изыскания в юмористическом разделе. Но тут же последовал грозный окрик из тогдашней «Литературной газеты»: кто вам дал право так непочтительно говорить об уважаемом писателе?!

Хорошо помню свой тогдашний разговор с крупнейшей специалисткой по античной литературе А.А. Тахо-Годи, кстати, женой всемирно известного исследователя античной философии и античной эстетики А.Ф. Лосева. Я спросил, почему она не вме-

шается в этот балаган, не скажет своего веского слова. Она посмотрела на меня как Зевесова орлица и сказала клекочущим голосом, испорченным древнегреческим произношением: «Молодой человек, вы нашли точное слово! Это балаган! И мы никогда не опустимся до этого балагана!»

Одним словом, олимпийцы. Но мне все-таки гораздо ближе и понятней позиция современных ученых, которые не стесняются испачкать свои белые одежды спором с Фоменко. Хотя... известна почти притча о том, как на экзамене по английскому языку некий недоросль стал читать: «Тхе... тхе...» На что преподаватель сказал: «Молодой человек, идите...» Потому что когда начинается «Тхе, тхе...», то говорить совершенно не о чем.

Точно так невозможно всерьез спорить с Фоменко, который утверждает, к примеру, что «Ватикан» ведет свое название от русского «Баты-хан», а точнее, «Батя-хан», потому что именно так русские звали хана Батя и принесли его отеческое имя в католическую столицу! Понимаете, это уже полное «тхе...». Но — надо спорить. И опровергать. Как писал Лев Николаевич Гумилев, задача науки — борьба с невежеством. И с шарлатанством тоже, — добавлю я от себя. Хотя я и не научный работник, и мне достаточно услышать «тхе, тхе, тхе», чтобы сказать: «Идите...»

СЫН БАТЫЯ

То, что Александр Невский — приемный сын хана Батыя, давно уже аксиома. То есть положение, не требующее доказательств. Из него исходят в дальнейших построениях и рассуждениях.

Например, одни утверждают, что никакого татаро-монгольского ига не было, а был союз, симбиоз, федеративное, а точнее — конфедеративное государство во главе с ханами Золотой Орды и великими каганами в Каракоруме. О каком иге можно говорить, если Александр Невский, приобщенный Русской православной церковью к лику святых, был побратимом царевича Сартака и, соответственно, приемным сыном Батыя?!

Другие — опровергают, утверждают, что иго было и помогли его установить предатели русского народа — великий князь Ярослав и его сын Александр Невский, ради личной власти над Русским улусом пошедшие на союз с Золотой Ордой. И даже на то, чтобы побрататься с Сартаком и стать приемным сыном Батыя!

И ни разу не встречал я дилетантского вопроса-возражения — а откуда вы взяли, что Невский был

сыном Батыя? Где это написано? В каких летописях-документах?

Нигде не написано.

Прямых доказательств нет.

Но в истории, тем более древней, средневековой, прямых доказательств вообще мало. Тем более — прямых документов. Да что там древняя! Например, нет документа о сдаче японцам Порт-Артура 20 декабря 1904 года (2 января 1905 года).

Нету.

История, тем более древняя, средневековая — это всегда совокупность косвенных доказательств и свидетельств. Если на их основе вырабатывается «непротиворечивая версия» (термин Л.Н. Гумилева), значит, истина установлена. Или — почти установлена.

Для профессиональных историков это опять же аксиома, азбука.

Но почему просто читатели ни разу не усомнились, не потребовали прямых доказательств побратимства Александра и Сартака?

Наверно, авторитет Льва Гумилева был бесспорен. Бесспорна непротиворечивая версия, система выстроенных им косвенных доказательств. Собственно, история Руси того периода.

Одно из косвенных, но очень существенных доказательств побратимства Сартака и Александра я нашел в... «Житии» Александра Невского. То есть оно всегда было на виду.

Конечно, здесь мы имеем сложный, противоречивый текст. Как и во всех летописях. Оригиналов ведь нет. «Житие» начали создавать примерно через 120 лет после смерти Александра. Из каких источников брался материал — неизвестно. Сколько раз потом переписывалось, редактировалось — тоже неизвестно. В итоге мы имеем текст XV—XVI веков о

деяниях XIII века. Перепутаны имена, события, даты. Например, пишется, что Александр после смерти отца навел ужас на Владимир, а потом поехал в Орду: *«После смерти отца своего пришел князь Александр во Владимир в силе великой. И был грозен приезд его, и промчалась весть о нем до устья Волги. И жены моавитские начали стращать детей своих, говоря: «Вот идет Александр!»*»

Но Ярослав умер в 1054 году, а тогда у Александра не было «силы великой», во Владимире законно княжил Андрей, и никаких походов на город в истории и не зафиксировано. А ужас на Владимир он мог навести, и навел, только в 1053 году, уже после поездки в Орду, получив от Батыя конницу.

Вообще, поездка в Орду представляется в «Житии» как единственная. Хотя Александр жил там, наверно, не меньше, чем дома. Ну, как нынешние губернаторы постоянно бывают в Москве — работа такая. И если отмечается в «Житии» какая-то поездка в Орду — значит, было тогда Событие. Но Событие потом отредактировали, перепутали, вообще вычеркнули, и осталась поездка. Со словами Батыя, совершенно непонятными.

«Решил князь Александр пойти к царю в Орду... И увидел его царь Батый, и поразился, и сказал вельможам своим: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему».

Зададимся вроде бы простым, дилетантским, а на самом деле очень даже профессиональным вопросом: «А с чего это вдруг Батый так восхищается нашим князем Александром?»

Ну, с каких таких коврижек?

Если исходить из теории ига, то полный абсурд. Приехал в ставку к хану-завоевателю удельный князь завоеванной страны. По делам приехал, с просьбой

какой-то. Или же хан его вызвал, чтобы дать указания.

С чего вдруг такие изъяснения чувств?

А если исходить из того, что ига не было, а были союзнические, и даже дружеские отношения, все равно абсурд. В «Житии» написано так, будто Батый впервые увидел Александра. И поразился. На самом же деле знал он его давно. Батый — давний друг великого князя Ярослава, отца Александра. Именно Ярослав еще в 1245 году призвал русских князей признать Батыя «своим царем».

Да и в любом случае Батый не стал бы поражаться. Не тот человек. Не та ситуация. Не та, наконец, традиция.

Не мог Батый говорить такое. Он и не говорил.

Говорил, скорее всего, Сартак.

Это — ритуал побратимства, почти одинаковый и у скифов, и тюрко-монголов, и славян. Обмениваются оружием, одеждой, пьют из общей чаши, перевозят друг друга. Не только во время ритуала, но вообще, везде и всюду. Прочитируем «Сокровенное сказание» монголов. Джамуха так говорит врагам монголов о своем побратиме Темучжине (будущем Чингисхане): «Это подъезжает мой побратим Темучжин. Все тело его залито бронзой... железом оковано: негде иглою кольнуть. Он словно сокол».

В таком каноническом стиле говорил, как я полагаю, и Сартак, превознося великую доблесть и княжескую мудрость своего побратима Александра: *«Нет князя, подобного ему».*

И Александр говорил примерно так же, превознося храбрость и отвагу названного брата — царевича Сартака, наследника трона Золотой Орды.

Ритуал.

Оттуда и залетели эти слова в «Житие» Александра Невского!

Кочуя из летописи в летопись, видоизменяясь, потеряв первоначальный смысл, сохранилось-таки в единственном документе.

Иначе объяснить эту фразу невозможно.

Надеюсь, моя версия непротиворечива. То есть реконструирует ситуацию и отвечает на вопросы.

ТАЙНА КУЛИКОВА ПОЛЯ

Против кого воевал Дмитрий Донской?

«Спросите у любого человека, кто такой Дмитрий Донской? Куликовская битва, освобождение от татар... Если бы самому Дмитрию Донскому сказали эти слова — «освобождение от татар», — он бы с ума сошел. Потому что царем, которого он признавал, был именно татарский царь. А Мамай, которого побил, был самозванец, узурпатор, от которого он этого самого царя защищал. И ничего даже близкого «освобождению от татар» у него в голове не было. А ведь это — святая святых нашей истории».

(Ю. Афанасьев, «Общая газета»)

Понятен пафос ученого, восстающего против фальсификации истории, в угоду чему бы то ни было. И нельзя его не разделить. Но при этом Юрий Афанасьев пытается развенчать Дмитрия Донского, ставя ему в вину союз и защиту «татарского царя». Мол, первый слуга, а никакой не борец...

Так историк, опровергая одни мифы, тут же предлагает вместо них другие, столь же идеологизированные, но уже с другим знаком.

Возможно, Александр Невский и Дмитрий Донской преследовали только личные цели, хотели только личной власти, которой добились при поддержке Орды. Они не оставили письменных свидетельств, как нам надо толковать и в чем искать смысл их деяний. Но мы, слава богу, имеем возможность и **обязаны судить по результатам**. А результаты известны — мы живем в России, которую создали, отстаивали и укрепили именно Александр Невский и Дмитрий Донской. **Каким образом** — вот в чем суть всех страстей нынешних!

«Западники» открыто пишут о дружбе Невского и Донского с ханами Орды и называют это низкопоклонством и предательством. Но умалчивают при этом об объявленных крестовых походах Запада против Руси. И «патриоты-славянофилы», при всей своей нелюбви к Западу, тоже об этом почему-то умалчивают. Зато стараются выдать святых князей за яростных борцов против Золотой Орды. И получается полная нелепость. Бред сивой кобылы, простите! И как тут можно спорить, когда сам предмет спора не обозначен, стыдливо и неуклюже замолчан, просто-напросто оболган? В таких случаях всегда, вольно или невольно, в ход идут идеологемы, в общем — эмоции. Вот откуда невнятица, горячность, сумбур.

Духовный, исторический и политический наследник Александра Невского — князь Дмитрий на Куликовом поле также сражался не против Золотой Орды, а за Орду.

Но тут надо многое прояснить. Потому что наша официальная и массовая история с соловьевско-ключевских времен долбит одно и то же, невзирая на очевидные факты, на русские же летописи, не говоря уже об армянских, к примеру... У нас Мамай до

сих пор считается ханом Золотой Орды. И битва Дмитрия Донского на Куликовом поле считается войной с Золотой Ордой и победой над Золотой Ордой. Ничего подобного у Дмитрия Донского и в мыслях не было — тут Афанасьев трижды прав. Потому что ни Дмитрий, ни другие русские князья, ни — главное — православная церковь никогда в то время не выступали против Золотой Орды и никогда не ставили знак равенства между Мамаем и Золотой Ордой. В то время в Золотой Орде, как отмечают русские летописи, наступила «великая замятня». Твердой власти не стало, ханы убивали и травили друг друга в тайной войне за трон. Да, мятежник и узурпатор воевода Мамай пользовался в Золотой Орде огромным влиянием. Но ханом он не был и не мог быть никогда по причине того, что не являлся потомком Чингисхана. И потому, наверно, создал свою орду — Мамаеву. Кстати, в русских летописях иногда встречается «Мамаева орда», но ее опять же все историки и тем более писатели-публицисты отождествляют с Золотой Ордой. Мол, разные названия одного и того же. И только в конце XX века пробился первый свет, появилось первое сообщение. Вадим Кожин не задолго до смерти определил и **доказал**, что «Мамаева Орда» и Золотая Орда — совершенно разные образования. Он привел ранее никогда не упоминавшиеся в исследованиях **«Памятные записи армянских рукописей XIV века»**, в которых черным по белому начертано:

«Завершена сия рукопись в 1371 году во время владычества Мамая в области Крым...»

«Написана сия рукопись в 1377 году в городе Крым во время владычества Мамая — князя князей...»

Переводы сделал и представил Вадиму Кожину армянский ученый В.А. Микаелян. А значит, вся

наша историческая наука до Кожина и Микаеляна не удосуживалась заглянуть в древние армянские рукописи, живя с армянами в одном государстве — России и Советском Союзе? Остается только вздохнуть...

Одним словом, была отдельная и довольно могущественная Мамаева Орда в Крыму. Причем Мамай одновременно набирал в свою армию и конников из Золотой Орды. В общем, властелин громадных пространств, командующий многочисленной армией, диктовавший свою волю и Москве, и Рязани, и Золотой Орде, и в чем-то даже Ягайле, великому князю Литвы. Вот против кого и выступил Дмитрий Московский...

Но назвать князя Дмитрия последовательным борцом с Мамаем опять же будет ошибкой. Не было в то время и в тогдашней политике прямых, однозначных решений и действий. Ко времени усиления Мамаева великий князь Дмитрий был уже взрослым человеком и вполне зрелым политиком. Учтем, что всю жизнь, с молодых лет, он руководил страной по советам своего наставника детства — митрополита Алексия, фактического правителя Руси с 1353 года. Об этом человеке, забытом русским народом и церковью, создателе Русского государства, говорится в очерке «Три патриарха». А митрополит был верным союзником Золотой Орды, его связывала личная дружба с ханом Джанибеком и ханшой Тайдулой. Но когда Джанибека и Тайдулы не стало, в Орде начались разор и смута, огромная власть сосредоточилась в руках Мамаева, — Алексей и Дмитрий пошли если не на союз с Мамаевым, то, по крайней мере, признали его власть. А куда было деваться? Объявлять Мамаеву войну бессмысленно. И, главное, во имя чего? Ради вассальных обязательств перед Золотой

Ордой и законной ханской властью, которых тогда просто не существовало? Это все равно что воевать с ветряными мельницами...

Митрополит Алексей и князь Дмитрий жили в сложном и жестоком мире и были дальновидными политиками. Мамай использовал их в своих целях, но и они использовали Мамаю. Например, князь Дмитрий вместе с Мамаем воевал против Олега Рязанского, своего ближайшего соседа и вечного противника. И очередной ярлык на великое княжение, то есть на власть над Русью, получил из рук Мамаю. При этом нет никаких свидетельств, что Дмитрий хоть как-то поддерживал Мамаю в его стремлении занять трон Золотой Орды. То есть Орда остается как бы за скобками сегодняшней политики Руси: есть Мамай, с ним и поддерживаем отношения.

Такова реальность. И она, между прочим, говорит об Алексии и Дмитриии больше, чем абсолютно непонятные умолчания или прямые искажения с целью возвеличения. Но ложью можно только унизить...

И тут нельзя не сказать об одном из так называемых мифов, связанном с именем Дмитрия. Да это и есть миф, ставший абсолютным каноном. О том, что Сергей Радонежский благословлял князя Дмитрия на Куликовскую битву. **Но в первоначальном «Житии Сергия Радонежского» ничего не говорится о такой встрече.** И вообще, их отношения были очень напряженными, если не сказать — враждебными. (Об этом — в главе «Три патриарха».) А миф написали уже потом, и успешно внедрили в сознание масс. Но это — сопутствующая тема...

К концу десятилетия, особенно к 1380 году, политическая картина изменилась, положение Мамаю резко ухудшилось. Законным преемником золотоордынского трона стал Тохтамыш — хан Синей Орды,

владения которой простирались в нынешней Западной Сибири, Северном Казахстане, по бассейну Ишима, Иртыша и Оби. Очень сильный, могучий хан, самый авторитетный в то время в монгольской империи. Он собрал армию и двинулся к Золотой Орде, к своему законному трону.

Как раз к тому времени, за два года до того, происходят стычки русских войск с мамаевскими на Пьяне и на Воже. Дмитрий делает решительный выбор — порывает с Мамаем и переходит на сторону Тохтамыша. На Руси хан уже провозглашен «царем Тохтамышем».

Ситуация критическая не только для Мамаю, но и прежде всего для Запада. Если сильный хан Тохтамыш утвердится в Золотой Орде, то планы католической церкви рухнут в очередной раз, как это было при Александре Невском, который и заключил вечный военно-политический союз Руси и Золотой Орды. Владимирская Русь во времена Александра Невского и Дмитрия Донского была опорой Орды. Точно так же, как Золотая Орда стала опорой для Владимирской Руси. Связаны воедино. Рухнет один — легко одолеют и другого. А против объединенной русско-ордынской конницы ливонско-тевтонские рыцари были бессильны. Потому-то и срочно снарядили армии Мамаю и великого литовского князя Ягайло, отрекшегося от православия и перешедшего в католичество. Литва в те века была копьем Запада, направленным против Востока. В двухтомном труде германского историка Эдварда Винтера «Россия и папство» прямо говорится, что Ватикан планировал *«завоевание Руси при посредстве Литвы... Во имя пап и с их благословения. Литовские князья действовали так усердно, что образовавшееся Великое княжество Литовское на 9/10 состояло из областей Древней Руси... При Клименте VI Ли-*

тва заняла центральное место в планах захвата Руси». Не случайно же великий литовский князь Ольгерд перед смертью передал власть младшему сыну Ягайле, нарушив все династические правила преемственности власти. Очевидно, что Ольгерд, убежденный противник Москвы, из своих сынов выбрал того, кто целиком и полностью разделял его неприязнь к Москве и Дмитрию Московскому. Ведь Ольгерд предпринял два похода на Москву, а в перерывах между ними всячески поддерживал Тверь в ее постоянной вражде с Москвой. Тут надо обязательно напомнить, почему Тверь не пришла на Куликово поле, потому что была союзницей Литвы. Потому за пять лет до Куликова поля московские войска Дмитрия Донского вели осаду Твери.

А что до династического противостояния в Литве, то дети Ольгерда, православные братья Андрей и Дмитрий, бежали от своего новообращенного католического брата Ягайло на Русь. Андрей был посажен на княжение во Пскове, а Дмитрий, который был князем в литовском тогда городе Трубчевске, сдал его Москве и в обмен получил княжение в Переславле-Залесском. И Андрей, и Дмитрий в составе московского войска вышли на Куликово поле против своего брата Ягайлы. В той битве они возглавляли передовой полк и сражались героически, что общеизвестно.

Эти подробности, я думаю, убедительно говорят о том, насколько убого, примитивно и несостоятельно упрощение, «выпрямление» истории. События, настроения, противоречия эпохи не укладываются ни в какую схему.

Но общая линия в истории, безусловно, присутствует. За Мамаем и Ягайлой стоял Запад во главе с Римским Папой, католическая церковь, которая еще

полтора века назад **объявила крестовый поход** против *«схизматиков и татар»*, то есть против Руси и Золотой Орды. Если с севера наступление шло через Литву, то с юга — из Крыма. В XIII веке там образовалась мощная генуэзская колония — города Кафа (Феодосия), Чембало (Балаклава), Солдайю (Судак)... К тому времени Золотая Орда утратила власть над Крымом, а Мамай, ставший там «царем», сам опирался на финансовую мощь этих городов, стоящей за ними Генуи и, соответственно, папство. В сказаниях о Куликовской битве с точностью указываются наемники, в том числе и «фряги» — то есть итальянцы из генуэзских колоний в Крыму, а также говорится о замыслах Мамаю: *«Когда войду в Русь и убью их князя, то какие грады прекрасные пойдут нам, там сядем и будем Русью владеть»*. А это еще раз говорит, что Мамай к политике ханов Золотой Орды никакого отношения не имел и действовал как раз против ее воли, традиций, законов и интересов. Во-первых, Золотая Орда никогда не прибегала к услугам наемников, тем более итальянцев. А во-вторых — и это самое главное — Золотая Орда никогда не завоевывала и не стремилась завоевать Русь. Двести пятьдесят лет, со времен Батыя и Александра Невского, они сосуществовали рядом, на правах союзных государств, на правах сюзерена и вассала. Со всеми конфликтами, набегами, походами, участием в усобицах удельных князей, однако без завоевания. Очевидно, что Мамай тут выполнял волю своих западных союзников.

Но планы крестового похода совпадали и с личными планами и устремлениями Мамаю. Его положение было чрезвычайно сложным. С приходом Тохтамыша власть бывшего темника кончалась сама собой. А теперь, когда Дмитрий порвал с ним и поддержал Тохтамыша, надежды на сохранение хотя бы

влияния на Орду и вовсе превращались в дым... Значит, оставался только Крым, но и там Мамай не чувствовал себя хозяином, потому как там уже правили деньги генуэзских купцов. Доказательство чему — дальнейшая судьба Мамаю. После поражения на Куликовом поле от Дмитрия и на Калке — от Тохтамыша, он бежал в Крым, где его и убили при неизвестных обстоятельствах. В общем, марионетка, не оправдавшая ожиданий. Последний шанс Мамаю был — перенести свою ставку в Москву. И потому он моментально заключает союз с Олегом Рязанским против Дмитрия, Мамаю непременно надо завоевать Москву и другие русские города до прихода Тохтамыша, *«там сесть и Русью владеть»*, разделив ее между собой, Ягайлой и Олегом, к полному удовлетворению последних. Олег Рязанский в письме к Ягайле уже подробно расписывает, кому что достанется: *«Царь даст тебе град Москву, да и иные грады, прилегающие к твоему княжению, а мне даст град Коломну, да Владимир, да Муром, что стоят близко к моему княжению»*. И откровенно радуется и предвосхищает успех: *«Ныне же, князь, пришло наше время!»*

И действительно: три армии — рязанская, литовская и мамаевская — вышли в тот поход, абсолютно уверенные в успехе. Прежде всего, потому, что они опережали Тохтамыша, который со своей армией не успевал ни к Сарая, ни к Москве, ни к Куликову полю.

Но, видно, Господь простер тогда руки свои над Русью. К сече на Куликовом поле на один день, на один переход опоздала армия Ягайлы, потому что она шла через покоренные литовцами черниговские и новгород-северские земли, население которых всячески ей препятствовало.

Тут непременно надо сделать большую географическую поправку. А то когда я пишу «Ягайло», «Литва», то перед взором читателя предстает нынешняя Литва, Балтика, западное направление. На самом деле Ягайло шел к Куликову полю с юго-юго-запада, от Киева. Ставка Ягайлы, а затем Витовта была в Киве, который в те времена являлся одним из главных городов Великого княжества Литовского.

Опоздал к битве и Олег Рязанский. Как и почему — неизвестно до сих пор. Но на всякий случай князь Дмитрий перевел ополчение через Дон, на встречу Мамаю. Положение было отчаянное: Дмитрий сам себе ограничил маневр, возможность отступления, потому как за спиной у него был Дон. Но им же, Доном, он на всякий случай оградился от удара в спину со стороны дружин Олега Рязанского.

И кто знает, как сложилась бы история Руси, соединись тогда армии Мамаю, Ягайло и Олега Рязанского...

Таким было положение в Восточной Европе, в Орде и на Руси на день Куликовской битвы — 8 сентября 1380 года, после которой, как известно, князь Дмитрий Московский стал Дмитрием Донским. Русские разбили Мамаю и сохранили трон Золотой Орды для законного хана Тохтамыша. И тем самым отстаивали себя, свою государственность и веру. Не случайно именно на Куликовом поле, как нигде и никогда ранее, ощутимо проявилось даже не влияние, а руководство православной церкви. Ведь главным союзником Мамаю был Ягайло, то есть за Мамаем стояла могучая католическая Литва, через которую шло наступление Римской церкви. А русские князья, объединенные вокруг Дмитрия Донского, и православные иерархи во главе с Сергием Радонежским считали своим сюзереном законного хана Золотой Орды «царя Тохтамыша»...

Такова подоплека тех событий.

Другое дело, что они получили в официальной истории однобокое и странное истолкование. Например, в хрестоматийной литературе о Куликовской битве практически не употребляется самое раннее описание битвы — из Симеоновской летописи. Поскольку князь Дмитрий в ней фигурирует как живой, то создана она никак не позже 1389 года, то есть, **бесспорно**, является документом, **написанным по следам событий**. Но Симеоновской летописи, повторю, в хрестоматиях и сборниках о Куликовом поле нет. Зато широко распространены другие, более поздние. Не потому ли замалчивается Симеоновская летопись, что там князь Дмитрий, хан Тохтамыш и все русские князья после победы над Мамаем обмениваются поздравлениями, подарками и посольствами!

Но аналогичные, и даже более подробные сведения есть, к примеру, и в Рогожской летописи. Там прямо говорится, что русские князья отправили послов *«со многими дарами к царю Тохтамышу»*. Впрочем, гораздо важнее, **как** формулируется там известие от Тохтамыша, который окончательно разбил Мамаю в сражении на Калке и утвердился на троне Золотой Орды. И тотчас отправил своих послов к *«Дмитрию и всем русским князьям»*. С известием, *«как супротивника своего и их врага Мамаю победил»*.

«Супротивника своего и их врага»! Общего врага!

Из современных авторов на странности нашей историографии о Куликовской битве обратил внимание еще в 1980 году Вадим Кожин в журнале «Наш современник». От себя добавлю: в обстановке несколько взвинченного державного празднования

600-летия Куликовской битвы надо было иметь немалое мужество, чтобы высказать такие крамольные мысли.

Но еще за двадцать лет до Кожинова известнейший исследователь древнерусской литературы академик М.Н. Тихомиров в одну из своих статей вставил абзац, в котором намекнул, что в древних источниках есть совсем другие сведения о Куликовской битве и не все материалы введены в оборот современной науки.

Но если у нас уже принята и взята на идеологическое вооружение теория «ига», то получается, что, сражаясь против «татарского хана», мы тут же посылали гонцов к «татарскому хану»? За что боролись и с кем боролись? Не нужна нам такая правда и такие летописи!..

Так и жили, так и воспитывали поколения своих граждан. До сих пор на раке с мощами Дмитрия Донского в Архангельском соборе Кремля укреплен табличка с надписью о том, что Дмитрий на Куликовом поле воевал с Золотой Ордой...

На Куликовом поле Дмитрий Донской не просто помогал Тохтамышу утвердиться на троне Золотой Орды, но тем самым укрепил Русь. Он продолжил и упрочил союз с Ордой, заложенный Александром Невским. Внук Батыя хан Менгу-Тимур помогал Новгороду, посылал конницу против немецких рыцарей, Тохта дружил с Михаилом Тверским, Джанибек — с митрополитом Алексием, хан Узбек был **шурином** великого князя Юрия Даниловича Московского, выдал за него свою сестру Кончаку, в крещении — Агафью, а после смерти Юрия дружил с его братом Иваном Калитой... Союз, благодаря которому они совместно противостояли Западу вообще и Литве в частности. Историки-то знают, а нам для ясности надо чаще

смотреть на древние карты. В те века Московская Русь была маленькая, а Литва велика и могуча и при случае могла поглотить Московское княжество, как до этого поглотила Киев, Чернигов, Смоленск, Брянск, Полоцк...

На Куликовом поле князья впервые сплотились вокруг Москвы и признали ее главенство. Это мы называем их русскими, а они себя считали ярославцами и белозерцами, муромцами и рязанцами. И только на Куликовом поле и после него как будто некое дуновение истории просквозило души: в князьях и дружинниках, боярах и смердах появилось осознание, что все они — русские. Конечно, междоусобная резня продолжалась еще долго. И не случайно, что самая жестокая рознь была с тверичами и новгородцами, которые на Куликово поле как раз и не пришли...

Дмитрий Донской, как и Александр Невский, причислен Русской православной церковью к лику святых. То есть церковь точно знала, что князья-воители, во всем опиравшиеся на «поганых татар», защищали, прежде всего, православную веру от католической экспансии Запада. Церковь точно знала, что «поганые татары» — это боевой щит православной веры в течение трех веков Средневековья, времени становления Русского государства.

Однако союз Руси и Золотой Орды противостоял не только Западу, но и Востоку. К тому времени началось нашествие железных армий Тамерлана, которые уже захватили Елец. Вот они-то и несли с собой **иго** в подлинном, римском значении этого слова. Не дружина, не ополчение и не вольная конница, а невиданные по тем временам **регулярные войска** утверждали на завоеванных землях городскую мусульманскую культуру, общинно-бытовое и государственное устройство на свой манер. От их наступления отвлекал и закрывал Русь с Волги, с Востока, хан Тохта-

мыш. Вся его долгая и бурная жизнь после Куликова Поля прошла в битвах с Тимуром и тимуридами. Золотая Орда в этой борьбе истощила последние силы и вступила в полосу заката.

После смерти Тохтамыша в Орде вновь началась смута. Но Московская Русь уже была крепкой. Через какое-то время Золотая Орда распалась сама собой, и вассальная зависимость от нее сама собой исчезла. А затем уже Русь заняла на этих огромных пространствах главенствующее положение.

Как писал один из основателей евразийской исторической школы князь Н.С. Трубецкой, произошла *«замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву»*. То есть Русь, Россия, Российская империя стала наследницей империи Чингисхана. Кстати, цитата взята из ключевой работы Н. Трубецкого, вышедшей еще в 1925 году, которая так и называется — «Наследие Чингисхана». Но признавать это официальная русская наука со времен Петра не пожелала. Она желала признавать только наследие Византии и европейского Запада, пусть даже и через уничижительное «призвание варягов». Но факты не спрячешь, ученые — народ настырный, их гонят в дверь, к примеру, в эмиграцию, а они лезут в окно. И потому, по логике вещей, история становится идеологией, учеба и образование — вдалбливанием официального канона.

«Сознание россиян веками формировалось для того, чтобы быть манипулируемым... Преподаваемое знание очень часто ни на чем, кроме господствующей идеологии, не основано. А имя этой идеологии — официально насаждаемый государственный патриотизм...»

(Ю. Афанасьев, «Общая газета»)

В том и парадокс конкретной ситуации, что я привожу высказывания Афанасьева для подтверждения своих рассуждений. Афанасьев здесь невольно опровергает сам себя. Восставая против стереотипов в преподавании истории, он сам никак не может преодолеть стереотип «ига». И потому, раз дружили Невский и Донской с Сартаком и Тохтамышем, — значит, они предатели, помогали татарам держать Русь «под игом»... Рассказывая о своей работе в коммунистические времена, он приводит примеры такой смелости инакомыслия: «Иногда удавалось сказать что-то невероятное для советского времени. Так, профессор Зимин написал о глубочайшем различии между галицкими и московскими князьями. Последних он описал как подлых и коварных коллаборационистов, которые, выступив на стороне татар, казнили и угнетали свой народ хуже, чем любые завоеватели».

А между тем, коли взялся он столь резко судить о московских князьях вообще и святых князьях Александре Невском и Дмитрии Донском в частности, то, как человек широко образованный и критически мыслящий, мог бы задуматься над очевидными фактами, мимо которых проходили почти все.

Например, над тем, что за 250 лет «ига» не было национально-освободительного движения русского народа против «завоевателей». Это ведь не просто странно, а даже как-то нелепо. Ну не бывает такого! И не может быть. Если было «иго», то обязательно должны были восстать. По логике природы. Однако ж не восставали... Даже поздние источники не отмечают национальной, а тем более религиозной вражды между Русью и Ордой. Вражда появилась значительно позже, когда многие соседние народы, осколки Орды, стали мусульманами, **возникли рели-**

гиозные отношения, началась эпоха крымских набегов и войн с Крымом, за которым стояла мусульманская Османская империя. Примерно тогда же в книги о давно прошедших временах и событиях **задним числом** стали вставлять элементы и детали религиозной розни, **характерные для времени переписывания летописей**.

Орда же до начала XIV века жила не по законам религии, а по законам Ясы. До вероисповедания разноплеменных ее подданных никому не было дела. Кстати, религией очень многих в Орде было христианство. Более того, в 1260 году хан Хулагу и нойон Кит-Буга повели ордынские тумены в крестовый поход за освобождение Гроба Господнего, так называемый Желтый крестовый поход... Но у нас здесь речь только о Золотой Орде. В 1312 году к власти там пришел хан Узбек, который объявил ислам государственной религией, а несогласным рубил головы. Все, кто не отказался от веры отцов, бежали на Русь, к своим единоверцам. Так что против Мамаю на Куликовом поле стояли уже и внуки некогда изгнанных православных ордынцев.

Историк Гумилев навскидку приводит такой список русских фамилий ордынского происхождения.... Аксаков, Алябьев, Апраксин, Аракчеев, Арсеньев, Ахматов, Бабичев, Балашов, Баранов, Басманов, Батулин, Бекетов, Бердяев, Бибииков, Бильбасов, Бичурин, Боборыкин, Булгаков, Бунин, Бурцев, Бутурлин, Бухарин, Вельяминов, Гоголь, Годунов, Горчаков, Горшков, Державин, Епанчин, Еромолаев, Измайлов, Кантемиров, Карамазов, Карамзин, Киреевский, Корсаков, Кочубей, Кропоткин, Куракин, Курбатов, Кутузов, Милюков, Мичурин, Рахманинов, Салтыков, Строганов, Суворов, Таганцев, Талызин, Танеев, Татищев, Тимашев, Тимирязев, Третьяков, Тургенев,

Турчанинов, Тютчев, Уваров, Урусов, Ушаков, Хомяков, Чаадаев, Шаховской, Шереметев, Шишков, Юсупов... Понятно, что Гумилев называет фамилии известные, которые у всех на слуху. Но, с другой стороны, закономерно: ведь это все фамилии дворянские. А выходцы из Орды как раз и становились служивым сословием, русским дворянством. Вообще же словарь русских фамилий тюркского происхождения, составленный филологом и историком Николаем Александровичем Баскаковым, — большая книга. Тот, кто просмотрит ее от корки до корки, поневоле задумается. От постоянного **противостояния** угнетаемых и угнетенных, завоевателей и завоеванных, одним словом, от **ига** — такого не бывает...

Историк Афанасьев мог обратить внимание и на само слово «иго». Русские в XIII — XV веках не подозревали, что они живут «под игом». Хотя бы потому, что не знали такого слова. «Иго» — слово латинское, из времен Римской империи. А в Россию оно попало лишь в самом конце XVII — начале XVIII века. И, как видим, утвердилось в научном обороте, вошло в учебники истории, а через них — в обиход. И более того — в **народное сознание**.

И этому есть объяснение. Во-первых, почву подготовила церковь. Католицизм ей уже не был опасен, и церкви, как и любому идеологическому институту, для упрочения своей власти необходим внешний враг. А затем — реформы Петра, его решительный поворот к Западу. Что и породило жестокий комплекс европейской неполноценности. Общество, пытаясь «соответствовать» новым веяниям, лихорадочно отрещивалось от всего «азиатского». И потому подброшенное словечко «иго» стало радостной находкой. «Иго» разом объясняло и оправдывало «отсталость» перед Европой. И никто не задумался и

до сих пор не задумывается над тем, что зависимость от Орды закончилась уже в XV веке. И что же мешало за прошедшие столетия преодолеть «отсталость»?

Теория «ига» как нельзя кстати пришлась и коммунистической исторической науке. Здесь ведь главное было — «бороться с врагами», «кругом одни враги» и т. д. И это еще раз доказывает правоту рассуждений Афанасьева о **«манипулируемом сознании и преподаваемом знании»**. Если уж что-то вдолбили в школе про «иго», то потом вытравить это невозможно. Даже такому образованному и самостоятельно мыслящему человеку, как Юрий Афанасьев... Не случайно же в 1985 году Ю. Афанасьев писал в журнале «Коммунист», что теории *«симбиоза Орды и Руси»* отличаются *«внеклассовым подходом»* и находятся в *«прямом противоречии с марксистско-ленинскими критериями»*. А в 1985 году обвинение в «немарксизме» было еще чревато большими неприятностями...

В спорах вокруг Александра Невского и Дмитрия Донского сошлись два навязанных и навязываемых обществу мифа. И оба построены на неверных посылах. «Патриоты-славянофилы» возвеличивают Александра Невского и Дмитрия Донского как государственных деятелей, но при этом лгут, что они боролись с Ордой. А «либералы-западники» низвергают великих князей с пьедестала как раз за то, что они пошли на союз с Ордой. Ни так называемые «западники», ни так называемые «патриоты-славянофилы» ни за что не хотят признать очевидное — Александр и Дмитрий потому и великие, что пошли на союз с Ордой и благодаря этому сохранили, упрочили и возвеличили Русь.

А в заключение, чтобы несколько разрядить обстановку — курьез, анекдот, поучительный факт из истории... Называйте как угодно. Кстати о Мамае.

Вроде бы с ним теперь все ясно: никакой не хан, тем более не хан Золотой Орды, а интриган, узурпатор и т.д. Но его след в русской истории на этом не стирается. Потому что Мамаевичи породнились с Рюриковичами! После Куликовской битвы потомки Мамаи служили Литве. Одного из них, кстати, также по имени Мамай, великий князь Витовт пожаловал городом Глинск и княжеским титулом. Так возник могучий клан князей Глинских. Потом знатные **литовские** князья Глинские ушли на Русь и стали **русскими** князьями Глинскими. Елена Глинская вышла замуж за великого Московского князя Василия III и стала матерью княжича Ивана, известного как первый русский царь Иван Грозный...

ЗАГОВОР ПРОТИВ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Детектив 1382 года — опыт расследования

Очень многие, прочитав в журнальных и газетных вариантах очерк «Тайна Куликова поля», писали на интернет-форумах и в откликах: «Вроде все убедительно, но как объяснить, что Тохтамыш через два года, в 1382-м, пошел в поход на Дмитрия Донского и сжег Москву?»

Действительно... Ровно два года назад отгремела Куликовская битва, в которой Московский князь Дмитрий разгромил узурпатора Мамаю и тем самым обеспечил Тохтамышу трон хана Золотой Орды. В знак общей победы они обменивались посольствами и подарками, Тохтамыш назвал Дмитрия младшим братом. И вдруг — поход. Да еще вместе с Олегом Рязанским, который был на стороне Мамаю. Да еще вместе с нижегородско-суздальскими князьями, которые на Куликово поле не пришли, а выжидали у себя. Что случилось? Что за странный союз? Почему Тохтамыш доверился вчерашним врагам?

Со стороны Тохтамыша — просто подлость. Да, времена, да нравы, но смысл-то какой? Не видно

большого политического смысла и даже малого. Летописи ничего не объясняют.

В летописях, затем в «Истории...» С.М. Соловьева и в установившейся официальной трактовке этот поход подается как набег супостата на Русь святую. И говорится о нем мельком. Мол, хан Золотой Орды обеспокоился растущим могуществом Москвы и решил ее устроить. Дмитрий Донской хотел выехать навстречу и дать сражение, но московские полки были ослаблены Куликовской битвой, и потому князь уехал в Кострому.

В результате такой обработки истории отдельные читающие люди, элементарно сопоставляющие факты, спрашивают друг друга: «Получается, Дмитрий Донской — трус и предатель?! Ведь мало того, что сам сбежал и бросил Москву на растерзание, так еще и жену с малым ребенком оставил на поругание татарам! Ну, кто он после этого?!»

В общем, совместными усилиями летописцев, Соловьева и советских историков пытались что-то «подправить», что-то умолчать и «сделать как лучше», а получилось как всегда.

В той же тональности выдержана и летописная «Повесть о нашествии Тохтамыша», но она очень подробна, развернута, и **потому сам текст дает большой материал** для анализа, сравнений, сопоставлений, логических заключений — словом, для расследования. В советские времена историки в нее не углублялись. Начнешь разбираться — грехов не оберешься. А нынче никому не интересно, да и опять же времена возвращаются, требуют от истории «патриотического воспитания» в том смысле, в каком его видит власть, которая воспитана на тех же школьно-институтских уроках истории. Так что круг замкнулся.

Мне представляется очень интересной и убедительной версия того загадочного похода, выдвинутая

и разработанная историками Ольгой Кузьминой и Александром Быковым и основанная как раз на анализе летописной «Повести о нашествии Тохтамышша». Конечно, я субъективен, потому что их работа в общих чертах совпадает с моим анализом летописной «Повести...». Но я, в отличие от данных авторов, не выдвигаю гипотезу или версию, а исследую логичность или нелогичность текста, его вопиющие противоречия. А такие противоречия возникают всегда, когда события пытаются подогнать под какую-нибудь заданную схему. Или кто-то **переписывает** написанное ранее в том или ином идейном духе. **Ведь оригиналов нет.** То есть нет документов, **современных** событиям. Летописи мы изучаем по «спискам», иначе говоря — переписанным вариантам. Эта «Повесть...», как и все сказания времен Куликовской битвы, дошла до нас в переписанном варианте XVI века. Кто ее и сколько раз за прошедшие **двести лет** переписывал, как переписывал, что дописывал и вставлял от своего имени, «исправляя» на свой лад и по своему пониманию, — неизвестно... С этим мы сталкиваемся постоянно, внимательно читая те или иные древние тексты, от французской «Песни о Роланде» до русских летописей. Но действительность сопротивляется и вылезает наружу в виде несоответствий элементарной логике.

Начну с общего. Это время, когда Владимирская Русь уже становилась Московской Русью, как ни противились тому нижегородско-суздальские князья, которые с тревогой смотрели, как возрос авторитет Москвы и князя Дмитрия после Куликовской битвы. Они-то и устроили заговор против Дмитрия Донского. Во главе его — 50-летний князь Дмитрий Константинович Нижегородский и великий литовский князь Ягайло. Их подручный союзник — Олег

Рязанский. Ягайло и Олег — старые **открытые** враги Донского, их цели и поступки ясны и понятны. Еще с недавнего их союза с Мамаем. Но вот Дмитрий Константинович Нижегородский — это гроссмейстер средневековой интриги! Он уже получал ярлык великого князя на Руси. Но не смог удержаться на троне. Митрополит Алексей его переиграл и, в конце концов, утвердил на великокняжеском столе своего воспитанника Дмитрия. Но Алексей, чей авторитет был абсолютен для всех, умер четыре года назад. И нижегородско-суздальский властелин делает последнюю попытку взять власть на Руси. Но вступает не в открытую борьбу, как Олег и Ягайло. А действует через своих сынов, пытаясь использовать Ягайло, Олега и самого Тохтамыша!

В том походе Тохтамыша на Москву много нюансов, там всё так переплетено, что, честно говоря, голову сломаешь, выбирая главное и отбрасывая второстепенные подробности, потому как действующие лица друг другу и враги, и союзники, а еще и мужья-жены, тести-зятья, сваты-шуряки и т.д.

Но, в общем, картина вырисовывается следующая...

По версии Кузьминой и Быкова, хан Тохтамыш шел вовсе не на Москву. Воевать с Донским у него не было решительно никаких оснований. А шел он войной на Ягайло. И первоначальный его маршрут — на Новгород-Северский — это подтверждает. Тут еще раз надо сделать большую географическую поправку. А то при словах «Ягайло», «Литва» современный читатель сразу представляет нынешнюю Литву, Вильнюс. Но Тохтамыш шел на Киев! Через Новгород-Северский и Чернигов. На соединение с Тохтамышем выступил Дмитрий Донской. Цель похода — совместно добить Ягайло. Очень удобный

момент: в княжестве Литовском — междоусобная война. Против Ягайлы, авторитет которого пошатнулся после Куликовской битвы, выступил его дядя Кейстут и захватил Вильнюс.

Это — повторю — версия Кузьминой и Быкова, политически и логически обоснованная. Потому что нигде нет даже намеков, тем более прямых свидетельств об ухудшении отношений Руси и Орды, Дмитрия и Тохтамыша. Не было никаких оснований для похода на Москву. А вот мощная Литва по-прежнему представляла угрозу для Москвы и Орды. И момент для похода на Ягайло был выбран, повторю, очень удачный.

Дальше начинаются факты, причем **из летописи**. В пути войско Тохтамыша догоняют суздальские князья Семен и Василий, посланные отцом, князем Дмитрием Константиновичем Нижегородским. Зачем? Что им надо от Тохтамыша? Ведь если Тохтамыш пошел в поход на Русскую землю, как говорится в летописях, то надо бежать от него, а они — к нему? Летопись не объясняет. Зато дает факт: **суздальцы вместе с Тохтамышем пошли на Москву...** В работах А.В. Экземплярского (1846—1900) и Л.Н. Гумилева (1912—1992) утверждается: суздальские князья оклеветали Донского, приглашение митрополита Киприана из Литвы на Москву они представили Тохтамышу так, будто бы Донской изменил ордынскому хану и сговорился с Литвой, с Ягайлой. **Значит, убедили?** И сейчас ордынская конница, и суздальская дружина идут на Москву. С какой целью? Летопись не объясняет. А ведет их, указывает им броды через Оку князь Олег Рязанский.

Вроде бы хитрая комбинация по уничтожению Донского удастся вполне. Тохтамыш вроде бы поверил...

А теперь наберись терпения, читатель, я постараюсь коротко. Уверяю, это очень любопытно: **ведь все на виду в тексте летописной повести!**

По летописной, установившейся в истории версии считается, что Дмитрий выступил из Москвы, чтобы сразиться с Тохтамышем. По версии Кузьминой и Быкова — чтобы соединиться с Тохтамышем и пойти на Ягайло. Но в любом случае — армия вышла в поход. Далее в «Повести о нашествии Тохтамыша» говорится, что в походе между князьями, воеводами и боярами началась *«розность»*. В результате Донской бросает армию и уезжает *«вборзе на Кострому»*. «Вборзе» — значит «быстро». То есть бежит. Да что ж случилось такое, что великий князь бежит из своего войска? В летописной повести употреблено аккуратное такое слово *«розность»*, вроде разногласий на кухне. Но ведь действие происходит в армии, в походе! И если командующий **бежал** от подобной *«розности»*, это значит, был **заговор**, **мятеж** с угрозой для жизни князя.

В чем суть мятежа? Войска ведь, по летописи, вышли против Тохтамыша. Значит, князья-бояре-воеводы не захотели воевать против «супостата-татарина»? Или все-таки на самом деле Дмитрий шел на Ягайло, а князья-бояре-воеводы не хотели сражаться с Ягайлой? Летописная повесть не отвечает, не объясняет. А наука история вообще умалчивает.

Я все время избегаю здесь слова «летописец». Вместо него говорю: «летопись», «Повесть...» и т.д. Потому что автор-летописец тут может быть совершенно ни при чем. У него в **первоначальном** тексте все было ясно, понятно, логично, как оно и происходило на самом деле. А недомолвки, пропуски, всяческие нестыковки и просто глупости появились уже в

результате идеологического редактирования первоначального текста в течение двух веков после событий. А за это автор-летописец не может отвечать...

По логике, Донской должен бежать к Москве, к своему оплоту. Куда ж еще?! Тем более, там его жена и новорожденный ребенок. Но он бежит «на Кострому». Почему? А потому, что в Москву ему уже нельзя, там, в Москве, **одновременно** с мятежом в войске, вспыхнул бунт! Тут уже в летописной повести прямо говорится: «А на Москве бысть замятня велика и мятеж велик зело». Мятеж! Слово все-таки произнесено. Начинаются убийства, грабежи, разгром пивных и медовых подвалов, обычная в таких случаях пьяная вакханалия.

Остановимся на общем перечне людей, очутившихся в тот момент в Москве: «*Бояре, сурожане, суконщики и прочие купцы...*» «Сурожанами» на Москве звали не только купцов из Сурожя — генуэзской колонии в Крыму, а вообще всех генуэзцев из Крыма. Судя по тому, что они попали в общий список, они были **обыденной** частью московского населения. А генуэзские купцы — если мы не забыли — как раз и были союзниками и вдохновителями Мамая в том последнем его походе на Москву. То есть врагами Дмитрия.

Одни люди бегут из города — это понятно... А вот другие — отмечено в «Повести...» — «*сбежались с волостей*». Кто побежит в город, охваченный бунтом? Понятно, вор и мародер, тут можно пожить. А также тот, кто знает и участвует в **общем** заговоре, тот, кто поспешил поддержать мятеж. Это свои люди, из Московского княжества.

Но далее, после «*волостей*», написано: «*и елико иных градов и стран*». То есть люди из **других городов и стран!** Как же быстро они здесь очутились.

И что им надо, зачем приехали? Нет ответа в летописи. Хорошо еще, что эти четыре слова сохранились...

И снова главный вопрос: против кого и чего мятеж? И снова нет ответа... И получается полная чушь. Если Донской, по летописной версии, защитник Москвы и земли Русской от «поганых татар», то почему Москва свергает его?

Значит, бунтовщики за татар? Но почему тогда они не встречают Тохтамыша хлебом-солью? А, наоборот, запираются и открывают огонь со стен. Значит, они против Донского и против Тохтамыша. Тогда — за кого? Кого они принимают, встречают и привечают?

В «Повести...» дается ответ: *«Приехал в граг литовский князь Остей, внук Ольгердов»*. Добавлю — племянник Ягайлы. И что же он сделал? Читаем: *«И обогрил людей...»* Стал там вождем, временным князем, организовал и возглавил оборону от Тохтамыша...

Снова вопрос: а почему именно литовский Остей? С какой стати Москва сразу же доверяется чужаку? Были ведь среди мятежников свои бояре-князья. Но летопись не объясняет, почему вожаком стал именно приезжий человек.

Из всего этого следует, что заговор был весьма масштабный и разветвленный. Суздаль, Нижний Новгород, Рязань, Литва, московские бояре-князья, а также люди *«из других городов и стран»*...

Вот такое положение было в Москве, когда к ее стенам подошел передовой отряд ордынской конницы. Татары спросили: *«Есть ли здесь князь Дмитрий?»* Им со стен ответили: *«Нет»*. При этом одним словом ответ не ограничился, а состоял из многих разных слов, потому как, отмечается в «Повести...»,

на стенах было много шатающихся пьяных: «*Пиани шатахуся...*»

Подошли основные силы ордынцев. Дальнейшее поведение Тохтамыша загадочно. Он начинает штурм. Зачем? Ведь цель хана — найти и покарать Дмитрия Донского якобы за измену. А если по летописи — просто так, чтоб не возвеличивался. Но Дмитрия-то в городе нет. Это с одной стороны. А с другой стороны — зачем штурмовать и убивать тех, кто в данный момент является врагом Донского и, значит — его союзником?

Мятежники отчаянно сопротивляются. И тогда на сцену выходят сыновья Дмитрия Константиновича Нижегородского. Они начинают переговоры, уверяют бунтовщиков, что Тохтамыш пришел сюда лишь покарать Донского, а против них ничего не имеет. Князь Остей и другие вожаки мятежа, князь-бояре и купцы, ему верят. Почему? Не потому ли, что они — свои, участники общего, хитро закрученного заговора, и теперь считают, что они совместно обманули Тохтамыша. Отворяют ворота Москвы и выходят навстречу чуть ли не крестным ходом.

Но переговоры-то с ними вели князя Семен и Василий, а не Тохтамыш. Хан им ничего не обещал. Он дает знак своим воинам — и начинается страшная резня....

Причем первым убивают «литовского князя Остия...». А ведь князей в те времена на войнах не убивали. В течение 137 лет, до сражений с Мамаем на Пьяни и на Воже. «С 1240 по 1377 год ни один из удельных или великих князей Владимирской Руси не погибал на поле битвы». (Акагемик Л.В. Черепнин. *Духовные и договорные грамоты великих князей*. М.; Л., 1950, №12, с. 33—37.) Попавших в плен князей выменивали, выкупали — но не убивали. Таков средне-

вековой закон, которого неукоснительно придерживались ордынцы... А гибли князя в междоусобицах, тайных интригах, заговорах. Убийство князя Остeya означает, что поход на Москву Тохтамыш не считал **войной**. И Остей был выведен за рамки **военных** законов. Просто **заговорщик**.

Итак, Тохтамыш взял Москву, уничтожил мятежников. И увел свою конницу. А через несколько дней Донской въехал в Москву как полноправный хозяин. Ни князь Нижегородский, ни князь Тверской, тотчас же примчавшийся в Орду хлопотать о своем назначении, великого княжения не получили. Тохтамыш вновь вручил ярлык хозяина Руси Дмитрию Ивановичу Донскому.

И что же в итоге получается?

«Получается, что Тохтамыш на протяжении всего похода действовал в интересах Дмитрия Ивановича, — пишут Ольга Кузьмина и Александр Быков. — И разгром восставшей против Дмитрия Москвы, и разорение давнего противника Москвы — княжества Рязанского можно рассматривать как ответный шаг Тохтамыша, благодарного Дмитрию за те жертвы, которые понесло Московское княжество на Куликовом поле. Новый хан Золотой Орды, царство которого заработано, в том числе и легшими костью у Непрядвы полками Дмитрия, таким образом, просто поддерживал пошатнувшуюся власть своего верного и очень ценного вассала. И одновременно сохранял власть Орды над Москвой. А ведь эта власть могла уйти из его рук, если бы пролитовский переворот в Московском княжестве удался!» (Ольга Кузьмина, Александр Быков. «Сожженная Москва». «История», № 35, 2000 г.)

И еще получается, что Тохтамыш изначально знал или потом уже понял тайные замыслы заговорщиков.

И вел свою партию, играя с ними в кошки-мышки. Как будто он всех и все насквозь видел. Я пишу «как будто», потому что Тохтамыш — новичок в сложной европейской, русско-ордынско-литовской политике, он всего два года назад пришел из Сибири. А вот Донской в этих интригах живет с детских лет княжения, для него здесь тайн нет. Вполне возможно, он через своих гонцов и направлял Тохтамыша, информировал, раскрывал ему, кто есть кто в этом хитро-сплетении. Впрочем, я уже строю гипотезы и выдвигаю версии, от чего зарекся в самом начале.

А что же было с заговорщиками и доносчиками, с суздальско-нижегородскими князьями? Ни-че-го... Ни Тохтамыш, ни Донской никаких карательных мер против них не предприняли. Ведь Дмитрий Нижегородский открыто против Тохтамыша не выступал, а, наоборот, его сыновья, суздальские князья, были рядом с ханом под стенами Москвы. И помогли усмирить бунтовщиков. Очень помогли! Ведь они убедили их открыть ворота. В лоб-то штурмовать Москву было нелегко, особенно при наличии пушек у осажденных... А что до облыжного навета на Донского, то извиняйте, ошибочка вышла, мы с сыновьями запутались в сложностях политики, но не из злого умысла, а единственно из неумемного желания служить вашему царскому ханскому величеству... Однако Тохтамыш на всякий случай забрал одного из суздальцев, Василия, с собой в Орду. Заложником. В таком виде, запутавшиеся в интригах и напуганные, суздальско-нижегородские князья, наверно, были удобны Тохтамышу. А может, еще и Донской за них слово замолвил...

Потому что Дмитрий Нижегородский был тестем Донского: его любимая жена Евдокия — дочка нижегородского князя. Когда Евдокия осталась в Москве

во власти мятежников, они ее не тронули, выпустили из Москвы, позволили уехать к мужу в Кострому. Да, подвергли поношению неслыханному, ограбили, оскорбили — как свидетельствуют Тверская и Никонская летописи. Кстати, в «Повести о нашествии Тохтамыша» сюжета с Евдокией вообще нет, яко небывши. То ли автор постеснялся, то ли сократили, «отредактировали» потом переписчики... Это была, скорее всего, перепившаяся награбленным медом толпа. Но толпу, видно, живо приструнили главари. Им, конечно, было бы выгодно оставить великую княгиню заложницей. Но они не могли этого сделать, потому что Евдокия хоть и жена Донского, но — дочка Дмитрия Нижегородского, тайного союзника мятежников в их общем заговоре против Донского. Вот как закручена история в деталях. В общем, когда все закончилось, Дмитрий Донской тестя не тронул...

Против Ягайлы тоже похода не предпринимали. Удобный момент был упущен. К тому времени Ягайло расправился с узурпатором Кейстутом, укрепился, и война с могучей Литвой не принесла бы быстрой победы. Если бы вообще принесла.

Москва сгорела. И в ней — церковь, **доверху набитая книгами**. Если сложить все это вместе — пожар и церковь с книгами — не домыслы или не типичная ошибка какого-нибудь позднейшего переписчика, когда в одном сюжете совмещаются несколько событий, произошедших в разные годы. Потому что, во-первых, странно, что во время штурма город не загорелся, от тех же зажигательных стрел, если они применялись, а загорелся после штурма, после сдачи. Во-вторых, Тохтамышу не имело смысла жечь уже сдавшийся город. Ведь старался он ради Дмитрия, зачем ему жечь город «младшего брата»

Дмитрия. В-третьих, так ли уж он сгорел, если Дмитрий уже через несколько дней выступил из него в поход на Олега Рязанского. В-четвертых, в такой «замятне» деревянный город мог загореться от опрокинутого горшка с углями. В-пятых, общая скорбь автора «Повести...» о поругании церковей занимает в повести несоразмерно много места и очень схожа по гладкости стиля с такими же летописными описаниями, которые признаны позднейшими вставками. В-шестых, почему и как в открытой деревянной церкви оказалось такое количество книг, в то время как они всегда хранились в каменных подвалах монастырей.

Но если все так и было на самом деле, то представляете, ЧТО там сгорело?! Подумать даже страшно, и безысходная тоска берет при мысли, чего мы лишились, чего мы не знаем и никогда не узнаем... И кто виноват? У нас на все один ответ: время было такое...

Сильно пострадал Переяславль-Залесский. Он-то при чем? При том, что Переяславль-Залесский — отчина князя Остея. «Литовский князь Остей» уже три года как русский князь. Его отец — Дмитрий Ольгердович, православный — бежал на Русь от своего католического брата Ягайлы, получил в удел Переяславль-Залесский, вместе с московским князем стоял плечом к плечу на Куликовом поле против Мамая. А вот сын его — оказался вовлеченным в заговор против Донского...

Сильнее всех пострадало Рязанское княжество. Но о нем и о князе Олеге Ивановиче Рязанском — отдельный разговор.

КЛЕЙМО ПРЕДАТЕЛЯ

Судьба Олега Рязанского

Чаще всего князя Олега Рязанского называют предателем. Но это далековато от... От чего «далековато»? От «правды», «истины»? Но получится, будто я тут вещаю правду-истину в последней инстанции. Скажу лучше так: это далековато от исчерпывающего представления о тогдашней действительности

Почти всё, что знает массовый читатель об Олеге Рязанском, — его союз с Мамаем и совместный поход на Москву с великим Литовским князем Ягайлой. Поход, который закончился разгромом Мамаея на Куликовом поле.

Почему Олег опоздал к месту встречи с Мамаем, неизвестно до сих пор. Это дало повод некоторым современным толкователям и беллетристам изображать Олега тайным сторонником Москвы, внедрившимся к Мамаю... Но эта гипотеза никак не обоснована фактами. Во-первых, рязанцы, опоздавшие к Куликовской битве, отыгрались на том, что нападали на обозы с ранеными, идущие к Москве с Куликова поля: *«Ловили, грабили и отпускали нагими»*. (ПСРЛ — Пол-

ное собрание русских летописей, Т. IV, с. 82.) Хороши «тайные союзники»! Во-вторых, история отношений Москвы и Рязани такова, что не оставляет места для подобных версий. Если говорить серьезно...

Раньше считалось, что он предатель, потому что за Мамай, за Золотую Орду. Теперь выяснилось, что Мамай и Золотая Орда — это далеко не одно и то же, что Мамай-то как раз и был ярым врагом ханов Золотой Орды, мятежником и узурпатором. Стало понятно, что другие русские князья как раз за Орду, за ее законного хана и воевали на Куликовом поле — но все равно Олег оказался предателем... Потому что для официального общественно-государственного сознания нет разницы, с кем ты, главное — что был тогда против Москвы. И уж тем более — в союзе с Мамаем.

Это уже называется — «рязанское счастье». Потому что у Рязани особая судьба.

Начнем с того, что киевские князья очень любили красивый город Переяславль на реке Трубеж. Ведь изначально Русская Земля, Киевская Русь, тогда состояла из трех главных городов: Киева, Чернигова и Переяславля. И когда шли киевские князья год за годом, век за веком на север, осваивать и покорять нынешние русские земли, то, увидев красивую речку, тут же называли ее Трубеж и ставили город. Так и возник Переяславль на Трубеже у впадения в Оку. Чтобы не путать его с южным, «настоящим», стали звать его Переяславль-Эрзянский, по названию крупного мордовского племени эрзя. Ясно, стал он зваться просто Эрзянь, но сразу же произошла метатеза, перестановка звуков для удобства славянского произношения, и он превратился в Резань, а с XVIII века официально — Рязань.

Идут наши киевские князюшки дальше на север и снова видят красивую речку, впадающую в озеро, — ну прямо родной Трубеж! И тут же ставят городок Переяславль. Но, чтоб совсем уж не запутаться, именуется он уже Переяславлем-Залесским. За лесами, дескать, аж за Владимирскими, вон как далеко от Киева!

В этой милой идиллии — географическая, историческая, трагическая судьба Рязани.

Итак, Рязань — удельное княжество Черниговской земли, передовой форпост Киевской Руси. Но со временем Киев теряет главенство, и на Северо-Востоке возникает могучая Владимирская Русь. Вся страна теперь называется Владимирской Русью и главный русский князь — великим Владимирским князем.

А Рязань — между ними.

Вскоре Южная Русь угасает, становится владением великих литовских князей. И Рязань остается один на один с Владимиро-Суздальским государством, которое помнит, что рязанцы — чужаки, ставленники черниговских князей.

Скажите, кого должны любить и ненавидеть рязанцы и Олег Рязанский? Ну, ясно, в каждом справочнике написано, что Батый сжег город, оставив, правда, какое-то каменное городище.

Так Батый пришел однажды и ушел.

А великий Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо вначале выколол рязанским князьям глаза. За то, что они пошли в поход на Москву и сожгли ее. Правда, сам Всеволод не хотел такой жестокой казни, он даже хотел отпустить князей. Но народ суздальский возмутился и настоял на изуверстве. **Так суздальцы ненавидели рязанцев.** А затем, после казни, Всеволод пошел на Рязань и поджег ее. А когда рязанцы

напали на его сына, Всеволод вывел людей за город и спалил Рязань уже дотла. Камня на камне не оставил. Так что к подходу Батыев рязанцы не очень-то успели отстроиться и укрепиться. Но здесь они смирили свою гордыню и попросили о помощи тогда уже великого Владимирского князя Юрия, сына своего злейшего врага Всеволода. Но Юрий, как известно, на помощь рязанцам не пришел.

Московские князья — потомки и наследника Всеволода. И поэтому мира с Москвой никогда не было. Вначале рязанцы жгли ее как форпост Владимира, а потом уже и как самостоятельную силу.

И вообще, за что Олегу любить Дмитрия, будущего Донского? *«Юноша Олег, преждевременно зрелый в пороках жестокого сердца, действовал как будущий достойный союзник Мамаев»*, — пишет Карамзин. Очень уж складно получается. Порочный и жестокий — и потому союзник Мамаев. Или — союзник Мамаев, и потому, ясное дело, порочный и жестокий. Но!..

За девять лет до Куликовской битвы Дмитрий получил ярлык на великое княжение не от кого-нибудь, а от Мамаев! То есть будущий победитель Мамаев князь Дмитрий Московский был ставленником Мамаев. И они вместе с Мамаев в 1371—1373-х годах успешно жгли и опустошали рязанские земли.

Не в оправдание Дмитрия, а в пояснение говорю, что союз с Мамаев был вынужденным, иного не было дано. Но со временем изменилась политическая ситуация на Руси и в Орде. И сам Дмитрий, уже зрелый муж и политик, и церковные иерархи во главе с Алексием и Сергием Радонежским приходят к выводу, что Мамаев — фигура временная, и время его кончается, а Золотая Орда, как бы она сейчас ни

была слаба, все-таки — Золотая Орда. И дальнейшее спокойствие Руси — в союзе с ней и в поддержке законного хана, а значит — в открытой войне с Мамаем. Так Москва пришла к Куликовской битве.

Но Олег Рязанский, видимо, не силен в стратегии, в политическом предвидении. А может, его обуревают мстительные, враждебные чувства. Он тотчас же примыкает к Мамаю и могучему литовскому князю Ягайло: *«Рагостную весть сообщаю тебе, великий князь Ягайло Литовский! Знаю, что ты давно задумал изгнать московского князя Дмитрия и завладеть Москвой. Пришло теперь наше время: ведь великий царь Мамай идет на него с огромным войском. Присоединимся же к нему».*

Из письма видно, кого Олег считает в этом триумвирате главным. Конечно же, Мамай! Ведь Мамай, пишет он далее, раздаст им, Олегу и Ягайле, московско-владимирские города и земли! Но по большому политическому счету и Мамай, и уж Олег, разумеется, были марионетками Запада, католической церкви. Мамаю было все равно, какая вера будет на Руси — католическая или православная. Дают деньги — и он ведет армию на Москву. Тем более интересы совпадают — раз ему не удастся взять власть в Золотой Орде, захватим московские земли. Таким образом, законные ханы Орды лишатся мощного союзника и вассала. А там, с помощью Ягайлы, можно будет утвердиться и в окончательно ослабленной Золотой Орде.

Олег — православный, покровитель церквей и монастырей, скажи ему, в чем глубинная суть и дальняя цель их похода на Москву — может, и задумался бы. Но он дальше сегодняшнего дня не смотрит и не мыслит, для него главное — уничтожить Дмитрия и Москву как вечного соперника.

Так что в этом триумvirате — если смотреть в большом политическом смысле — главным все же был Ягайло. Литва — копьё Запада, направленное на Русь и Орду.

Да, рязанцы не участвовали в Куликовской битве. И, быть может, именно поэтому, после поражения своего союзника Мамай, срывая досаду, повели себя страшно. Когда повезли в Москву обозы с ранеными, рязанцы нападали на них и грабили беззащитных. Вместе с ними грабили обозы и добивали раненых не подоспевшие к сече воины из отрядов Ягайлы — в большинстве своем славяне из киевских и белорусских пределов. (ПСРЛ. Т. IV, с. 82.; А.В. Экземплярский. *Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. Т. II. СПб., 1891, с. 586—587; Бегунов Ю.К. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище» // Слово о полку Игореве и памятники Куликовского цикла. М.; Л., 1966, с. 506—509.)*

Жестокий век, жестокие сердца...

Итак, литовско-мамайско-рязанский триумvirат разбит Дмитрием и Тохтамышем. Рязань подписывает мир с Москвой, в котором Олег признает Дмитрия Донского «старшим братом». То есть не сюзерен, но все-таки... Вскоре разрывает договор. Причем самым вероломным образом. В 1382 году Олег Рязанский вместе с суздальскими князьями Василием и Семеном ведет Тохтамыша в поход на Москву! Указывает ордынской коннице броды через Оку...

То есть и здесь Олег Рязанский — на вторых ролях. И так всю жизнь, все 52 года княжения. Что очень даже ярко характеризует и его, и историческую судьбу Рязани.

Но эта роль и судьба — тяжелые. Как я уже написал — рязанское счастье. Например, и в итоге этого

неудавшегося нижегородско-суздальско-рязанско-литовского заговора сильнее всех пострадало Рязанское княжество. Ягайло неприступен, у нижегородцев-суздальцев хитромудрые прикрытия и отговорки, и только Олег остался весь на виду — открытый и главный враг Донского. Он не строил козни за спинами других, как суздальцы, к примеру... Отходя от Москвы через рязанские земли, ордынская конница подвергла их грабежу и насилию. То ли потому, что озверевшей от крови и пожаров рядовой солдатне недосуг было разбираться, кто на сегодня рязанцы — враги или союзники, то ли потому, что Тохтамыш так отомстил Олегу за союз с Мамаем и последующие интриги против Донского.

И Донской, конечно, не простил Олегу участия в заговоре. Как гласит летопись, *«по прошествии нескольких дней князь Дмитрий послал свою рать на Олега Рязанского. ...Землю его всю захватил и разорил — пуще, чем татарские рати»*.

Олег затаился на три года. А затем, собравшись с силами, с боем взял и разграбил дочиста богатый московский удел — Коломну...

Суди не суди, а это политическая действительность того времени. Все вступали друг с другом в кратковременные союзы, рождались и тут же предавали друг друга, чтобы затем снова соединиться против вчерашнего друга, а может, и врага... И добром это, как видим, не кончалось. Я имею в виду, для простых людей, для тех же смердов — извечных жертв истории и деяний исторических личностей...

Закат жизни Олега едва ли увенчался большой победой. Объявив войну Литве, он отбил у нее Смоленск. К сожалению, ненадолго. Тут же потерпев поражение, Олег умер. Можно сказать, не сходя с седла.

А просидел он в княжеском седле ни много ни мало — 52 года! И, как писал Иловайский, «весь период самостоятельного княжества для рязанцев сосредоточился в одном Олеге; более они не помнят ни одного князя. С этим именем связана большая часть остатков старины, разбросанных по долине средней Оки, и большая часть народных преданий».

Обозрим же кратко врагов-союзников, соседей Олега и княжества Рязанского.

Ягайло, Мамай, Дмитрий Донской, Дмитрий Нижегородский, Михаил Тверской, Тохтамыш. Грозная Орда, гигантская Литва, Владимир, Суздаль, уже могучая Москва, богатый Нижний Новгород, богатая Тверь, еще более богатый Новгород.

А маленькая Рязань — одна в чистом поле. Одна против всех.

Не случайно тогда на Руси считали, что самые культурные — владимиристо-суздальцы, самые богатые — новгородцы. А самые **воинственные** — рязанцы.

Даже не любящий Олега за «гнусную измену» историк Карамзин называет его, тем не менее, смелым, отважным, мудрым, богатым умом.

Говоря житейским языком, вина и беда Олега в том, что в **исторически важный момент** он оказался не там, где надо... что он не был государственным деятелем **общерусского масштаба**.

Он знал и защищал, как мог, лишь свою Рязань!

А дорога и судьба Русского государства в то время шла не через Рязань, а через Москву. Прежде всего, потому, что здесь престол митрополита, и московские священники, князья, служивые люди и простолюдины вольно или невольно втягивались в орбиту общерусских интересов, а не интересов какого-либо отдельного княжества.

Общепризнанным авторитетом и собирателем земли тогда мог стать только князь, осененный идеей общерусского православного государства.

А кто им был тогда? Только Александр Невский. К горькому сожалению, великим князем Владимирским, то есть хозяином Руси, он пробыл всего 11 лет... А Олег княжил на Рязани 52 года!

Один Александр Невский, гений земли Русской, еще за 130 лет до описанных здесь событий вынашивал и железом утверждал идею единого государства на основе православной веры.

После него Русь снова погрузилась в кровь и ужас раздоров.

Счастье, что был Дмитрий Донской и его наставник, и фактический правитель государства в отроческие годы Дмитрия — митрополит Алексей. Они властью церкви и князя собирали Русь в единое государство.

Вот на каком фоне разворачивалась судьба нашего героя — буйного, многострадального князя Олега Рязанского.

С его смертью закончилась одна и началась другая эпоха.

Началась Московская Русь.

А Олег Рязанский остался в прошлом.

Помянем его тихим словом. Мир его праху.

ЧЕГО МЫ ХОТИМ ОТ ИСТОРИИ?

Сама постановка такого вопроса — чего мы хотим от истории? — глубоко порочна. И не умна, по сути. Да мало ли чего мы «хотим»? Какое дело истории до нашего пигмейского человеческого «хотения»? Смешно, право слово... Но мы же — люди и потому «хотим». А когда мы, люди, становимся служащими государства, то начинаем считать, что наше «хотение» — для блага и могущества государства. Марк Блок писал, что история как наука существует для оправдания ныне господствующей системы. Или еще для каких оправданий, утверждений, убеждений или заблуждений. Отсюда и все яростные споры, проповеди и отповеди.

Мои очерки в течение десяти лет, в процессе работы над книгой, печатались в десятках российских и американских газет и журналов. И даже вызывали отклики. А поскольку в последние годы письма в редакции приходят единичные (в советские времена носили мешками), то можно считать, что мои заметки вызвали некоторый интерес.

Из всех писем-откликов, опубликованных и неопубликованных, выделю три статьи, три имени, трех

человек. Это доктор исторических наук Борис Орлов (Москва), дизайнер Рустем Абдуллин (Минск) и доктор исторических наук Владимир Ступишин (Москва). На мой взгляд, они выражают самые типические мнения в споре о средневековой истории Руси, связанной с монгольской империей, с Золотой Ордой. Равно как и Лев Аннинский, книга которого попала в поле моего зрения во время работы над этими полемическими заметками.

Новгород мог стать Нойбургом

Из статьи доктора исторических наук Б. Орлова (Москва):

По своей основной специализации я германист. Несколько лет назад, поставив перед собой задачу сопоставить политическую культуру России и Германии, я, помимо прочего, стал изучать деятельность Ганзы — своего рода торгового государства, просуществовавшего на территории нынешней Германии несколько столетий, которое объединяло несколько десятков городов, торговало, строило, благоустраивало территории... Так я вышел на Новгород Великий... Передо мной предстала своеобразная цивилизация со своими выборными порядками, логичной структурой управления и высокой по тем временам культурой. Именно новгородцы ввели и на протяжении нескольких веков строго придерживались права приглашать князей к себе на службу, заключать с ними договоры, четко оговаривающие права сторон, и если князь артачился, то указывали ему на дверь. Они не делали исключения и для князя Александра, прозванного Невским, и здесь он вовсе не был полновластным хозяином, как это подают литературные

и иные источники. Находясь в Новгороде и наблюдая за раскопками (а они продолжаются по сей день), я мог сравнительно легко представить себе, чем и как жили здесь русские люди много веков назад. Дороги, регулярно настилавшиеся бревнами, усадьбы со своим миропорядком, водопровод (Москва узнала о нем столетия спустя). Но прежде всего берестяные грамоты. В них пишут все и обо всем. И стар, и млад. Уже позже, находясь в Кельне, я зашел в городской музей, чтобы специально узнать, как обстояли здесь дела с письменностью в те времена. А никак. Была латынь, которую знали лишь немногие священнослужители. А ведь Кельн — один из стариннейших городов Европы. И вот главный вывод, к которому я пришел в результате собственных изысканий и размышлений. Новгородская городская вечевая цивилизация была устойчивым путем развития, о котором так много пишут нынешние экономисты. Тем великим шансом, который открывался перед страной. И прежде всего — с точки зрения самоутверждения человека как личности — не склонявшего голову перед князем, которого приглашал или прогонял, и уж тем более понятия не имевшего о том, что такое крепостная зависимость. Разумеется, все это сопровождалось социальными издержками — бунтами, потасовками. И об этом забывать не следует. Но важно главное: этот великий шанс был пресечен ордынским нашествием, а затем и деятельностью первых московских князей и царей.

В исторической литературе вторжению из азиатских степей и последующему периоду оккупации, растянувшемуся на два с половиной столетия, давались разные названия: «татарское нашествие», «татаро-монгольское нашествие» и очень редко — «ордын-

ское нашествие»... На наш взгляд, эту систему уместнее всего называть «ордынской», поскольку в основе лежит коренное понятие «орда» — особый способ властвования, с особой иерархией, определявшей, куда, в какую сторону посылать войска, какие порядки заводить, как держать в подчинении покоренные земли... Именно в таких условиях формировалось Московское княжество, а затем и царство. Находясь в конкуренции с соседями (с юга — Рязанское княжество, с севера — Тверское), московские правители проявили чудеса изворотливости, чтобы, в конечном счете, добиться права на первенство среди поработанных. У ордынских хозяев они многому научились. И не только переписывать население и собирать дань, но, прежде всего, обращаться с собственным народом. Воцарился полный произвол, не ограниченный никаким правом. Это особенно проявилось при Иване III.

Для меня главная характеристика этого режима — целенаправленное подавление личности, создание закрытого общества. Иван III, один из главных творцов этого режима, в 1471 году направляет московские войска для разгрома «новгородской вольницы». Один из первых его шагов — выселение из Новгорода всех немецких купцов, прекращение торговых отношений с европейскими торговыми фирмами... В спертой атмосфере закрытости и просуществовало русское общество, считай, самое меньшее двести лет. Двести пятьдесят лет ордынского ига плюс двести лет самоизоляции — по этим счетам мы платим до сих пор...

Тот, кто сегодня говорит, что, мол, в прошлом отношения Руси и Орды были совсем не плохие, а пагубное влияние ига на судьбы России — выдумки ис-

ториков, и даже выдвигает концепцию особой исторической роли некоего дуумвирата Русь — Орда, тот, может быть того не желая, оправдывает ордынский подход к обществу и человеку в его обновленном, евразийском виде. И историк Ю. Афанасьев... достаточно точно подметил антидемократическую подоплеку всех этих новомодных трактовок.

Ведь быть европейской страной — это не значит утрачивать духовно-культурные особенности России и противопоставлять ее азиатским культурам. И не значит стоять спиной к странам Азии. В силу своего геополитического положения мы просто обязаны развивать тесные контакты с ними. Но при этом мы должны представлять страной с демократическим образом правления и неукоснительным соблюдением прав человека. И демократия — это не просто еще один поворот в истории России. Только при ней мы можем преодолевать опасность размежевания по сугубо этническому признаку.

Мой комментарий:

Я совершенно согласен с доктором исторических наук Борисом Орловым в том, что Орда — антидемократическое политическое устройство, Орда усилила и укрепила жестокую, антидемократическую централизацию Русского государства. (Об этом — глава «Казнь Великого Новгорода».) Однако Б. Орлов немного преувеличивает самостоятельность Новгорода в рамках Руси. С изначальных времен Новгород уже подчинялся киевскому князю. С началом смуты на Руси отделился и впоследствии вовсе отделился. Затем, вначале с помощью Орды, а потом уже и самостоятельно русские великие князья подавляли Новгород, единственный росток вольностей, западной демократии и западного рынка на Руси.

Но централизация — процесс неизбежный, как показала история человечества. И немецкие вольные города Ганзейского союза также попали под власть государства, разве не так? Но население того государства было **немецким**, германским, однородным по языку и по вере с населением вольных городов. Вот в чем самое существенное отличие.

А доктор Орлов представляет Новгород как некое лабораторное вещество в пробирке, вне времени и обстоятельств. Не будь Александра Невского и ордынской конницы, немцы бы не притязали на Новгород? И Псков с Изборском немцы занимали для того, чтобы приобщить нас к рынку и демократии? В том-то и суть.

Орда никогда не покушалась на уклад жизни, язык и веру Руси. Церковь не платила налогов Орде. Более того, золотоордынские ханы давали русским православным церквям охранные грамоты, по которым оскорбление веры и посягательство на церковное имущество карались смертной казнью...

Совсем другое дело — Запад. Он нес не просто крест, а — католический крест. Именно поэтому удельные русские князья клялись великому князю в верности **борьбе за веру**. А тех, кто нарушал, митрополит предавал проклятию.

Диктат чужой веры, чужих обычаев и чужого языка смертелен в изначальные времена, когда нация только складывается. В таких условиях один век — и все потомки новгородцев стали бы говорить по-немецки и город звался бы Нойбург или Нойштадт. Заметила ли история, как славянское поселение Бранный Бор стало немецким Бранденбургом? Многие об этом вообще впервые слышат... То же самое могло произойти и с Новгородом. И мы бы с док-

тором Орловым сегодня ни о чем не спорили. Действительно, какое нам дело до немецкого Нойбурга и их порядков...

Запрещенные болгары

Из письма дизайнера Рустема Абдулина (Минск):

С пятого класса я заболел историей России. Началось все с урока истории в школе. Было это в Казани, где я родился и вырос. Проходили тему «татаро-монгольское иго». И тут русские одноклассники стали тыкать в татар пальцами и со смешком приговаривать: «Вот, это вы нас завоевывали, жгли и мучили!..» Но хорошо помню — неприязни не было, был какой-то примиряющий юмор. Дети инстинктивно умеют разделять «идеологию» и жизнь. Но осадок все равно остался.

Я был последовательным ребенком — стал искать ответы на вопрос, откуда и как пришли татары в Казань, где я жил и родился. Это был долгий путь. Тогда-то я и сделал свое первое открытие — я не татарин, а болгарин. Или булгарин. Ох, как смеялись надо мной мои первые слушатели — мои старшие братья... До сих пор грустно вспоминать. А ведь не за тридевять земель, а под боком у Казани жили развалины столицы Волжско-Камской Булгарии. Именно — жили. Потому что их все время посещали верующие старики татары, тихо и незаметно. Мы этого не знали. Постаралась идеологическая история...

30 лет я говорил про болгар-булгар во всех житейских спорах-разговорах на исторические темы. И почти всегда видел в глазах собеседников иронию, хотя и не злую, больше сочувственную: вот, мол, со-

чиняет парень! Но времена меняются, и люди тоже. После одной из ваших статей, Сергей, один из моих знакомых прибежал ко мне и сообщил «ошеломительную новость», размахивая газетой: «А ты знаешь, Рустем, а ведь ига-то не было!»

И напоследок. У нас в Беларуси недавно скромно отметили 600-летие первого поселения татар на этой земле. 600 лет назад Витовт, великий князь Литовский, призвал на службу ордынскую конницу...

Мой комментарий:

Вот и зададимся теперь вопросом: почему, зачем, с какой целью надо было с детства обманывать этого парня и всех нас? Почему историю татар-болгар утаивали и утаивают до сих пор?

Болгары, кочевой тюркоязычный народ, жили в Приазовье. Великая Болгария была могущественным государством раннего Средневековья, состязалась даже с Византийской империей.

В VI—VII веках болгары жестоко воевали с хазарами и потому, видимо, вынуждены были уйти.

Но общего мнения и согласия, куда идти, у них не было — и народ разделился. Одну часть хан Аспарух увел на Дунай, где они и обосновались навечно среди дунайских славян, приняли христианство и стали основоположниками письменности. У них хан Аспарух считается основателем Болгарского царства, национальным святым и героем.

Другая часть болгар ушла под предводительством неизвестного хана на Каму и Волгу. Здесь они основали Камско-Волжскую Булгарию, которая довольно быстро по тем временам стала мусульманской. От Аравии, где в VII веке возник ислам, до Камы все-таки далеко, но уже в X веке посланец болгар предлагал киевскому князю Владимиру ислам как госу-

дарственную религию. Владимир, как известно, не согласился и выбрал христианство византийско-православного толка.

Великий Булгар пал во время похода Батыея. Но если Русь стала вассальным государством, то Булгару монголы не дали никакой самостоятельности, сделали его составной частью Золотой Орды.

С распадом Орды возникли отдельные Крымское, Сибирское, Астраханское и на месте Булгара — Казанское ханство. Подданных этих государств и стали называть татарами. В том числе и подданных Казанского ханства, которые вообще-то болгары или булгары...

Камско-волжские булгары-болгары, в течение веков, смешиваясь с местным угро-финским населением, внесли определенный вклад в этногенез мордвы, мари, удмуртов, чувашей. Нынешние казанские татары — прямые потомки камских болгар и по вере, и по языку.

И вот теперь скажите, зачем все это надо было прятать, утаивать от Рустема? От истории. От всех. Зачем? Глупость идеологической системы общеизвестна. Но ведь — какая-то цель преследовалась? Какая? Разделять и властвовать? Поддерживать образ врага? Нации нужен супостат? Да и вообще, нельзя позволять хоть что-то знать, кроме того, что преподносится кратким курсом официальной истории. Потому что одно знание влечет за собой другое, другое — третье, а там недалеко и до подрыва основ?

И так далее, и тому подобное. Перечень причин может продолжить каждый. И все будут верными. Потому что у истины одна дорога, а у лжи — тысяча.

Еще одно подтверждение тому, связанное непосредственно с письмом Рустема Абдуллина, я получил многие годы спустя, когда вышла книга известного нашего критика и литературоведа...

Невеселый смех

Из книги Льва Аннинского «Русские плюс...» (М., 2004):

Нет, все-таки это необъяснимо, несовместимо, нестерпимо, чтобы за семьсот лет не зарубцевалось! Но почему? Ведь англичане излечились от синдрома норманнского десанта и даже инсценируют битву при Гастингсе. Попробуйте «инсценировать» взятие Рязани, осаду Козельска или битву на Калке... Думаете, «срок» не вышел? От Гастингса как-никак почти тысячелетие минуло, а от Калки — семьсот семьдесят девять. Много? Мало?

Ну, так от Грюнвальда — еще меньше. Однако белорусы, немцы и литовцы способны вспоминать эту мясорубку спокойно. Как хватает юмора англичанам и французам разыгрывать карнавальное Ватерлоо в годовщину битвы...

Но какой рок лежит между Русью и Ордой, что кровоточит их разборка пять, шесть, семь веков спустя?..

Теперешние татары и теперешние русские бьются над теперешними проблемами, и потому вопиют в их памяти рязанские и казанские камни, залитые кровью пятьдесят поколений назад...

[...]

Я допускаю, что коломенский призывник испытывает дополнительную гордость, если ему объяснят, где именно князь Дмитрий собирал полки. А призывник из Казани? Какие чувства испытает он, если в годовщину разгрома «мамаевых полчищ» от него станут ждать патриотического подъема?.. Но битва была — была? Надо ее помнить? Надо. Только не делайте сегодняшних татар соучастниками тогдашней драки. Или уж позвольте и им отпраздновать кое-что

в компенсацию. Взятие Рязани, например. Зеркально: мы берем Казань, они — Рязань. Или еще Калку вспомните...

Мой комментарий:

И тут меня стал одолевать смех. Правда, невеселый. Причем многие мысли Аннинского не вызывают у меня протеста, они интересны, я разделяю его тревогу, озабоченность. Но все дело в том, что татары не брали Рязань! И на Калке не «сидели задами на русских князьях». На Калке их вообще не было и не могло быть!

Ведь Аннинский апеллирует именно к казанским татарам. И поводом для его рассуждений стала книга «Евразия: за и против», вышедшая в Казани. Только напрасно он отождествляет Орду и казанских татар. Казанские татары к Золотой Орде имеют весьма опосредованное отношение. Калка находилась от их государства на громадном расстоянии, между Калкой и казанскими татарами лежала вся Русь. Но и под Рязанью их, казанских татар, не было и не могло быть! Хотя бы потому, что их в войске Батыея не было. Рязань брал Батый! А потом тот же Батый точно так же взял штурмом столицу татар — Казань (тогда она называлась Великий Булгар). И нынешние казанские татары, к которым обращается Аннинский, тогда назывались булгарами или болгарами. А татарами они называются лишь по случайности истории и этнонимии, и «произошли» они не «от половцев», как пишет Аннинский. Казанские татары вообще в обозримый нами исторический срок ни от кого не «произошли» — они были и остались булгарами. О чем я и писал в предыдущей главе.

И на Куликовом поле, в «Мамаевом побоище», казанские татары не были и не участвовали. То есть частично участвовали, но исключительно против

Мамая, исключительно на стороне законного хана Золотой Орды Тохтамыша и его «младшего брата» Дмитрия Донского...

Теперь вы прощаете мне мой смех? И смеюсь я не над Аннинским, разумеется. То, что он казанских татар уравнил с ордынцами — не его вина, а общая беда.

Но рассуждать об истории, не расставив все по точным местам, это, простите, смешно. И если такой высокообразованный человек, как Аннинский, допускает ошибки, то можно представить, как въелись эти ошибки в сознание и подсознание людей.

При всем при том мысли Аннинского интересны. И общая постановка вопроса интересна: «Но какой рок лежит между Русью и Ордой, что эта рана кровоточит пять, шесть, семь веков спустя?»

А тот самый рок. Называется — искажение истории. Давнее, три века преподносимое как само собой разумеющееся. С детства, со сказок и со школьных уроков вбитая мифология. А если проще говорить — прямая ложь, разжигающая вражду между народами. По ней, по этой лжи, Дмитрий Донской «боролся против татаро-монгольского ига» и на Куликовом поле воевал «против хана Золотой Орды». Никогда Дмитрий Иванович, с детских лет опекаемый ханами Золотой Орды, не боролся против этого самого «ига», а, наоборот, всеми силами поддерживал законную власть законного хана Золотой Орды. Что и доказал на Куликовом поле, выступив против Мамаю, который никогда ханом не был и не мог быть, а был смутьяном, мятежником и узурпатором, общим врагом и для Дмитрия, и для Тохтамыша. То есть и для Руси, и для Золотой Орды. Но эта ложь поддерживается веками и живет донныне. Вот вам и корень «рока», уважаемый господин Аннинский.

И англичане с французами, и немцы с белорусами и литовцами, как пишет Аннинский, спокойно относятся к своему прошлому. Осмелюсь предположить: потому что у них все там ясно, все владеют информацией, как и что было на самом деле. А у нас — увы. У нас — ложь. Потому и «рок». Видимо, правда всегда успокаивает. А ложь имеет свойство возбуждать страсти. Так мне представляется.

«Доказать свое...»

Из статьи доктора исторических наук Владимира Ступишина (Москва):

Баймухаметов незаметно подменяет крестоносцев Литвой: «В те века Московская Русь была маленькая, а Литва велика и могуча и при случае могла поглотить Московское княжество...» И предлагает «чаще смотреть на древние карты». Ну, давайте посмотрим на карты. Что же они показывают? А то, что в XIII веке совсем крошечная Литва была меньше Полоцкого княжества... В XIV—XVI веках происходит экспансия Великого княжества Литовского на белорусские и украинские земли, но и в эти времена, собственно, Московию оно было не в состоянии «поглотить»: поперхнулось бы, ибо тогда она, по крайней мере территориально, уже в несколько раз превосходила Литву. Все это хорошо видно на картах, приведенных во втором томе «Истории СССР» (М., 1966).

Мой комментарий:

Литва была «меньше Полоцкого княжества» в самом начале XIII века. Но уже с XIII века Полоцк был под властью Литвы. А затем в Литву вошли также Киев, Чернигов, Минск, Курск, Брянск, Смоленск,

границы Литвы подходили к Можайску и Вязьме, великая Литва простиралась от Балтики до Черного моря. Все это можно узнать из любой общедоступной энциклопедии. Может, недоразумение в том, что д-р Ступишин пользовался, как он сам пишет, картами «Истории СССР» 1966 года издания?

Из статьи В. Ступишина:

Баймухаметов утверждает, что даже само слово «иго» попало в Россию только в конце XVII — начале XVIII века. Заглянул хотя бы в словари, например, в «Историко-этимологический словарь современного русского языка» П.Я. Черных. (М., 1994, том 1, с. 334). Там он мог бы прочитать, что старославянское слово «иго» было в евангельских текстах, имевшихся на Руси с XI века. Это слово, конечно, сродни латинскому «югум», но попало-то оно в Киевскую Русь не в XVII веке, а в домонгольские времена, когда у русских уже сложились активные связи не только с Византией, но и с Западной Европой.

Мой комментарий:

Вообще-то я утверждал, прежде всего: «Русские в XIII—XV веках не подозревали, что они живут «под игом». Хотя бы потому, что не знали такого слова». В.Ступишин отбрасывает суть и пытается оспорить частность: было раньше слово «иго» или нет? И доказывает, что оно «было в евангельских текстах, имевшихся на Руси с XI века». Хорошо, было, но я же речь веду не о евангельских текстах, а о том, когда слово «иго» стало общеупотребительным именно в смысле «татаро-монгольского ига». А если о словарях, то есть словенское «иго» в значении «перекладина у саней», и есть латинское — в значении «ярмо». И доктор Ступишин под словом «иго» подразумевает не «перекладину от саней», а как раз ла-

тинское значение — «ярмо». Что он тогда доказывает, непонятно.

Ну не знали русские люди в XIII—XV веках, что они живут «под игом»! Не было такого слова в употреблении. А самое главное, понятия не было — «татаро-монгольское иго».

Из статьи В. Ступишина:

Невежеством отдает и ссылка на фокус Гумилева, который, видите ли, «навскидку» привел список «русских фамилий ордынского происхождения». А не надо такие вещи делать навскидку. Обязательно опростоволосишься, как опростоволосился Гумилев. Даже среди приведенных фамилий немало таких, которые никакого отношения ни к Орде, ни вообще к тюркам не имеют. У многих из них просто русские корни, иногда устаревшие, с подзабытой, но легко проверяемой этимологией (Баранов, Горчаков, Горшков, Державин, Третьяков, Хомяков и др.). У других — греческие (Арсеньев), у третьих иудейские (Вельяминов — от библейского Вениамина)... Навскидку можно приписать какое угодно происхождение очень многим фамилиям, хотя они в большинстве своем идут от прозвищ, в образовании которых могли участвовать любые иноязычные слова, вошедшие в русский язык, что далеко не всегда отражало национальность носителя прозвища. Татариновы совсем необязательно из татар, как Шведовы — из шведов, Чеховы — из чехов...

Мой комментарий:

В. Ступишин спутал значение фамилий и происхождение рода, родословную. Его объяснение происхождения фамилий «по этимологии» не имеет никакого отношения к теме моей статьи. Ордынское, как и любое другое, происхождение людей, **носителей** данных фамилий, определяется далеко не только

по «словарям» и далеко не только по «этимологии». Конечно, легко сказать, что Аксаковы от тюркского «аксак» — хромой, Богатыревы — от «багатура», Барсуковы — от тюркского «барсук», а Вельяминовы, как пишет Ступишин, «от библейского Вениамина». Но эта «этимология» объясняет происхождение фамилий, а не людей. «Аксаком» (хрым) или «багатуром» (богатырем) могли называть и вовсе не выходца из Орды, а самого что ни на есть коренного русака, просто хромого и просто силача. Тюркский язык, многие тюркские слова были тогда в общем употреблении. На самом же деле Н.А. Баскаков свой словарь русских фамилий ордынского происхождения составлял по родословным. Была такая традиция у русских дворян — вести запись своего родословия. И по этим родословным, к примеру, русские дворяне Вердеровские и Апраксины ведут свой род от ордынского воеводы Салахмира, а Зубовы, графы Римской империи — не от «зуба», а от великого владимирского баскака Амырхана. Одни Вельяминовы ведут род от варяжского воеводы Шимона, который в 1027 году пришел в Русь к Ярославу Великому и принял православие, а другие Вельяминовы — от ордынского мурзы Чета, крестившегося в 1330 году с именем Захария и построившего Ипатьевский монастырь в Костроме.

По родословным, а не по «этимологии» проверяется происхождение тех или иных родов!

Из статьи В. Ступишина:

Зря г-н Баймухаметов напоминает о половецких и татарских предках некоторых известных русских людей. Слишком он преувеличивает значение «крови». ...Подчеркивание того, например, что все русские — на самом деле татары, глупо.

Мой комментарий:

Согласен — глупо. Но я ничего такого не подчеркивал, никогда не писал, что «все русские — на самом деле татары», и слова «кровь» у меня вообще нет, напрасно Ступишин ставит его в кавычки. Это очень нехороший прием: приписывать оппоненту невесть что, а потом опровергать...

Из статьи В. Ступишина:

Татарщина задержала наше развитие не только тем, что творила во время оно, но и тем, что «азиатское начало» обернулось на Руси крепостным правом и самодержавным деспотизмом, барской дурью.

Мой комментарий:

Это очень удобно: все плохое, что было после XV века, объявлять наследием «азиатского начала». Но, во-первых, очень странно: ни в одной стране послеордынского периода не возникло крепостное право, а только у нас. А во-вторых, основы крепостного права законодательно заложены были еще «Русской правдой» Ярослава Мудрого. Жизнь смерда стоила копейки. А потом и вообще ничего...

Очень популярно и другое утверждение доктора Ступишина: «Татарщина задержала наше развитие...» Но ведь достаточно посмотреть на славянские территории, где не было «ига», где была «Европа», чтобы с изумлением увидеть: да не было там никакого европейского расцвета! Причем это не запредельные, а близкие земли. К примеру, Беларусь. Что, она по сравнению с Московской Русью достигла под крылом Запада каких-то невиданных высот в своем развитии?! Нет, Московская Русь уже с XV века была могучим и уважаемым государством, а славянские народы, населяющие Западную Украину и Беларусь, именовались в польско-литовском государст-

ве холопами и быдлом... Однако ж этого как будто никто не видит, не помнит.

Из статьи В. Ступишина:

Г-н Баймухаметов перечисляет несколько православных святынь, сохранившихся там, где было ордынское «влияние»... Мизерное количество памятников домонгольской архитектуры сохранилось до наших дней. Но главное не это, а то, что, назвав менее десятка святынь, Баймухаметов умалчивает о том, сколько их было разрушено во время набегов, включая старинную, X века, Десятинную церковь в Киеве».

Мой комментарий:

Тут странно все. Да, я перечислил «несколько церквей». Чуть более двадцати, **только памятники мирового значения, только XI—XIII веков**. Если количество церквей, сохранившихся при власти монголов, Ступишин называет «мизерным», то по сравнению с чем? По логике, по сравнению с теми, что монголы разрушили. Но Ступишин называет только одну, Десятинную церковь. А сколько еще? Молчит. Не называет. Может, называть нечего? Тем более, если быть точным (а иначе нельзя!), то **единственную** названную им Десятинную церковь в Киеве монголы **целенаправленно** не разрушали. Она сама рухнула от большого скопления людей на хорах во время штурма Киева. О чем совершенно ясно сказано в Ипатьевской летописи.

А всего в русских летописях называется **три** церкви, пострадавшие при монголах. Это уже упомянутая Десятинная церковь в Киеве, церковь в Рязани, выгоревшая изнутри, и храм Рождества Богородицы в Суздале, также пострадавший от пожара. Однако в той же Лаврентьевской и Тверской летописях говорится, что на следующий год князь Ярослав упокоил

мощи своего брата Юрия именно в соборе Рождества Богородицы.

На каком же основании доктор Ступишин называет количество церквей, сохранившихся в Киевской и Владимирской Руси, «мизерным»? Наверно, все на том же, на основании словарей-справочников. Как я уже отмечал в очерке «Княжеский крест», о Киеве, Владимире, Суздале и других русских городах, где стоят храмы XI — XIII веков, в этих словарях и справочниках до сих пор пишут: «разрушен татаро-монголами»... К примеру, такая пометка стоит и в словарях-справочниках о Рязани. Самые старые церкви там датированы XVII веком. И никто не может сказать, какой была Рязань в раннем Средневековье. Потому что древнюю Рязань за 29 лет до похода Батыея **полностью, камня на камне не оставив**, разрушил и спалил дотла великий Владимирский князь Всеволод Большое Гнездо. Разбив рязанскую рать, Всеволод велел оставшимся в живых рязанцам уходить из города, а сам город — уничтожил. А монголы штурмовали то, что рязанцы успели отстроить на пустом месте...

Это вовсе не значит, что церкви не горели, не разрушались. Война есть война. Когда штурм, когда боища и пожарища... да что тут говорить. Города же были деревянные, и многие церкви — тоже. Я же пишу совсем о другом — о том, что монголы не разрушали церкви **целенаправленно**. Это широкие массы судят по урокам истории СССР и словарям-справочникам, а ученые, наверно, знают, что ордынцы не могли разрушать церкви, потому что, во-первых, многие из них были христианами, а во-вторых, Чингисхан приказал почитать все религии, а заветы Чингисхана выполнялись неукоснительно, ибо их невыполнение каралось смертью.

Однако постараемся понять и даже оправдать доктора Ступишина. Ведь его общий настрой о монголах как о разрушителях церквей основывается не на пустом месте. Не только на советских словарях-справочниках. А — на летописях. Да-да, на летописях! Правда, там одни лишь общие слова. Что для летописей весьма странно. Потому как они очень конкретны, наполнены именами, фактами, событиями. Например, вот как описывается штурм и разграбление Киева смоленско-черниговско-половецкими войсками в 1203 году: *«Поголье взяша и пожгоша; ино Гору взяша и митрополью святую Софию разграбиша и Десятинную церковь разграбиша...»* В двух строчках — четыре конкретных названия! А как только речь заходит о храмах, уничтоженных во времена похода Батыя и трехсотлетнего владычества Золотой Орды, — одни общие слова... Как я уже говорил, упоминаются **только три церкви**. Причем одна из них сама рухнула от скопления большого количества людей на хорах, а другая, пострадавшая при пожаре, живет и доныне. Но общий настрой, общие слова — апокалиптические. *«Много святых церквей предали они огню»* — о Рязани. *«Церкви святые огню предали»* — о Москве. Прямо-таки целенаправленный поход ордынцев против православной веры и православных церквей. Но этого не было. Откуда же тогда такой настрой в летописях?

Мы не имеем ни одного оригинала, ни одного подлинника, ни одной рукописи, **современной** событиям. Все летописи дошли до нас только в «списках», переписанных вариантах. Самая ранняя, Лаврентьевская — XIV век, Ипатьевская — XV век, остальные — XVI и даже XVIII века. Сколько раз они переписывались за эти века, кем, что там осталось от оригинала, а что **вписано** и дописано монахами-пе-

реписчиками по своему разумению и пониманию — разбирать и разбирать... К тому времени, к XVI веку, Константинополь был занят турками, и уже начались набеги крымских татар на Русь. А за Крымом стояла мусульманская Турция. Два молодых, мощно развивающихся государства — Русь и Османская империя — начали борьбу за прикаспийско-причерноморские пространства. То есть к тому времени уже сложилось религиозное противостояние, которого не было во времена Чингисхана и Батыя. И вполне закономерно, что монахи-переписчики летописей **вставляли мотивы сегодняшнего религиозного противостояния** в рассказы о давних временах. Норм авторского права тогда не было, более того — рукопись-летопись считалась общим достоянием и чуть ли не исходным материалом для переписчика. Каждый кроил и творил, что хотел. Пример тому — Лаврентьевская летопись, в которой, как доказал Г.М. Прохоров, были вырезаны и заменены другими три страницы, посвященные походу Батыя. О дополнительных, в том числе и идеологических, вставках говорится и в анализе Лаврентьевской летописи, сделанном Л.Н. Гумилевым.

А вообще это отдельная тема — отношения Орды и православной церкви. Об этом, в том числе о православных святых ордынского происхождения, я расскажу в следующей главе. Чтобы не затягивать этот очерк, сугубо полемический.

Из статьи В. Ступишина:

Ну а если, по сути спора, то, на мой взгляд, Русь, оказавшаяся во власти явно чужеродной для нее Орды, знала, конечно, в XIII—XV веках и своих предателей, и своих холоуев, лизавших сапоги монгольским ханам... Мы, русские, во всяком случае, очень многие из нас, категорически против подавления национального самосознания любого народа. Гак уж позвольте и

нам сознавать себя русскими с русской историей, а не наследниками Орды. Каким бы сильным ни был «туранский элемент», Русь он, слава богу, не смог поглотить, она противостояла ему, освободилась от него и, в свою очередь, покорила его. Потому мы и живем в России, а не в Туране. И уж как-нибудь разберемся с Александром Невским и Дмитрием Донским.

Мой комментарий:

Но никто, и я также, не объявлял русских наследниками Орды. Видимо, Ступишин тут спорит не со мной, а с Трубецким, с его работой «Наследие Чингисхана». Однако там говорится не о «русских», а об империи. А это все-таки разные вещи.

Никто не может позволить или не позволить русским быть русскими. И тогда непонятно, что опровергает, с чем и с кем спорит доктор Ступишин. Тут все тот же прием. Вначале оппоненту, то есть мне, приписывается какая-нибудь глупость, а потом эта глупость с жаром опровергается. Увы, обычный прием.

Так получилось, что спор у нас произошел по частностям. А от обсуждения сути изложенных в «Княжеском кресте» аргументов и фактов доктор Ступишин уклонился. Ничего он не говорит о деятельности Александра Невского, об открытии им в Сарае подворья православного епископа, о его побратимстве с Сартаком, о договоре, по которому ордынская конница ходила аж к Новгороду, чтобы отбить очередной поход немецких рыцарей... Ни слова — о Куликовской битве!

Вот почему я и вынес в заголовок вроде бы неправомерный, по сути, вопрос: «Чего мы хотим от истории?» Действительно, чего? Выяснения, прояснения, как все было? Или же стремимся с ее помощью утвердить свои мнения, свои идеи и опровергнуть чужие? Как в народе говорят, доказать свое...

Лечебна ли правда?

Вспомним начало главы, фразу Марка Блока о том, что истории как науки нет, что она служит лишь для оправдания ныне существующей системы. А вот что писал по тому же поводу Поль Валери: «История — это самый опасный продукт, вырабатываемый химией интеллекта... Она заставляет мечтать, она опьяняет народы, порождает у них ложные воспоминания... вызывает у них манию величия и манию преследования и делает нации желчными, нетерпимыми и тщеславными. История оправдывает все что угодно. Она не учит абсолютно ничему, ибо содержит в себе все и дает примеры всего».

На первый взгляд, ведь здорово сказано, не так ли? С французской усмешкой и с русским размахом. Наотмашь, это всегда выглядит лихо, но далеко не всегда умно.

В данном случае и Марк Блок, и Поль Валери впали, вольно или невольно, в детскую логическую ошибку. Они приписали истории грехи людей. Люди пишут историю! И это они, люди, совершают все то, что Поль Валери приписал истории: опьяняют народы, вызывают манию преследования или манию величия, делают нации желчными, нетерпимыми, тщеславными... А чем они, люди, при этом руководствуются — своими симпатиями, антипатиями, убеждениями или заблуждениями. подлым холуйством или желанием иметь кабинет и зарплату — в конце концов не имеет значения... Только история тут ни при чем. Не надо, повторю, грехи людей валить на историю.

И вообще, все становится понятно и просто, если мы договоримся об одном — в истории мы ищем и отстаиваем не отдельные интересы государств, наций, этносов, партий, отдельных людей, а только

правду, истину, противостоим всяческим умалчива-
ниям и передергиваниям. К всеобщей пользе и к все-
общему благу. Потому что от всех болезней, назван-
ных Подем Валери, существует одно лекарство —
правда. Я убежден, что правда всегда лечебна. А ког-
да ее нет, когда она искажена, тогда и начинаются
всякие страсти-мордасти, комплексы и т.д.

КАК РУСЬ ЖИЛА ПОД ИГОМ

Удивляется таксист... Говорит: «Если мы триста лет жили под игом, то почему ничего не осталось? Ведь что-то от них за такое время должно было остаться: церкви ихние, дома, обычаи... А тут ведь — ничего!»

В главном он прав — в своем здравом смысле. А детали: что осталось, что не осталось, я дополню... С надеждой, что когда-нибудь прочитает он эти строки и вспомнит наш дорожный мимолетный разговор. Остановлюсь на ключевых моментах: политике, экономике, религии, семье, патриотизме, самосознании. И пусть будут повторы, но я иду на них сознательно, потому как предмет разговора есть самосознание народа, определение им ключевой эпохи в своей же истории.

Итак...

Политика: послание от Папы Римского

В 1248 году Папа Римский Иннокентий IV направил Александру Невскому послание с предложением о союзе, о переходе его и народа русского в католи-

ческую веру. Рассмотрев лестные посулы, князь Александр их отверг.

На первый взгляд, ничего уж такого особенного. Международная дипломатия и международные отношения.

Но если исходить из теории «ига», то получается чушь собачья! Ведь по этой теории Русь уже десять лет как «завоевана», уже десять лет как «под игом». Какие международные переговоры может вести завоеванная страна и завоеванный князь? Как говорится, тут или — или...

Экономика: какая была дань?

Несколько раз я упоминал о дани, но вскользь. Не грех повторить и сказать подробней. У нас ведь слово «дань» — пугало. Как только зайдет речь о нынешнем тяжелом экономическом положении, так сразу возникает слово «дань». Мол, правительство угнетает народ так, «как не угнетали татары». Это расхожая фраза в современном обиходе. И потому повторю: в течение **двадцати лет** после начала Батыева похода Русь не платила никакой дани. Для несведущего человека это прозвучит дико. Двадцать лет, считается, Русь «под игом», а Золотая Орда ничего с этого не имеет... Зачем, спрашивается, завоевывали?..

Дань, или, как тогда говорили, «выход», Русь начала платить после того, как Папа Римский объявил крестовый поход против Руси и Орды, после того, как Русь и Орда, Александр Невский и хан Берке заключили военно-политический союз. То есть дань-выход была общей кассой для содержания армии, для отражения католической агрессии.

Дань собирал только великий князь. Это преимущество давало великим князьям возможность дер-

жать в зависимости удельных князей. Они им очень дорожили и старались не допускать младших родителей до непосредственных сношений с Ордой. Великие князья в договорных грамотах с удельными князьями записывали: «*Мне знать Орду, а тебе Орды не знать*». (В. О. Ключевский. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. М., 1991. К. 1, с. 361.)

Теперь — о размерах той пугающей дани. В 1382 году, пишет историк С.М. Соловьев, татары обложили Русь «невиданной данью» — 50 копеек с деревни. В том же году Москва хоронила убитых в результате мятежа против Дмитрия Донского. Летопись отмечает, что князь Дмитрий Донской давал за сорок похороненных — 50 копеек. Этот пример дает представление о том, что такое 50 копеек и что такое дань в 1382 году.

Но есть и более точные сопоставления и цифры. Как указано в завещании Дмитрия Донского, Звенигород должен платить 272 рубля, Конов — 22, Суходол, Смоляны и Скирменская слободы — по 9 рублей, Можайск и Можайская волость — 167 рублей, Веря — 22,5 рубля, Коломна и Коломенская волость — 342 рубля. А все Московское княжество платило 960 рублей в год.

Дань всей Руси в XIV веке составляла 5 тысяч рублей в год. При тогдашнем населении 5 миллионов в итоге получается — 0,1 копейки на человека. Тогда на копейку можно было купить пуд хлеба. В общем, дань составляла полторы буханки хлеба на человека в год. (С.М. Каштанов. «*Финансы средневековой Руси*», М., 1988, с. 9, 10.)

Экономика: русский исполин

Уже скучно опровергать устоявшиеся представления о том, что «татары задержали наше развитие»,

что Русь «отстала от Европы из-за татаро-монгольского ига» и т.д. Но — надо. Когда что-то хотят сказать о тяжелом положении российской экономики, тут же поминают недобрым словом Золотую Орду. И эту, простите, чушь с апломбом несут самые разные люди, от корявых работяг до лощеного премьер-министра.

В XIII веке Марко Поло, проезжая по владениям Монгольской империи, в состав которой входила и Русь, писал, что такая организация почтовой службы и ямщицких станций, такой порядок и не снились ни одному из герцогов и королей Европы: «Через каждые 25 миль посланцы великого хана находят станцию, которая по-монгольски называется «ямь», т.е. станцию с почтовыми лошадьми».

В XIV веке, во времена Куликовской битвы, в Москве уже были первые огнестрельные орудия. То есть было свое пушечно-литейное и химическое производство!

И, наконец, XV век — век «освобождения от татаро-монгольского ига». Если следовать «теории ига», то легко представить, какой была тогда Русь: ослабленной, разоренной, бесконечно отставшей от всего и от всех. Так ведь? По логике?

А вот что пишет о Руси в XV веке Карл Маркс... Тут надо обязательно сказать, что Карл Маркс отношения Руси и Орды рассматривал точно так же, как и все историки Запада. Он писал, что *«Московия воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства»*. Русских он считал монгольскими рабами, которые вдруг стали господами. При этом утверждал, что Петр Великий выполнял завет Чингисхана по завоеванию окрестных земель. Логика тут мутная и смутная. И, тем не менее, вопреки своим взглядам и настроениям, экономист Карл Маркс о Руси XV века написал так:

«Изумленная Европа... была ошеломлена внезапным появлением на ее восточных границах огромной империи, и сам султан Баязиг (турецкий. — С.Б.), перед которым Европа трепетала, впервые услышал высокомерную речь москвитя».

Тут Карл Маркс невольно опровергает и себя, свои утверждения о «рабстве» русских, и всех остальных сторонников теории «отсталости».

Действительно, что же получается? Значит, триста лет непрерывно приходили в упадок и «отставали» «под игом», а на триста первом году сразу же ошеломили Европу мощью и «высокомерной речью москвитя»? Откуда что взялось? От сырости? От «ига»?

Разговоры об отсталости России из-за монголов возникли в XVIII веке после реформ Петра. Петр породил в русских людях комплекс европейской неполноценности. И «теория ига», возникшая тоже в XVIII веке, была тут как нельзя кстати: она оправдывала и снимала вину за отсталость. Мол, это все монголы, если б не они, мы бы о-го-го!

Хотя уже тогда отдельные люди видели, что Россию сковало и не давало ей развиваться крепостное право. Рабство — непроизводительно. Рабство губительно и для экономики, и для нравственности.

Религия: закон Чингисхана

Один доктор исторических наук как-то попрекнул меня: мол, умолчал я о том, что монголы разрушили Десятинную церковь, храм в Суздале и т.д. Во-первых, это неточно. Десятинная церковь обрушилась сама от скопления большого количества людей на хорах при штурме Киева. А храм в Суздале

обгорел, но уже через год действовал. Однако эти неточности, а также и то, что в летописях больше нет ни одного конкретного упоминания о разрушении той или иной церкви, вовсе не означают, что церкви не разрушались. Ведь была война! Штурмы и пожара. Но затем — долгие века мира. И я писал о том, что в Киевской и Северо-Восточной Руси, под властью Орды, сохранились многие храмы начиная с XI века! Да одно только «Золотое кольцо» России посмотрите! А вот в Западной Руси, где правил Даниил Галицкий, в Галицко-Волынской Руси, которая почти на пять веков подпала под власть католической Польши, не сохранилось ни одной церкви старше XVII века!

Веротерпимость Орды вроде бы общеизвестна. Там соблюдались законы Чингисхана, который предписал не отдавать предпочтение ни одной религии и сам в молитвах обращался с мольбами о помощи сразу ко всем богам и пророкам: Христу, Магомету, Будде... Золотая Орда особо покровительствовала Русской православной церкви, давала ярлык, по которому *«за оскорбление церквей, хуление веры, уничтожение церковного имущества (книг и т.д.) полагалась смертная казнь»*. (М. Полубояринов. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978.) Мало кто знает, что названный брат Александра Невского — ордынский царевич Сартак, сын Батыея, был христианином-несторианцем, что из своего родного города Переславля Невский перенес подворье православного епископа в столицу Золотой Орды — Сарай. Кстати, тогда там уже правил Берке — мусульманин по вере. Мало кто знает, что правнук Чингисхана, племянник Батыея и Берке, православный христианин, за служение вере был причислен Русской православной церковью к

лику святых под именем «преподобного Петра, царевича Ордынского, чудотворца Ростовского...».

Кстати, судьба его так характерна для той эпохи, что стоит остановиться на ней чуть подробнее.

Религия: святой Петр — правнук Чингисхана

В 1253 году святитель Кирилл, архиепископ Ростовский, приезжал в Сарай, к хану Батыю, по нуждам церкви вообще и по делам своей епархии в частности. Тогда же он много рассказывал там о чудесах, совершаемых в Ростове у мощей святого Леонтия. И когда через несколько лет в Орде заболел один из царевичей, при дворе вспомнили о рассказах Кирилла и вызвали его в Сарай. К тому времени Батый умер. Умер также, недолго процарствовав, его сын Сартак, христианин. К власти пришел брат Батия, мусульманин по вере хан Берке (в «Житиях...» его называют Бергаем). Довольно рьяный мусульманин, как это и свойственно многим новообращенным. Но, тем не менее, именно при Берке в Сарае было открыто подворье православного епископа. Тут, наверно, сказалось и огромное влияние в Орде Александра Невского, и интересы самой Орды, которой выгодно было иметь таких мощных союзников, как Русь и православная церковь, и многое другое. Но в любом случае, как свидетельствует «Сказание...» и «Жития...», никого тогда не смущало, что при дворе мусульманина Берке исцелением его больного племянника занимается православный священник. Во-первых, видимо, атмосфера была такая — всеобщей веротерпимости. А во-вторых, скорее всего, тот больной монгольский царевич (имя его не сохранилось) был крещеным в православии, потому и звали Кирилла...

Кирилл молитвами исцелил мальчика, за что был награжден многими дарами и с почестями отправлен домой. Но в пути, говорится в «Сказании о блаженном Петре, царевиче Ордынском...», его догнал один из царевичей, племянников Батыя и Берке, и умолил взять его с собой в Ростов. Наверно, мальчика увлекли рассказы о чудесах, о большом и богатом городе Ростове. Ведь в те времена Ростов Великий был одним из главных городов Северо-Восточной Руси. Да, столица — Владимир, но в начале XIII века Ростов считался значительней Владимиром...

В Ростове мальчик принял православное крещение и был наречен Петром. Хан Берке к поступку племянника отнесся с пониманием и обеспечил его соответственно его царственному происхождению. В «Сказании...» говорится о «возках с *серебром*»... Обязан заметить: существует версия А. Хорошева, повторенная затем Л. Гумилевым, что царевич этот попал у Берке в опалу и в Ростове «нашел приют». Я же ориентируюсь на «Сказание...». Но при всем своем богатстве и знатности Петр отличался «скромностью, молчаливостью, богомыслием и склонностью к молитвам».

Однажды Петру было видение, явились апостолы Петр и Павел. После этого знамения Петр построил на берегах озера Неро монастырь, называемый также Петровской обителью.

Тогда же возникла дружба между ордынским царевичем Петром и Борисом, князем Ростовским. Как в «Сказании...» говорится, «*любяше князь Петра, яко и хлеба без него не ясти*». Архиепископ Игнатий, преемник святителя Кирилла, публично, под сводами церкви, объявил их названными братьями. Дети Бориса, юные княжичи, называли Петра дядей. Князь Борис выбрал для Петра жену, дочь видней-

шего ростовского вельможи. И даровал ему, детям и внукам его «множество земли» у озера, а также «воды и леса».

Видимо, Петр свою жену, нареченную ему князем Борисом, очень любил. Потому что, овдовев, сильно горевал, затем постригся в монахи и обосновался в своей же обители.

Почитание Петра как святого началось сразу же после его смерти примерно в 1290—1291 годах. «Сказание о блаженном Петре, царевиче Ордынском...» сложилось, как считает В.О. Ключевский, уже в начале следующего века. Официально он был причислен к лику святых на Соборе 1547 года при митрополите Макарии. Очевидно, сразу же после канонизации и написаны были фрески только что построенного Архангельского собора в Кремле, обновленные или заново переписанные в следующем веке.

Архангельский собор — усыпальница великих князей и царей. Наиболее выдающиеся из них, как Александр Невский и Дмитрий Донской, изображены там на фресках. Каждому посвящена одна фреска. А блаженному Петру отведена почти вся стена справа от алтаря — две фрески, две большие сюжетные картины. Сцены явления ему апостолов Петра и Павла.

Это говорит о том, что святой Петр был в Средние века весьма почитаемым в церкви и в народе.

Вообще же, насколько мне известно, в церковном обиходе икон Петра практически нет. В Ростовском музее есть одна икона XIX века. Да там же, в Ростове, в Успенском соборе, и поныне хранится доска от древней иконы с ликом Петра. А изображение не сохранилось. И не время тому виной, а, как говорит настоятель собора отец Роман, «наше небрежение».

Мощи святого Петра покоятся в Ростове, в развалинах Петровской обители. Как устанавливают Четьи-Минеи, «празднуют его память 30 дня июня». Потомки Петра, живущие в Париже, приезжали в Ростов Великий — поклониться могиле пращура.

Между прочим, в «Сказании...» подробно говорится о его сыне Юрии и внуке Игнатии, названном так, очевидно, в память об Игнатии, архиепископе Ростовском. Были они в Ростове Великом очень влиятельными людьми. Вплоть до того, что в трудные для Ростова и Ярославля дни не то набега ордынцев, не то похода, смутно известного как «Ахмылова рать», когда князь и архиепископ ударились в панику, Игнатий сделал им выговор и сам повел переговоры с ордынцами, которые закончились успехом для Ростова и Ярославля. Еще и потому, что имя русского прямого потомка Чингисхана для ордынцев не было пустым звуком.

Кстати, одним из потомков блаженного Петра был великий иконописец Дионисий.

Вот такие судьбы!

Религия: святой Пафнутий — правнук великого баскака Амырхана

Коли рассказал о преподобном святом Петре — нельзя умолчать и о святом Пафнутии.

Хан Батый своим наместником на Владимирской Руси назначил нойона Амырхана, в русских летописях — Амрагат. На Руси он именовался «великий Владимирский баскак». В 1255 году сей грозный сатрап Амырхан, принял православие и был наречен именем Захарий. И это совсем не означало, как бы мы сейчас подумали, что теперь он стал подданным

русского князя — нет, он продолжал служить на прежнем посту, как ни в чем не бывало. И никто из его непосредственных начальников — ханов Золотой Орды — ни христианин Сартак, ни мусульманин Берке, ни язычник Менгу-Тимур на это не обратили и не обращали никакого внимания.

Ну, захотел наш «великий баскак» креститься в православии, — так это его личное дело... был нойон Амырхан — теперь будет нойон Захарий, эка невидаль, в Орде православных как лошадей в поле. Ставленник Батья, Амырхан-Захарий продолжал свою службу долго-долго, пережив и Батья, и Сартака, и Александра Невского, и Ярослава Тверского, и хана Берке, и хана Менгу-Тимура, и умер в 1290 году.

От его праправнука Якова Ивановича по прозвищу Зуб ведет начало род русских дворян Зубовых: *«Дворяне Зубовы, графы Священной Римской империи, происходят от древней благородной фамилии Амрагата, а по крещении названного Захарием, который находился в городе Владимире наместником».* («Общий гербовник дворянских родов».)

От другого праправнука — Никиты Ивановича по прозвищу Баскак — пошел известный дворянский род Баскаковых.

А вот их дядя Парфен Иванович — правнук Амырхана — оставил совсем другое наследство. Он стал иноком Пафнутием и основал Боровский Пафнутьев монастырь. Пафнутий, как и прадед, был долгожителем. Прожил 83 года и умер в 1478 году в покое и благолепии, окруженный учениками. В 1540 году он был причислен к лику православных святых.

А другой ордынец — мурза Чет, предок дворянского рода Вельяминовых, — основал в Костроме знаменитый Ипатьевский монастырь...

Семья: ордынский зять

В 1371 году к Олегу Рязанскому пришел из Орды отряд всадников во главе с юношей — воеводой Салахмиром, *«и оказал ему помощь в борьбе с Дмитрием Московским и Владимиром Пронским»* (Д. Иловайский.) Однако маловероятно, что Орда, в то время раздираемая смутой, стала бы встречать только лишь в московско-пронско-рязанские раздоры. Не до того было. Другое дело, если речь шла о помощи против Мамаю. Ведь Дмитрий Московский тогда с Мамаем союзничал, а Олег Рязанский — враждовал. Сторонники законной ханской власти в Орде люто ненавидели Мамаю, узурпатора и смутьяна. И могли прислать на помощь Олегу этот отряд. Но это — мои предположения.

В реальности же ордынский юноша Салахмир был рядом с князем Олегом Рязанским и тогда, когда тот воевал с Мамаем, и когда Олег уже вместе с Мамаем и Ягаило выступил против Дмитрия Московского, и против Тохтамыша, и за Тохтамыша, за Литву и против Литвы. И во многих грамотах Олег ставит его имя рядом со своим, прямо говоря, что он принял то или иное решение, посоветовавшись с Салахмиром.

Быть может, секрет в том, что Олег Рязанский не просто приблизил к себе Салахмира, а еще и *«выдал за него свою сестру Анастасию и пожаловал ему во владение вотчины: Верхдерев, Веневу, Растовец, Веркошу, Михайлово поле и Безпуцкий стан»*. Салахмир окрестился и в крещении стал называться Иваном Мирославичем. *«От Салахмира пошли многие дворянские роды, между прочим Вер(х)деровские и Апраксины»*. (Д. Иловайский.)

Ну, зять — дело житейское. Однако Олег сыновей своих поминает не так часто, как зятя. В жало-

ванных грамотах Олега то и дело встречается: *«Поговора с зятем своим, Иваном Мировславичем...»*

Видно, был Салахмир-Иван не просто зятем, а первым помощником.

Литература: ордынский летописец

Другой пример — летописец Софоний, знаменитый в русской истории и литературе автор «Слова Софония Рязанца» («Задонщины»). Достоверно известно о нем одно — он выходец из Рязани. Но «Слово...» — похвала врагам Олега Рязанского, князьям Дмитрию Московскому и Владимиру Серпуховскому. Это значит, что еще до Куликовской битвы Софоний ушел из Рязани и, видимо, потому ушел, что не согласен был с политикой князя Олега, его союзом с Мамаем и Ягайлой. Его описание бед Рязани говорит о нем как о государственном муже, то есть — боярине. В одном из источников, довольно позднем, в Тверской летописи, он и именуется «боярином», правда, брянским. *«А се писание Софониа рязанца, брянского боярина...»* Но в этом есть и своя логика. Сейчас — брянский боярин, а пришел в Брянск — из Рязани.

Итак, если исходить из того, что автор «Задонщины» действительно рязанский боярин, то найти его можно. Боярин — не травинка в стогу. Тем более, с таким редким именем — Софоний. И искать его следует в кругу ближних бояр Олега Рязанского, но — до Куликовской битвы. Таким путем шел переводчик «Слова о полку Игореве», известный исследователь древнерусской литературы В.Ф. Ржига. Он приводит Жалованную грамоту Олега от 1372 года, где князь перечисляет своих ближних бояр, вместе с ним при-

ехавших в монастырь близ Рязани. Их девять. И первым в сем списке идет имя боярина Софония Алтыкулачевича...

Независимо от того, является ли данный боярин Софоний автором «Задонщины», ясно одно — отец его, Алтыкулач, был выходцем из Орды и, скорее всего, православным, бежавшим от хана Узбека, введшего в Орде ислам. Причем крещенным там, в Орде. Потому что неправославные ордынцы, приходящие служить на Русь, в крещении получали другое, греческое, имя.

В этих историях, таких разных, отразилось само время. И политика, и любовь, и родство с полным подчинением возникшим родственным узам, и служение князю, и несогласие с ним, и уход в другие пределы, и выражение своего взгляда на происходящее в слове, в литературе... И это решительно далеко от черно-белой картины непрерывного и постоянно-го противостояния, которую внушили нам позднейшие историки и идеологи.

Насильно мил не будешь

Почему говорят: поскреби русского — найдешь татарина? В смысле — ордынца. Откуда? С какой стати? Почему в таких количествах? От «ига»? Но это значит, что русские девушки сплошь и рядом заводили шашни с узкоглазыми ненавистными **завоевателями?**

Во-первых, такого быть не могло! По рассказам отцов и дедов мы знаем, что стоило в годы Великой Отечественной войны хоть одной девушке в селе спутаться с немцем, как она становилась изгоем для всей округи! А ведь ордынцы, по всеобщему убеждению, — такие же завоеватели!

Во-вторых, с любыми шашнями в те времена было строго. Это значит — выходили замуж. А как же родители смотрели на такие браки с «погаными». В том-то и дело, что «поганый» в те времена значило «язычник». Некрещеный. Только и всего.

Но если выходили замуж — значит, не считали их завоевателями? Тут или — или. Третьего — не дано.

Пройдя через Русь на Европу, Батый **ни в одном русском городе не оставил гарнизона**. Это вообще означает, что о каком-либо «завоевании» и речи не было. Но меня в данном случае больше всего интересуют «шашни». Если не было в городах гарнизонов, то за кого же русские девушки выходили замуж так активно, что родилась та самая присказка: «Поскреби русского — найдешь татарина»?

Да, были до этого половцы, служившие русским князьям, были отряды ордынцев на службе русских князей, вроде отряда Салахмира. Да, в Минске недавно отметили 600-летие первого поселения на белорусской земле ордынцев, когда Витовт, великий князь Литвы, призвал сюда отряд ордынской конницы. Но так ведь то — отдельные отряды...

Ответ кроется в религии. Религией очень многих в Орде было христианство. Но в 1312 году к власти пришел хан Узбек, который объявил ислам государственной религией, а несогласным рубил головы. **Все, кто не отказался от веры отцов, бежали на Русь, к своим единоверцам. Их были тьмы и тьмы**. Так что против Мамаю на Куликовом поле стояли уже и внуки некогда изгнанных православных ордынцев.

Правда, иногда говорят и пишут, что роднились только князья, а народ, мол, знать не желал чужаков. Что до связи знати и народа, то вот самый незаметный, но характернейший пример. Тюркско-половецкое имя Арслан (лев) стало в русской транскрипции Русланом и в народ уже шло как Еруслан... Или было

наоборот? Но уж наверняка Арина Родионовна пеларассказывала про Еруслана, а маленький Саша Пушкин слушал и запоминал... А что до народа, то ведь ордынские витязи-князья «выезжали» на Русь, как в родословных пишут: «Выехал из Орды на Русь к великому князю...» не поодиночке, а снимались всем родом, кланом, со слугами и дружинниками... К примеру, откуда в поэме Некрасова про спасение зайцев у героя такое имя — Мазай? И никто ему, Некрасову, замечания не сделал: мол, что ж ты старику имя-то подходящее не подобрал? Наверно, потому, что в ярославской деревне некрасовского уже времени Мазаи, Назары, Ермолаи и прочие были Мазаями, Назарами и Ермолаями.

Конечно, среди дворян ордынских выходцев неизмеримо больше, потому как рамки ограниченные, к тому же оно тогда только-только складывалось, дворянство — сословие людей, которые служили лишь центральному правительству, великому князю. И составляли опору великого князя в его борьбе с могущественными боярами. Но и ордынские витязи, и пришедшие с ними простолюдины уже через поколение растворились в русской массе. А у дворян осталась память, потому что они вели родословные... Только и всего.

Но нам почему-то все время застит глаза так, что иногда мы не видим очевидного.

Хотя и этому есть объяснение. Его дал много десятилетий назад один из основателей евразийской исторической школы князь Н.С. Трубецкой:

«Трудно найти великоросса, в жилах которого так или иначе не течет туранская (монгольская) кровь. Смущаться этим грешно, так как на свете нет ни одной чистокровной нации, в противном случае она бы выродилась согласно общим законам биологии. Но мы смущаемся, и последние несколько веков

благоговейно взираем на Запад, и подражаем ему, и платим мерою непомерной — кровью людской за это подражание».

«Смущаемся» — точное слово. По современному говоря, комплексуем. И старательно подтираем, подчищаем все, что только может напомнить нам о прошлом. То есть фальсифицируем, подделываем в самом прямом смысле. Речь о картинах, скульптурных изображениях и соответственных фотографиях с них. Которые мало что общего имеют с подлинными ликами русских исторических деятелей Средневековья. Я уже говорил, что подлинных изображений людей XIII—XIV веков, равнозначных фотографиям, почти нет. В те времена фотографией была посмертная маска. А ее сохранить трудно. К примеру, маска Александра Невского, как и маска Сергия Радонежского, не сохранилась. Но есть художественные портреты с покрова (посмертного покрывала) XV и XVII веков. По ним мы в какой-то степени можем судить об их облике. И сравнивать с тем, что изображено сегодня на многочисленных картинах... Правда, есть антропологические реконструкции, и они, кстати, очень красноречивы.

Одно из исключений — дошедшее до нас прижизненное изображение князя Святослава, сына Всеволода Большое Гнездо и дяди Александра Невского. Оно сохранилось, потому что вделано было в горельеф Георгиевского собора в Юрьеве-Польском. Всмотритесь в него — и многое станет ясным.

Европейцы или азиаты?

Этот вопрос почему-то ставится именно в такой, максималистской форме. Или — или. Причем после

такого максимализма все дружно приходят к выводу, что русские, Русь и Россия — нечто особое, отдельное и от Европы, и от Азии. И это действительно так. Европа никогда не считала русских своими. Там даже поляки — католики по вере, но славяне по языку, — испытывают некий комплекс неполноценности. Но в общем смысле русские — безусловно, европейцы, по сути, по рождению, по укладу жизни, по вере.

Хотя, конечно, история состоит не только из закономерностей, но и из исключений. Так, например, все романские народы — католики. За одним исключением: румыны — православные. Все славянские народы — христиане. За одним исключением: боснийцы — мусульмане. Все тюркские народы — мусульмане. Только дунайские болгары — православные. Впрочем, болгары — особая статья. Степной тюркский народ так давно и полностью ославянился на новых землях, что стал основоположником славянской письменности... Правда, некоторые исследователи полагают, что Кирилл и Мефодий по происхождению македонцы...

Одним словом — исключения и закономерности. Могли ли русские, пусть и с тысячной долей вероятности, тоже стать одним из исключений христианской, славянской цивилизации? Ибо большей близости с кочевой степной культурой не было ни у кого. Ведь в ранние Средние века и киевский князь именовался в летописях не князем, а каганом. И Киевская древняя Русь называлась Русским каганатом. Вся военно-бытовая терминология, которая определяла тогдашнюю жизнь, была тюркской, и сегодня напоминая о себе казачьими, южно-русскими реалиями: майдан, башлык, чепрак, ермак, караул, кош, курень, айда(гойда!), атас, есаул... Да и вообще, ник-

то ж не знает, сколько в русском языке тюркских слов, от алтына до ярлыка, от болвана до богатыря... Но это — почти ничего не значит! Заимствования до какого-то определенного предела — не более чем заимствования. Скажем, во французском языке две трети — арабские и немецкие заимствования. И что? Ничего...

Суть — в укладе жизни. В том, что я называю — **бытотип**. А он у русичей и степняков — совершенно разный.

Русь никогда не шла степным половецким, ордынским путем, она лишь соприкасалась, соседствовала, перенимала. Все, что можно было взять ценного, необходимого, передового, — Русь взяла. В первую очередь — самую совершенную в те века организацию армии, легкой конницы, тактику ордынского, степного конного сражения с обходами с флангов, прорывами и рейдами по тылам. Так действовала калмыцкая и казачья конница в Отечественную войну 1812 года, а затем отдельные полки и дивизии генералов Льва Доватора, Исы Плиева и калмыка Басана Городовикова аж в Великую Отечественную войну. Уже в Средние века тяжело вооруженная рыцарская конница показала свою несостоятельность в столкновениях с русско-ордынской тактикой конного боя.

Другим важнейшим, основополагающим введением ордынцев на Руси было установление ямщицкой почтовой связи, перекладных почтовых станций, своеобразной железной дороги того времени. Если есть связь, есть постоянный транспорт — значит, есть настоящее централизованное государство, соединенное этими железными скрепами цивилизации.

Одним словом, переняв все, что можно у Орды, Русь дальше пошла своим путем.

Больше перенимать было нечего. Ко времени возвышения Московской Руси Орда достигла пика своего развития. А вернее сказать — не Орда, а — **конно-степная цивилизация**. Одна из древнейших в мире, еще со скифских времен, она к XV веку исчерпала все заложенные в ней возможности, данные природой. Дальше начиналась другая цивилизация, которую не все были в силах воспринять.

Ярчайший тому пример — монголы и казахи. Монголы, став буддистами, так и не приняли городскую буддистскую цивилизацию. Казахи, став мусульманами, так и не вовлеклись в русло городской мусульманской культуры. Они остались верны своей древней конно-степной цивилизации. И вплоть до XX века угасали вместе с ней в своих кочевьях, являя миру некий анахронизм. Реликт минувшей эпохи.

А ведь именем монголов называлась самая могучая в Средневековье империя. А предки казахов были самой многочисленной и ударной военной силой той империи...

И только XX век дал этим народам новый импульс.

И этот тезис не надо проверять по первоисточникам. Все происходило на наших глазах. Наши деды еще были участниками и свидетелями последних мгновений конно-степной цивилизации и вовлечения этих народов в новую, мировую цивилизацию.

А Русь, уже Московская Русь, бурно развивалась в своем русле европейской культуры, питаясь одновременно Востоком и Западом, что-то брала, что-то отвергала, но главным образом она **создавала свою европейскую или евразийскую культуру и цивилизацию**.

Московская Русь в те времена была центром притяжения огромной исторической ойкумены. Сюда приходили все и здесь принимали всех.

К примеру, все ордынские баскаки после окончательного угасания Орды остались жить в русских городах. Кстати, это еще раз говорит о надуманности «ига» и непримиримости русско-ордынского противостояния. Ну, представьте на самом житейском уровне: если уж так ненавидели татаро-монголов, считали их угнетателями, то уж собирателей дани — **баскаков**, должны были ненавидеть вдвойне и втройне. И вырезать, повесить и четвертовать тотчас, как кончилась власть Орды. Однако ж — нет. Одна из самых распространенных на Руси фамилий ордынского происхождения — Баскаковы. В каждом городе найдете Баскаковых...

В Москве жить и служить было **интересно**. Москва уже тогда становилась для народов огромного евразийского пространства столицей мира.

Такой она и осталась поныне. Вот и весь секрет.

Москва погубила град Китеж

Только не надо после этого воображать некий сурьезный образ Москвы. Собирательницы, радательницы, матушки и тому подобное. Централизация — объективный процесс. Жестокий. Каким путем достигалась цель — история не разбирает. Где крестом, а где мечом. Но чаще всего — мечом. Волосы на голове шевелятся, когда читаешь, как при царе Иване III, а затем Иване Грозном расправлялись с новгородской вольностью: забивали палками, пытали, *«терзали исповедимыми муками»*, поджаривали на огне живьем, а потом бояр, их жен и детей живьем топили в Волхове, привязав детей к матерям...

При расправе с удельными княжествами и городами Московская Русь использовала свое главное

преимущество перед остальными русскими княжествами — преимущество в людях, которое получила благодаря политике потомков Александра Невского, начиная от младшего сына Даниила, внука Ивана и праправнука Дмитрия Донского... А политика ясная и простая — союз с Ордой, дружба и родство с ее ханами.

«Могло пройти еще сто лет и более в Княжеских междоусобиях: чем заключились бы оные? Вероятно, погибелию нашего отечества: Литва, Польша, Венгрия, Швеция могли бы разделить оное; тогда мы утратили бы и государственное бытие и Веру, которые спаслися Москвою; Москва же обязана своим величием Ханам». (Н. Карамзин. *«История государства Российского»*.)

Москва принимала всех. А уходят, как правило, сильнейшие. Слабые, средненькие приспособлялись к литовским порядкам в Смоленске, Курске, Брянске, Минске, Полоцке и других городах. Те, кто не желал смиряться, уходили в Москву. Средний витязь приспособлялся к жизни в Орде, раздираемой смутами, интригами, переворотами. Сильный витязь — уходил служить в Москву. А там все было ясно — почет и вотчины получал не интриган и проныра, а храбрец, который затем передавал вотчины своим сыновьям. Из которых и сложилось потомственное дворянство, класс государевых людей, которые служили не феодалу-боярину, а великому князю. И зависели не от бесчисленных родоплеменных отношений и распрей, а только от великого князя-государя, то есть — от государства.

Опять-таки не значит, что они были хорошие, эти буйные люди. Каков князь — таков и дворянин. Именно их, к примеру, Иван Грозный превратил в опричников. Именно с их помощью изничтожил по-

томственное боярство. И далеко не случайно в поэме Лермонтова опричник зовется — Кирибеевич, потомок какого-то давнего ордынского Кири-бея или Кири-бая.

Все эти пришлые буйные люди, умеющие метко стрелять из лука и рубить врага до пояса, дали потомство и влились в население Московской Руси — Серпухова, Коломны, Мурома, Ростова Великого, Суздаля, Владимира, Юрьева-Польского...

О том, что московские служивые люди резко отличались своими боевыми качествами от прочих, говорит и такой факт, описанный С.М. Соловьевым. В середине XV века Василий Темный пошел в поход на Новгород. Воеводы Оболенский и Басенок в Старой Руссе захватили большую добычу. Отправили ее в ставку великого князя с главной ратью. А сами остались с отрядом в 200 всадников. Тут появилось новгородское войско в 5 тысяч человек. И эта пятитысячная армада была в пух и прах разбита двумястами московскими всадниками. Тяжеловооруженная, на немецкий рыцарский манер, новгородская армия оказалась бессильной против ордынско-московской тактики конного боя.

О том, что Москва наводила страх на соседей, говорит и сказание о граде Китеже. По легенде, град Китеж стал невидимым в ужасе от нашествия татар. На самом же деле никаких татар давно уже не было. Зато в одном-единственном месте легенды вдруг прорывается антимосковский выпад о «государстве московском», в котором *«антихрист царствует... и все его заповеди скверные и нечистые»*. Там же, в легенде, утверждается, что «сию книгу-летописец мы написали в год 6759 (1250)». Но в 1250 году Москва была малозначительным городком, и уж вовсе далеко ей было до «московского государства». Много, очень

много смутного в «Легенде...». Но если учесть, что окончательно сложилась она лишь к XVII—XVIII векам, да еще в среде старообрядцев, первым врагом которых был московский патриарх, то о многом можно догадаться. В.Л. Комарович, самый авторитетный исследователь «Легенды...», полагает, что безымянные авторы под «татарами» зашифровали «москвичей». То есть даже в устных сказаниях боялись открыто выступить против Москвы... Прямо как в давнем стихотворении Владимира Луговского: «Мне страшно назвать даже имя ее — свирепое имя Родины...»

Патриотизм: почему не боролись?

Почему-то так сложилось, что сторонники «теории ига» как раз и причисляют себя к патриотам, называют себя патриотами. Хотя, на самом-то деле, все получается наоборот!

А именно: говорить об иге — значит клеветать на русский народ. Ведь что же получается: триста лет терпели! И — не сопротивлялись! Ведь не было ни одного случая войны с ордынцами, восстания, долгой и постоянной борьбы. Сражения были только в первые два-три года Батыева похода, когда монголы пришли на Русь. А потом — что?.. Известны стычки в 1257 году в Новгороде, в 1262 году в Ростове, Суздале, Устюге, Владимире и Ярославле, вызванные переписью населения для сбора дани. А дань та собиралась как плата Орде за военную помощь в борьбе с крестоносцами. Ну, народу эти тонкости русские князья не объясняли, а всякое сопротивление жестоко пресекали. Затем, через 70 лет, была стычка в Твери. И — все...

Существует теория (Ключевского), что монголы были так ужасны, так потрясли русское сознание, что ни о какой борьбе с ними и речи не могло быть. Опять-таки это возможно в первые годы и несколько десятилетий после. Но ведь потом Русь видела, что и саму Орду сотрясают интриги, что она слаба. Но ни до Куликова поля, ни сто лет после него Русь не делала даже попытки «освободиться от ига». И само «освобождение от ига», датируемое у нас 1480 годом, очень условно. Собственно, освобождаться-то было не от кого. Золотой Орды к тому времени не существовало уже полвека, она распалась на Астраханское, Крымское, Казанское и Сибирское ханства, которые постоянно враждовали между собой и в этой вражде постоянно прибегали к помощи московского князя. А «великое стояние на Угре» было уже не против войск Золотой Орды, а против некоего хана Ахмада, который провозгласил себя главой непонятого образования — Большой Орды и пошел походом на Москву.

То есть получается, что и «освобождения от ига» не было!

И здесь, как нож к горлу, — «патриотический» вопрос. Или ига не было — или русские люди были жалкими созданиями, которые за триста лет иноземного гнета даже одного мало-мальски приличного восстания не подняли?

Никуда не денешься.

О беспомощности русских людей говорить не приходится. Не знаю про другие народы, но русские за свою историю не проиграли ни одной большой войны. Проигрывали сражения, военные кампании, но в конце концов, так или иначе, перемалывали противника, переламывали его...

И если бы они начали против Орды долгую, затяжную войну, тем более — национально-освободительную, то результат ее был бы очевиден. Но ее нет. Значит... Ига не было. А были другие, более сложные отношения, которые наши историки упростили до непримиримого противостояния, до создания образа вечного врага. Почему они это сделали? Потому что нации нужен супостат?! Но это уже — название следующего очерка.

НАЦИИ НУЖЕН СУПОСТАТ?!

Как и почему была искажена история Руси

Недоумение

Одну из моих статей «Литературная газета» предварила признанием, что никто в редакции не ожидал такого количества звонков и писем, такого интереса к истории. Казалось бы, смутные времена, тяжкая жизнь, не до страстей давно минувших лет. Однако...

Не берусь гадать, чем это вызвано. Скорее всего, тем, что это первородный инстинкт человека. Самый благородный инстинкт — стремление к истине.

Хотя, конечно, сам же человек часто затрудняет путь к истине и даже препятствует ей. Повторю: в 1988 году Л.Н. Гумилев заметил, что боится на страницах газеты с миллионным тиражом сказать, что Александр Невский был приемным сыном хана Батыея, не знает и опасается, как воспримут это советские люди, воспитанные на теории «ига».

Гений — боялся!

За это время общество, само не осознавая, прошло большой путь сомнения. Именно сомнения, по-

тому как в сомнении и таится зародыш истины, ее поиска.

Если можно выразить одним словом суть писем и звонков, откликов на мои статьи, то слово это будет — недоумение. Если мы были так близки с Ордой, если мы были союзниками, то почему и как же в нашей истории, а следовательно, и в народном сознании сложился образ непримиримого врага, который держал нас «под игом»?

Поверьте, лебезить перед читателем мне ни к чему. Но в данном случае читатель коллективным умом определил главное. Архиглавное! Ведь речь идет или о чудовищном искривлении в сознании народа, или же о масштабном промывании мозгов?! Только так!

Нелюбовь Запада к монголам объяснима. Золотая Орда волею истории встала поперек завоевательных планов Запада и Римской церкви, направленных на Восток Европы. XIII и XIV века — это время нескольких объявленных крестовых походов против славянства, православия и Орды. «Русские — враги католической церкви» — так определил отношения Руси и Запада Папа Римский Климент VI. Другое дело, что сил не хватило. Но еще до официального союза Руси и Орды, заключенного в 1257—1258 годах, ордынская конница принимала участие в освобождении от немцев Пскова в 1242 году (Рейнгольд Гейденштейн, «Записки о Московской войне»), есть также сведения об участии ордынцев в Ледовом побоище... Увы, я не смог найти не то что источника, но даже ссылки на сей факт. Она, эта ссылка, промелькнула как-то в печати году в 1977-м, причем в форме полемики. Близко к тексту это выглядело так: «И напрасно историк Н.Н. преувеличивает значение и роль легкой ордынской конницы в битве на Чудском озере...»

Однако, если русские вместе с ордынцами изгоняли немцев из Пскова в 1242 году, то вполне закономерно, что так же вместе воевали против рыцарей и на Чудском озере в том же 1242 году. А на следующий год, 1243-й, великий князь Ярослав, отец Александра Невского, призвал русских князей признать хана Батыя «своим царем»...

Так что нелюбовь Запада к монголам понятна. Но почему русские присоединились к тому хору?

Нации нужен супостат?!

Да, это все объясняет. Если супостата нет, его придумывают. Но мне важна конкретика: почему именно этот человек или этот народ «выдуман», «назначен», «выбран» супостатом? Да, три года монголы штурмовали русские города. Но мало ли кто не штурмовал их за века истории? Вплоть до железных армий Тамерлана. Так ведь о походах Тамерлана на Русь вообще почти никто не знает. Очень удивляются, когда слышат, что Тамерлан захватывал такой город, как Елец...

Монголы хоть приходили и уходили, гарнизонов не оставляли. А, скажем, литовцы три века подряд хозяйничали в древнерусских городах от Полоцка до Киева, от Курска и Смоленска до Минска и Бреста. И — ничего...

А монголы — что? Обличьем чужие, жизненным укладом? Да, это так. Но и обличье у монголов, и жизненный уклад такие же, как и у половцев. А с половцами славяне веками жили по соседству и составляли с отдельными половецкими племенами в Киевской Руси единое государство. Женились и переженились, у первых князей на масках и древних портретах по-

чти сплошь узкоглазые лики. Так что не так уж и чужд лик, чтобы на века супостатом сделать.

Я понимаю, что монголы в истории Руси среди всех пришельцев занимают особое место. Такой военной мощи мир еще не видел. Но ведь вместе с нравственным потрясением, которое испытали на Руси от военных поражений, было и немало примеров добрых, союзнических, дружеских отношений. Да что там говорить, вместе воевали против немецких крестоносцев!

Однако в историю вошло только злое. Почему? Просто так совпало?

Показательным примером служит то, как создавался черный миф о зловещем короле Ричарде III. Тут сразу же начинается сцепление случаев, включаются невероятные совпадения, от врожденного горба до загадочной смерти племянников... Но в начале начал — **умысел**. Ричард был «заказан». Его «заказали» Тюдоры и Ланкастеры, а борзописец Томас Мор по их заказу написал клеветнические мемуары, оболгал и, таким образом, «назначил» Ричарда на роль английского «супостата»...

Это ключевой момент. Исходя из него, попробуем понять, откуда у нас, в нашей исторической науке, ветер дует? Кто же «заказал» монголов?

Крестоносцы-предатели

Как ни странно, ответ довольно прост. Вы не обращали внимания, почему в истории христианства, в истории крестовых походов почти нет упоминаний о Желтом крестовом походе? Когда монголы в 1256—1260 годах пошли освобождать Гроб Господень. Хотя каган великой империи Мункэ, соблюдая законы

Чингисхана, и говорил, что для него все религии равны, тем не менее, христианство в империи почиталось главной религией. Во-первых, подданные в большинстве своем были христианами, а во-вторых, христианками были жены каганов и ханов. Жена великого кагана Мункэ и жена руководителя крестового похода хана Хулагу исповедовали несторианство...

Да ведь и сам по себе факт Желтого крестового похода, скажем так, экзотический! Падкие на сенсации европейцы должны были «раскрутить» его на весь свет! Однако ж — полное молчание.

Восемь веков молчания!

Секрет молчания раскрыл Л.Н. Гумилев в одной из малоизвестных работ, написанной в соавторстве с А.И. Куркчи.

Суть в том, что рыцари-крестоносцы, в первую очередь Орден тамплиеров, в 1260 году выступили на стороне мусульман!!!

Эта трагедия веры и торжество предательства еще ждут своего историка.

Поход, как и свойственно было тогда всем монгольским военным начинаниям, был организован и проведен блестяще. Мусульманские твердыни рушились одна за другой. Пал багдадский халифат — центр военной и религиозной мощи мусульманского Востока! А дворец халифа был отдан монголами под резиденцию православного патриарха Востока.

В Европе хана Хулагу сравнивали с императором Константином Великим!

В 1999 и 2000 годах, в связи с всемирными службами в Вифлееме, на месте Рождества Христова, имя Константина стало достоянием широких масс. Это император, сделавший христианство официальной религией Римской империи и построивший храм Гроба Господня в Иерусалиме.

Так вот, «монгольского дикаря» хана Хулагу при дворах Европы сравнивали с Константином Великим и служили в его честь мессы.

Это — в Европе. А вот в самой Палестине командоры и магистры рыцарских орденов встретили монголов с нескрываемой враждебностью. И кампанию вражды возглавили тамплиеры — главный рыцарский орден в Палестине, да и в Европе.

Почему? Да потому, что Орден тамплиеров жил в Палестине распрекрасно! Деньги в казну Ордена из Европы поступали регулярно, за идею, за войну надо платить! Они в Палестине были хозяевами! Вдали от власти Папы Римского, вдали от королевских властей, командоры и магистры Ордена претендовали, чуть ли не на равенство с королями. Но если монголы завоюют Иерусалим, сюда придет Церковь, сюда придет королевская власть — значит, тамплиеры и другие крестоносцы низвергнутся в разряд простых рыцарей, живущих милостью монархов...

И потому западные крестоносцы не провели в поддержку монголов-крестоносцев ни одной значительной военной операции. Более того, на совете орденов в Аккре, главной крепости тамплиеров, обсуждалось совместное с мамелюками-мусульманами военное выступление против монголов!

Оно не состоялось, потому что воспротивился магистр Тевтонского ордена. И тогда было решено просто поддержать мамелюков продовольствием и фуражом. Что в тех условиях, быть может, и больше, чем вооруженное участие. Заклятые враги — мамелюки и тамплиеры! — мирно соседствовали под стенами Аккры и ходили в гости друг к другу. Пока армия отдыхала, пока лошади набирались сил после перехода через пустыню.

А ордынские кони пришли к решающей битве под Айн-Джалутой изнуренными. Что и решило исход сражения. Здесь нельзя не отметить иронию судьбы и истории. В сводной монгольской армии значительную часть составляли покоренные монголами степняки-половцы, предки нынешних казахов. А войска мамелюков состояли в основном тоже из половцев, и командовали ими султаны-половцы Кутуз и Бейбарс — половцы из нынешних казахских степей, в детстве проданные в рабство, ставшие мамелюками и захватившие власть в Египте...

Итак, монголы, потерпев поражение под Айн-Джалутой, откатились. А тем временем в Каракоруме, после недавней смерти великого кагана Мункэ, начались династические свары, и Желтый крестовый поход на том закончился.

В Европе предательство тамплиеров потрясло и папство, и королевские дворы. Но вслух о нем ничего не сказали. Потому что это подорвало бы основы тогдашнего мира, основы борьбы за христианство. Получалось, что не только продана сама идея христианства, но и два века подряд Европа платила деньги рыцарям ни за что ни про что!

Нельзя было допустить такой огласки. И ее не допустили.

Но любая утайка правды — ловушка. Европа в нее и угодила. Тамплиеры на всех углах Европы начали кричать, что монголы — это варвары, угроза Европе, такие исчадия ада, что с ними нельзя иметь никаких дел.

И никто им не мог возразить.

Как известно, впоследствии французский король Филипп разгромил Орден тамплиеров и казнил их вождей. Вполне возможно, что одним из поводов было и предательство, помощь мамелюкам. Однако во время процесса о нем не было сказано ни слова.

Но тамплиеры упорно продолжали твердить о своем бескорыстном, жертвенном служении христианскому делу, богомерзких монголах и безбожнике короле Филиппе. И снова никто и слова против них не сказал.

Те, кто все знал, молчали. Потому что любое их слово обернулось бы публичным позором Европы и католической церкви. А потом, их бы и спросили: что же вы раньше молчали?

Во-первых, к тому времени те немногие люди, знающие подоплеку, просто-напросто вымерли. А во-вторых, тамплиерская лож легла тогда на более или менее подготовленную почву. Ведь в 1241 году монгольская армия, пройдя Русь, продолжая преследовать половецкую орду хана Котяна, вторглась в Европу. В двух сражениях монголы наголову разгромили польско-немецкую армию Генриха Благодетельного и венгерско-хорватскую армию Белу IV. К тому же в союз с монголами вступил император Священной Римской империи Фридрих II — заклятый враг Папы Римского. Исключительно для того, чтобы свергнуть папу Иннокентия IV. Тогда-то Папа Римский проклял и хана, и императора и бежал из Рима в Лион, под защиту французских королей. Но тут в Каракоруме умер великий каган Угэдей. Монголы обязаны были прекратить все военные действия вплоть до выборов нового кагана. И хан Батый повернул коней...

Но память монголы там оставили надолго. Европа была поражена тем, как легко и быстро она могла рухнуть под ударами неведомых ранее всадников... И после этого как не поверить в рассказы о «монголах — исчадиях ада».

Так ничего не знающая Европа с веками целиком и полностью приняла точку зрения предателей-тамплиеров.

лиеров. Но — только Европа. Скажем, первые европейские поселенцы уехали в Америку еще до эры всеобщей грамотности и тотальной монголофобии. И потому сегодняшние американцы не испытывают никаких исторических комплексов при упоминании монголов. Свидетельство тому — Человеком Тысячелетия американцы назвали... Чингисхана! В Европе такое невозможно.

А теперь приведу еще один пример. Все знают Умберто Эко. Знаменитый писатель, историк, ученый-медиевист — в общем, кумир и гуру европейских интеллектуалов. В его романе «Маятник Фуко» герои рассматривают смутную картину расположения сил в Палестине тамплиерских времен, и один из них, указывая на угол картины, говорит: «А это орда Александра Невского».

Для них до сих пор что монголы, что русские, что хан Хулагу, что князь Александр — одно и то же... Кстати, промелькнули сведения, что Александра Невского звали принять участие в Желтом крестовом походе. Но он в Палестину не пошел — нельзя было оставлять великое Владимировское княжество без присмотра.

На поводу

А когда царь Петр распахнул для России дверь в Европу, тамплиерская ложь, ставшая европейской национальной идеологией, проникла и в Россию.

Ведь все научные институты России создавались под влиянием европейских ученых. Все великие русские историки (Соловьев — год рождения 1812, Костомаров — 1817, Иловайский — 1832, Ключевский — 1841) учились и воспитывались под влиянием европейской исторической школы. Как писал великий

востоковед академик Бартольд, «русские ученые следуют большей частью по стопам европейских и большей же частью принимают взгляды, установившиеся на Западе». И вся русская историческая наука, созданная в XVII—XX веках, проникнута одной идеей: монголы — варвары, а Европа — это свет.

Причем на воззрениях европейских историков сказывалась не только тамплиерская ложь о страшных монголах. Но еще и личная европейская неприязнь. Ведь монгольская конница помогла русским князьям остановить католицизм на границах Руси.

А по замыслам устроителей тогдашних крестовых походов меченосцы, тевтоны и ливонцы завоевывали Прибалтику и Северо-Запад Руси, а там при помощи Литвы — и всю Русь, а затем уже руками и мечами русских начинать войну против монголов... А еще лучше, если бы Русь и Орда начали гигантскую войну друг с другом и, обескровленные, стали затем легкой добычей крестоносцев и католической церкви. В войне двоих всегда выигрывает третий.

Не получилось. Русские не захотели. Александр Невский и православная церковь пошли на союз с Ордой против Запада. Отсюда и досада... Отсюда и «воспитание» молодых русских ученых в духе антимонголизма.

Приведу еще раз в качестве примера только одну фразу из «Истории...» С.М. Соловьева. Рассказ о том, как Александр Невский вернулся из Орды с конницей Неврюя и напал на брата Андрея. Андрей бежал в Швецию, «где был принят с честью». Понятно, что враг Невского — друг шведа. Автоматически. Но на какой почве? А на той самой, на вере. На католицизме. Андрей был сторонником принятия католицизма. И еще ранее Ярл Биргер шел на Неву не просто так, шведский поход был составной час-

тью общего крестового похода католической церкви против славянства, православия и Орды. Но даже Соловьев об этом не задумывается. Или — умалчивает. Однако сам пассаж: *«где был принят с честью»* — говорит за себя. То есть Орда — это автоматически плохо, а Швеция — это Европа... А мы со времен Петра при слове «Европа», особенно если Европа принимает нас *«с честью»*, тут же забывали и забываем обо всем. Например, о том, что Европа и католическая церковь *«приняли с честью»* Даниила Галицкого, увенчав его короной «Русского короля». И где та Галицкая Русь, где народ, где вера? Уже через 80 лет после смерти Даниила польский король Казимир без всякого сопротивления присоединил Галицко-Волынскую Русь к Польше. На пять веков...

Так и получилось, что Россия с подачи Запада всячески стала хулить монголов и Золотую Орду, которые помогли Руси спасти православную веру и государственность от экспансии католического Запада.

Увы, так часто бывает в исторической науке. Особенно когда поешь с чужого голоса...

Молчание великих историков

Но в русской истории, идеология которой была навязана Европой, очень многое можно прочесть из того, что... не написано.

Не написано об Александре Невском и Куликовской битве.

В девяти томах «Курса русской истории» Василия Осиповича Ключевского великий князь Александр Невский мельком упоминается пятнадцать раз в пятнадцати строчках! И — все.

Я знаю, что вы не поверите. Но пойдите в библиотеку, откройте тома Ключевского на «Указателе имен» и подсчитайте. Андрею Курбскому, к примеру, десятки страниц посвящены, а Александру Невскому — 15 строчек. Причем не в основном по смыслу текста, а в дополнительном, в придаточных предложениях и оборотах.

Ведь если писать подробно, объяснять действия Александра Невского, то придется вытаскивать на свет **основной конфликт эпохи — поход католической церкви на Русь**. Против чего — против введения католицизма на Руси — и выступал Александр Невский, сознательный противник Запада и сознательный союзник Орды. А эти его действия никак не укладываются в схему истории, по которой Европа — свет, а монголы — тьма. Потому и С.М. Соловьев, и В.О. Ключевский, говоря об Александре Невском, обходятся минимумом слов. Правда, отзываются о нем в самых превосходных степенях. Например, так: *«Только образ Александра Невского несколько прикрывал ужас одичания и братского озлобления...»* Или так: *«Племя Всеволода Большое Гнездо не блистало избытком выдающихся талантов, за исключением Александра Невского...»*

Но в чем проявился выдающийся талант Александра Невского, в каких деяниях, чем он так выделялся среди «ужаса» и «одичания»? Об этом — ни слова.

Или другой пример, поразительный. Во втором томе «Курса русской истории» В.О. Ключевского, занимающем 398 страниц, Куликовской битве посвящены две фразы!

Как же так? Куликовская битва — одно из ключевых событий русской истории Средних веков! А в фундаментальном труде патриарха русской истории о ней — две фразы? Шесть строчек?!

Но в том-то и дело, что нельзя было эти события трогать. От Александра Невского до Дмитрия Донского тянется эта прямая нить. Стоит чуть подробнее заговорить о Невском, как непременно выйдет наружу и русско-ордынский договор, и походы немцев на Русь, в том числе и поход 1269 года, уже после смерти великого князя. Когда Орда срочно прислала на помощь Новгороду конницу, и немцы поспешно отступили и заключили мир на выгодных для Новгорода условиях: *«Замиришася по всей воле новгородской, зело бо бояхуся и имени татарского...»* И Куликовская битва в ее истинном свете и в истинном значении ну никак не вписывалась в концепцию «супостата». Заговори о ней подробнее — и нельзя обойти Симеоновскую и Рогожскую летописи, в которых черным по белому написано, что Дмитрий Донской и законный хан Золотой Орды Тохтамыш совместно громили Мамаю и совместно радовались победе, обменивались послами и подарками.

И тогда рухнет миф о «злодеях» монголах, об «иге». И выяснится, что Русь совместно с Ордой воевала против Запада, а не прикрывала от Орды — миф, внушенный всем, в том числе и таким разным людям, как Александр Пушкин и Фридрих Энгельс. Наконец, рухнет европоцентрическая система русской истории, в духе которой выросли и воспитались все наши великие историки.

Вот что скрывается за их молчанием.

Компрачикосы

Не понимаю благодушных разговоров о том, что правда все равно проложит дорогу. Сама собой. Как река промывает свое русло. Оно так, конечно. Если

мыслить тысячелетиями. Но что произойдет за время господствующей лжи, никто не говорит. А искажение, замалчивание истории — страшнее компрачиков. Были такие люди в Средневековье, которые покупали малых детей у бедных, уродовали их и потом продавали богатым владетельным особам в качестве шутов для развлечения. Среди способов уродования был и самый мерзкий, описанный Гюго в романе «Человек, который смеется»: младенца опускали в сосуд особой формы, и он вырастал, принимая форму сосуда.

То же самое происходит и с тем, кто вырастает на полуправде или прямой лжи.

Вспомним самый характерный пример. Когда на Первом съезде народных депутатов СССР возник вопрос о секретном приложении к пакту Молотова — Риббентропа. Один рабочий депутат прямо заявил: не надо, не хочу знать, потому что тогда нас будут называть оккупантами. То есть правда человеку не нужна — тут все ясно. А многие ведь отрицали сам пакт. Хотя весь мир знает, что в 1939 году разделили Польшу между СССР и гитлеровской Германией, что нам достались от того раздела республики Прибалтики, Западная Украина и Западная Белоруссия. Но вспомните, сколько людей яростно отрицало створ с Гитлером. А что тут отрицать? Советские газеты печатали фотографии, как советские и гитлеровские генералы принимали парад в Бресте, во всех газетах и по радио звучала речь Ворошилова на сессии Верховного Совета СССР в 1939 году: *«Оказалось достаточным короткого удара по Польше со стороны сперва германской армии, затем — Красной Армии, чтобы ничего не осталось от этого уродливого порождения Версальского договора».*

Но ведь упорствовали, требовали: «Докажите!»

И когда им показывали это приложение, с подписями Молотова и Риббентропа, говорили: «Подделка!»

И тут случилось чудо. На складах Министерства иностранных дел СССР нашли ту самую пишущую машинку, на которой печатался текст, провели экспертизу и представили результаты экспертизы. И только тогда отрицатели смирились.

Ну что это как не психическая неуравновешенность, мягко говоря.

Человек, выросший на утаенной, догматичной, искаженной истории, не приученный к открытому обсуждению, поиску истины, и не может быть уравновешенным. Ведь он многое просто чувствует, о какие-то кочки-неувязки спотыкается в книгах и учебниках, на многое закрывает глаза, но так или иначе что-то и где-то прорывается, и от этого в душе возникает чудовищный дискомфорт, чреватый неизвестно чем. То ли поиском и нахождением «врагов», то ли агрессией ко всем «умникам», которые «мутят душу», то ли обвальным нигилизмом: раз так, то все на свете — ложь, ничего не хочу слышать, и пропадите вы все пропадом со своей страной и своим патриотизмом... И много еще вариантов поведения, ровно столько, сколько людей...

В руках компрачиков от истории вырастают больными целые страны и народы.

А как же нелюбовь к «татарам»?

Люди некнижные, знающие о сложностях и парадоксах исторической науки понаслышке, часто спрашивают: а как же так, а откуда тогда вся эта нелюбовь к «татарам» в памяти народной? Ведь лето-

писи и сейчас-то недоступны, а в те времена — тем более. Однако откуда-то взялась же нелюбовь к «татарам» в народе? **«Незванный гость хуже татарина».** Откуда?

Вообще, слово «татары» было собирательное, не имеющее прямого отношения к какому-либо отдельному, конкретному народу. И, прежде всего, к казанским татарам, которые на самом-то деле болгары или булгары, из Великого Булгара на Каме. И я уже писал об этом, о происхождении общего названия «татары». Но сегодня, например, при поездке в Казань, в Татарию, при встрече с казанским татаринком у среднестатистического русского человека если и возникнет историческая ассоциация, то однозначная: «А, татары, которые нас...» Хотя Великий Булгар, как и русские города, пал под ударами Батыя, хотя само Казанское ханство просуществовало всего один век, не угрожало и не могло угрожать Руси по причине несоизмеримости сил, и не Казань завоевывала Русь, а как раз наоборот, Русь завоевывала Казань... То есть Русь была агрессором. Но опять же с оговорками. Войны и противостояния **народов** не было. Это были разбирательства наследников Золотой Орды, в которых главным наследником стал московский царь. Как писал, напомним, историк князь Н.С. Трубецкой, произошла *«замена ордынского хана московским царем с перенесением ханской ставки в Москву»*. И ханы Казанские и Сибирские приняли это как историческую объективность. При этом по старым ордынским законам, никто не был низвергнут. Казанский и Сибирский ханы имели при Московском дворе все царские почести, именовались царями и на всех церемониях их имена произносились после имени Московского царя... Впоследствии потомки Едигера Казанского (в крещении — Симе-

он), Кучума Сибирского и других перероднились с царскими родичами и стали просто русскими князьями. Так что память народная — аргумент весомый, но не всегда бесспорный. Ее, память, можно формировать направленной информацией или же, наоборот, полным отсутствием информации.

Но в вопросе с «татарами» дело еще и в **наложении**, одно на другое, другое — на третье, третье — на четвертое, и все вместе стало называться «татары».

Начнем с половцев. При всем родстве половецких ханов с русскими князьями «походы» были. Как в ту, так и в другую сторону. Причем Киевская Русь была сильнее половцев, и половцы, соответственно логике, от русских понесли потерь больше, чем русские от половцев. Но мы не помним беды, которые принесли другим, зато помним несчастья, которые доставили нам другие. Это закон человеческой памяти и психологии. Половцы принимали участие почти в каждом «походе» — междоусобной военной сваре русских князей, из которых, «походов», и состояла тогдашняя жизнь. К примеру, в начале 1203 года половцы ворвались в Киев, жгли и грабили город нещадно. *«Якого же зла не было от крещения наг Киевом...»* — свидетельствует летопись. Правда, грабили они не просто так, а в качестве платы за участие в походе, потому что пришли сюда не сами, а по найму, с черниговскими и смоленскими ратниками, во главе со смоленским князем Рюриком Ростиславичем. А вообще всей антикиевской операцией и наймом половцев руководил князь Игорь Святославич — герой «Слова о полку Игореве», сват хана Кончака. Но эти детали через сколько-то лет забываются, а память о половцах остается.

Затем — уже поход Батыея, потрясший Русскую землю. Киев, Рязань, Владимир, Козельск... — это

была жестокая война, которая не могла не оставить следа. И какими бы ни были отношения потом, но это все равно отношения вассала и сюзерена, победителей и побежденных. Чужие есть чужие. Никто ж не помнит лютой и вечной вражды и резни между суздальцами и рязанцами, к примеру, потому как теперь все свои, а чужие, повторю, это чужие... А страшная резня, страшный ордынский поход Неврюевой рати, которую привел Александр Невский на войну со своим братом Андреем? Потом были «Дедюнева рать», «Ахмылова рать» и другие «рати»...

Давние времена, и осталась ли память о них в народе, передавалась ли из поколения в поколение или стерлась, затерялась — судить трудно, почти невозможно. Говорю так потому, что в народной памяти свою роль сыграла высокая культура Руси, письменность. У бесписьменных народов исторические события передаются из поколения в поколение в виде сказаний. Но как только приходит письменность, устный эпос исчезает. А в Великом Новгороде уже в VIII—IX веках обычные люди обменивались берестяными записками, как Чехов и Суворин письмами в Москве XIX века!

Предполагаю, что нелюбовь собственно к «татарам» в памяти народной прочно сформировалась уже потом, после Орды, во времена постоянных набегов крымских «татар». XVI, XVII, XVIII века — это время бурного развития двух молодых, могучих государств — Руси и Османской (Оттоманской) империи. Это время борьбы за прикаспийско-причерноморские пространства. И копьём Османской империи в борьбе с Русью, передовым отрядом империи было Крымское ханство. Три с половиной века существовало Крымское ханство под покровительством Турции — и три с половиной века это

были постоянные стычки на границе, мелкие войны, крупные набеги, когда по степи носились разъезды крымчаков, «татар»... Вот откуда истоки нелюбви к «татарам» в памяти народной. И не только в памяти. Есть и в летописях. Но ведь у нас **оригиналов** нет, то есть нет документов, современных событиям. Все летописи дошли до нас только в «списках», переписанных вариантах. Самая ранняя, Лаврентьевская — XIV век, Ипатьевская — XV век, остальные — XVI и даже XVIII века. Сколько раз и как они переписывались за прошедшие столетия — неизвестно. При переписке летописей монахи-переписчики в события времен Золотой Орды **вставляли** мотивы сегодняшнего, современного им религиозного противостояния. То есть потом эти, крымские «татары», наложились на события XIII—XIV веков, наложились на ордынцев, которых не только в истории и литературе, но прежде всего в народе стали звать «татарами», иногда — «монголо-татарами».

Кстати. К примеру, в основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище», дошедшем до нас в переписанном варианте уже XVI века, в самом начале, в **оригинале**, нет слова «татары». В **оригинале** — «агаряне». Но при переводе на современный русский язык советские переводчики-академики и редакторы-академики лихо заменили «агарян» на «татар». Мол, что тут усложнять, людям головы морочить...

Так и живем из века в век, упрощая все до полного искажения.

Я же стараюсь повсеместно употреблять слово «ордынцы» и считаю его наиболее точным. Потому что даже «монголы» в историческом смысле весьма условно. Там изначально был тюрко-монгольский конгломерат. Основную же военную силу составля-

ли степняки, покоренные монголами половцы. То есть люди, не родственные монголам по языку. Но — близкие по бытотипу, по образу жизни, тому, что называется конно-степной цивилизацией.

О Литве

В одной из статей я писал, что Литва в Средние века была велика и могуча и могла при случае поглотить Русь. Достаточно посмотреть на карты и сравнить... Мне тотчас же возразил в «Литгазете» доктор исторических наук В. Ступишин. Мол, достаточно посмотреть на карты в учебнике истории СССР выпуска 1966 года, чтобы увидеть: Литва была мала и слаба, и никакой опасности для могучей Руси не представляла. И нечего, мол, причислять Литву к крестоносцам.

На самом же деле в XIII—XV веках Литва завоевала и удерживала Полоцк, Киев, Чернигов, Минск, Курск, Брянск, Смоленск, границы Великого княжества Литовского подходили к Можайску и Вязьме. Где, в каких школьных учебниках истории СССР написано об этом? Нельзя было, ни в коем случае! Однако так получается, что **доктор исторических наук** возражал мне, исходя из школьного советского курса истории и даже ссылаясь на карты из учебника 1966 года! Кстати, только сейчас спохватился: почти везде в этой книге слово «великий» я употребляю в его тогдашнем, старославянском значении — «большой».

Литва была передовым отрядом католической экспансии на Русь. Как свидетельствует германский историк Эдвард Винтер, папство планировало «завоевание России при посредстве Литвы». И во многом

это удалось, на два-три века. Размеры Великого княжества Литовского поражают. Но...

Вот какая странная мысль посетила меня совсем недавно. Я знаю, что среди некоторых литовских интеллигентов существует ностальгическое восприятие времен Великого княжества Литовского, когда Литва была чуть ли не от моря и до моря, от Балтики до Черного... Однако сохранись такое положение, сегодня могло **и не быть литовского народа и литовского языка**. Ведь в Великом княжестве официальными государственными языками были литовский и славянский. Но кто знает, сохрани Литва прежние славянские владения, не растворился бы литовский народ и язык в славянском народе и языке. Ведь поданные огромного княжества **в большинстве были славяноязычными**. Да, история не знает сослагательного наклонения. Возможно даже, что литовцы навязали бы населению свой язык. Возможно. Но вероятней всего, что растворились бы. Как растворились монголы в тюркоязычных степняках-половцах, как растворились тюркоязычные степняки-болгары в славянских придунайских племенах...

Мой друг и старший товарищ Василий Ефимович Субботин, автор знаменитой книги «Как кончаются войны», о штурме Берлина и рейхстага, часто говорит: **«Все равно поймут не так»**. По некоторым письмам сужу... С горячностью обвиняют меня сразу во всем: в промосковских, ордынских, православных симпатиях, подозревают в пантюркизме, в антимусульманстве и антизападничестве... Все сразу, в одной куче! В том, наконец, что я один «образ врага» заменяю другим — Римская церковь, крестоносцы и вообще — Запад. На самом же деле автор как раз относится к людям, которые ратуют за то, чтобы наша страна как можно быстрее восприняла именно запад-

ные ценности: свободу, демократию, торжество закона, частную инициативу и т.д. Но у нас-то речь идет о средневековой истории! А тут уж, что было — то было. Как говорится, извините, господа европейцы, я понимаю, что правда неприятна, но что поделать... Кстати, в письмах читателей везде фигурирует слово «мнение». В том смысле, что «я так считаю». Должен сказать, что я нигде не выражал своего «мнения». В этом смысле. Я лишь приводил и сопоставлял факты. И, соответственно, делал из них выводы.

ВЫБОР ВЕРЫ

Ислам ускорил распад Золотой Орды

Как мы знаем, Чингисхан был язычник. Потом он стал молиться Будде, Иисусу и Аллаху — всем сразу, призывая их в покровители. Он родился и вырос в среде, где никогда не было и не могло быть рьяной религиозности, тем более фанатизма. Степняки вообще народ спокойный по отношению к религии: видно, сказывается кочевой образ жизни. Во-вторых, среда, в которой он вырос, была этнически и религиозно неоднородной. Тут были и китайские элементы, и палеосибирские, монгольские и тюркоязычные. Вообще, собственно монгольское рождение Чингисхана под большим вопросом. Потому хотя бы, что не только имя Чингисхан, но и его истинное, от рождения, от папы-мамы имя — Темучин — разумеется, не монгольское, а тюркское. Чингисханом его провозгласили на всеобщем собрании представителей степных родов. Причем это были не монгольские роды, монгольские роды там представляли меньшинство, а тюрко-монгольский степной конгломерат. К примеру, упоминаются роды *кият*,

меркит, жалаир, аргын. Но это — самые обычные казахские роды, живущие здесь и сейчас. Каждый казах знает, кто он и откуда. И потому нынче живые *кияты, жалаиры и аргыны* бродят по улицам, заседают в парламенте и едят пельмени в забегаловках. Аргыны — самый многочисленный родоплеменной союз у казахов. Уже у тех тюрко-монголов вместе с их языческими религиями присутствовали элементы буддизма и особенно — христианства. К примеру, древнейший и крупнейший казахский род *керей* ведет свое наименование от слова «кереш» — «крест». Древние *керей* с V века нашей эры были христианами-несторианцами.

В общем, Чингисхан с рождения был очень спокойным человеком по отношению к религии. Но он, наверно, и умом понимал, что в такой империи, да еще с вольными степными джигитами, любое навязывание той или иной веры, любое преимущество той или иной веры смерти подобно. И потому в Ясе — в законах своих повелел соблюдать полную религиозную свободу.

Так и сложилась эта империя, в которой христианство все же было преобладающей религией. Чему историческое доказательство — крестовый поход в Палестину за освобождение Гроба Господнего, предпринятый в 1260 году Хулагу и Хубилаем. Но то преобладание было лишь количественным, да и то чуть-чуть, и было опять же естественным и абсолютно равноправным — никто никого и ни к чему не принуждал.

Но через пятьдесят лет к власти пришел хан Узбек и начал огнем и мечом насаждать ислам. Или отрекайся от своей веры — или голова с плеч.

Это и стало началом падения Золотой Орды. В устоявшуюся систему был вброшен элемент, который

вызвал всеобщее возмущение и отторжение, не в религиозном смысле — к мусульманам в Орде, как и ко всем другим, относились спокойно. Отторжение было вызвано насилием, навязыванием чужой воли.

И начался естественный отбор. Слабые смирились, отказались от веры отцов и дедов. А сильные духом — бежали. Естественно, на Русь, к своим единоверцам. Сотнями тысяч. Так и возникла на Руси чуть ли не каждая третья дворянская фамилия. Говорю о дворянских только потому, что их можно проследить по «Общему гербовнику дворянских родов», в котором то и дело встречается фраза о предке: «Выехал из Орды к великому князю...» Повторю: произошел естественный отбор в пользу Руси и в ослабление Орды. В Орде остались более слабые, а самые сильные, неукротимые духом, ушли на Русь. Как писал Л.Н. Гумилев, их дети и внуки от русских мам и бабушек, перенявшие отцовское ордынское умение рубить врага до пояса и оттягивать тетиву до уха, в составе русских войск вышли потом на Куликово поле и разгромили Мамай...

Кстати, то же самое чуть позже происходило и с Великим княжеством Литовским, в котором основное население было славянским, государственными языками официально считались литовский и славянский. Я говорю о великой Литве, которая простиралась от Балтики до Черного моря. Нет, здесь за веру головы не рубили, но все же наступление католической церкви и веры было очень и очень ощутимым. И потому православные витязи опять же бежали на Русь к единоверцам. Большинство дворянских фамилий на Руси — ордынские и литовские.

Мне могут возразить: а как же крещение Руси? Оно ведь прошло без разрушения, а, наоборот, сплотило ее в единое государство?

Во-первых, Русь изначальная была простой системой: однородной по языку и языческой по религии. И — что особенно важно — введение христианства происходило одновременно с построением государства. В простой системе произошла смена одного лишь знака — язычества на христианство. И то процесс был довольно долгий: с бунтами волхвов и прочим. И церковь, именно церковь смогла сплотить Русь в единое государство лишь к XIV веку, когда фактическим правителем Руси стал митрополит Алексей. А когда система на Руси усложнилась, то даже реформа внутри христианства вызвала многовековую бурю. Я имею в виду реформу Никона, породившую церковный раскол. Казалось бы, ну что тут такого переломного: креститься теперь надо не двуперстием, а щепотью, служить не так, как призывали, а по книгам. На саму же веру, на христианство, никто не покушается — так чего ж бунтовать. Ан нет, на костер шли, тысячами бежали за пределы государства... И до сих пор ведь примирения как не было, так и нет. Староверы требуют от официальных православных иерархов официального покаяния, а те почему-то не соглашаются — в общем, конфликт тихо тлеет...

А в Орде же от людей требовали отказа от веры отцов и дедов. Так просто подобное пройти не могло. И не прошло.

После Узбека к власти в Золотой Орде пришел хан Джанибек — как в русских летописях пишут, «добрый царь Чанибек». Все успокоилось. Но после смерти Джанибека началась, как опять же пишут в летописях, «великая замятня». На власть там стал претендовать темник Мамай — узурпатор и мятежник. Началась мамаевщина, которая закончилась в 1380 году, когда Дмитрий Донской на Куликовом

поле, а затем хан Тохтамыш на Калке разгромили и изгнали Мамай из страны.

Тохтамыш — последний великий степной властитель, он на несколько десятилетий остановил распад Золотой Орды. Но процесс уже пошел. После его смерти государство распалось как бы само собой.

Я понимаю, что распад Золотой Орды был неизбежен. Просто время пришло другое. Заканчивалась эпоха конно-степной цивилизации, и приходила другая — земледельческая и городская. На севере и западе вырастала могучая городская и земледельческая Русь, на востоке — возникла мощная городская и земледельческая цивилизация Тимура. Он хоть и тоже родом степняк, выходец из ближайшего окружения чингизидов, но уже — городская мусульманская ветвь этого конгломерата. Но все же замечу, что надлом начался именно с насильственного навязывания ислама как государственной обязательной религии. Во-первых, вольным степным джигитам навязывать что-то — значит смертельно оскорбить их. Ведь из века в век там жизнь стояла на правиле: сабля острая, конь быстрый, а степь большая. Во-вторых — и это главное — жизнь Золотой Орды была устоявшейся сложной системой. И ее — разрушили. Ну, представим, что в сегодняшнюю многонациональную и многоконфессиональную Россию приходит хан-дурак и говорит: «Отныне все будут молиться Конфуцию!» Представляете, что тут начнется?!

Вот и тогда было то же. Во-первых, Узбек покусился на святая святых Орды — на закон Чингисхана. То есть сам же, своими руками порушил основы государства. Ну, разве не дурак, прости, Господи?! Во-вторых, власть своими руками разрушила незримый и неписанный общественный договор, по которому существовало это образование — Золотая Орда. Отныне никто никому и ничем не обязан, и никого

ничто не связывает. Раз вы так — то и я так, и пошли вы все туда-то и туда-то...

С этого все и началось.

Кто живет лучше? И почему?

В американском русском журнале «Вестник» (Балтимор, США) прочитал размышления политолога Сая Фрумкина — «Политнекорректная статистика». Я уверен, что они многих задели за живое. Особенно в Америке, где политкорректность... ну, там, насколько могу судить по прессе, это священная корова общего жития. Нам бы в России хоть десятую долю такого сознания и осознания! А то ведь мы в открытую, через прессу, оскорбляем друг друга и по национальному, и по расовому, и по религиозному признаку. Мальчишки с арматурными прутьями ходят по улицам и так далее. Удивляюсь, как еще Россия не раскололась, но все, по-моему, к тому идет.

Однако вернусь к Фрумкину. Он приводит такую простую статистику: на 1,4 миллиарда мусульман приходится 3 Нобелевские премии за научные достижения! При этом Фрумкин пишет, что во времена Средневековья ученые из мусульманских стран были самыми образованными в мире. Во-первых, поправлю: во времена **раннего** Средневековья. Во-вторых, дополню конкретными примерами. Когда арабские послы во время крестовых войн приезжали в Париж на переговоры, они смотрели на все вокруг широко раскрытыми глазами и думали: это ж дикари, варвары... Конечно, тут, в Париже — коровы в домах дворян живут, а они, арабы — дети утонченной арабской цивилизации, университет в Эль-Кахире (Каир) — древнейший в мире...

И куда все это делось? И что из этого следует? А то, что ислам, став государством, правом, культурой, наукой, задавил тем самым науку, культуру, право... — одним словом, естественное развитие светской, общественно-политической и научно-культурной жизни.

А самое, быть может, главное — ислам подавил женщину. Напрочь исключил ее из жизни общества. Да, многие мужчины в мире до сих пор считают, что женщина — друг человека, у нее другие мозги, к большому творчеству и научно-техническому мышлению, не способные. Допускаю, что это так. Ведь никуда не уйдешь от факта: точные науки — прерогатива мужчин. Но мало кто задавался вопросом: а почему все свои замечательные открытия в науке и технике все мужчины делали только в тех странах, где женщина была более или менее свободна? И вообще — жизнь лучше там, где женщина свободна. Оставим в стороне исламские страны. Возьмем для пущей наглядности русских и украинцев. Уж куда ближе и наглядней! Правда, на Украине крепостного права не было, что весьма существенно, но в остальном хуже истории не придумать: Украина раздиралась со всех сторон — Турция, Россия, Польша. Известна украинская же поговорка: где два хохла — там три гетмана... Но жили — лучше. Потом Украина стала колонией России, союзной республикой в СССР — но жили все равно лучше.

Почему? Для ответа на вопрос прибегну к литературе. Какой образ женщины встает перед нами в русской литературе? Волос долог — ум короток. Бабы дорога — от печи до порога. Раз бьет — значит любит... И даже некрасовское «коня на скаку оставит, в горящую избу войдет» можно расценивать

по-разному. Ведь лошадей останавливать и пожары тушить должны-то мужики!

А теперь окинем взглядом украинскую литературу. Ничего подобного там нет. С ее страниц перед нами встает некая обобщенная Одарка со скалкой, которая гоняет своего мужика как сидорову козу, если он мало или плохо работает. Вот и весь секрет. С одной стороны, самый что ни на есть житейский. С другой стороны — глобальный, общечеловеческий, высокий. То ли женщины вдохновляют, подвигают нас совершать открытия, делать мир лучше, то ли заставляют со скалкой в руках — точно сказать не могу. Но результат — известен. Факты — очевидны.

Конечно, Фрумкин со своей неполиткорректной статистикой ступил на опасную почву. А вслед за ним и я. Но ведь есть цифры и факты, которые существуют помимо нас и независимо от нас. Так что вопрос уже переходит в другую плоскость: говорить о том, что есть, или не говорить? Мне скажут: важно, как говорить. Это верно. Но также верно и другое: кто очень хочет, тот и в Нагорной проповеди вычитает инструкцию к погрому.

В общем, сделав необходимые оговорки, перейду к сути. Мои заметки были написаны по поводу некоторых выступлений нашей прессы о... сельском хозяйстве. А тут как раз — статья Сая Фрумкина. Примерно о том же, о **статистике** (дословное совпадение), о **закономерностях** в истории и в жизни народов.

В советские времена был анекдот: назовите четырех главных врагов нашего сельского хозяйства? Ответ: весна, лето, осень и зима.

Наши власти всегда пытались внушить народу, что мы живем плохо исключительно не по своей вине, а чужой — враги, войны и, наконец, особый климат. В брежневские годы отсутствие продуктов

оправдывали тем, что все наше сельское хозяйство якобы находится в зоне **рискованного земледелия**.

Старый рецепт сгодился вновь. Через журналистов запускают в общественный оборот новое объяснение: **все процветающие страны находятся в зоне умеренного климата, а все отстающие — южнее или севернее**. К ним, мол, относится и Россия.

Да, почти вся Западная Европа лежит в зоне умеренного климата. Однако и в Российской империи жить было не так уж и страшно. Договоримся, что мы ведем речь о состоянии мира на период до революции 1917 года. Потому что коммунистический эксперимент дал одинаковые результаты что на Кубе, что на Чукотке.

Итак, чем хуже Западной Европы в смысле климата были Украина и Ставрополье, Северный Кавказ или Закавказье? А Российское Черноземье? Как известно, **воронежский чернозем принят в качестве всемирного эталона плодородия почвы!** Однако Антон Горемыка, персонаж одноименной повести В. Д. Григоровича, из которой и выросла, на мой взгляд, советская «деревенская» проза, пошел по миру именно отсюда, с плодороднейших земель.

И в то же время строила свое процветание Скандинавия, расположенная у Полярного и даже за Полярным кругом. Да, течет там теплый Гольфстрим. Но все-таки Заполярье...

Еще уязвимее станут новые теории, если мы взглянем на Северную Америку. Ровно половина территории США лежит в раскаленных широтах. На одних и тех же параллелях, что Марокко, Тунис, Алжир, Ливия, Ирак, Иран, Афганистан, Пакистан, Индия, Непал, Китай, Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан... Но американцы ухитрились построить

сносную жизнь даже в такую жару, а все перечисленные — увы...

Однако и прохлада тоже разная. Между 50-й и 60-й параллелями протянулись Зауралье, Северный Казахстан, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Красноярский край. То, что у нас называют **зоной рискованного земледелия**. Но знаменитые хлебные провинции Канады — Саскачеван, Манитоба и Альберта, что кормят значительную часть мира, — там же, в той же **зоне!** Это — **юг Канады!** А вся остальная Канада — так и вовсе севернее, аж далеко за Полярный круг.

Значит, география не имеет решающего значения.

Но меня заинтересовала сама попытка объяснить какими-то общими условиями столь разный уровень жизни в странах мира. Напомнила мне мои давние построения на ту же тему. Опубликовать их я не торопился, но сейчас, похоже, появился повод.

А что, если уровень жизни стран и народов сопоставить не с географией, а с исповедуемой религией? И тут выявятся любопытные **системные связи**. Подчеркну — не случайные, а **системные**.

Самый высокий уровень жизни — в христианских странах.

Гораздо ниже — в государствах ислама.

Еще ниже — в индуистских и буддистских.

Но и среди христианских стран и народов наблюдаются существенные различия. И опять же не случайные, не произвольные, а **системные**. Остановимся для примера на Европе, в которой представлены **все** направления христианства. Это будет вполне корректно с научной точки зрения: единая территория, единая религия, одновременное развитие.

Богаче всех, благополучнее всех живут **протестантские** страны — Англия, Германия, Нидерланды, Дания, Норвегия, Финляндия, Швеция, Швейцария... Как тут не вспомнить протестантскую триаду — Закон, Семья, Труд.

Затем идут **католики** — Венгрия, Ирландия, Испания, Италия, Польша, Португалия, Франция... Можно возразить, сказав, что Франция по уровню жизни почти не уступает протестантским странам. Но мы ведь берем общий средний показатель.

И, наконец, на третьем месте по уровню жизни среди христианских стран Европы — **православные**: Болгария, Греция, Грузия, Россия, Румыния, Сербия...

Это ведь не «мое мнение», это — статистика, которая выявляет закономерности.

Но — закономерности **исторического пути**. То есть прошлое, **объяснение того, что было**. А сейчас человечество вступило в качественно иную эпоху. Сегодняшний и завтрашний день каждый народ творит, как хочет и может.

Выбор веры

Но, тем не менее — нельзя после этого не задуматься над прошлым. О его закономерностях и случайностях. О роковых весах, на которых с одинаковой долей вероятности раскачиваются и закономерности, и случайности.

Выбор христианской веры на Руси определили безусловные причины. Во-первых, славяне — исконно европейская нация. Они ведь, славяне, и пришли на берега Волхова и Днепра из Европы. И всегда были в языческие времена близки к европейским

народам по всей границе с севера до юга, от Новгорода до Киева. Можно назвать это модным нынче словом менталитет, я же употребляю придуманное мною слово «бытотип», то есть образ жизни. Прежде всего — оседлый, земледельческий и ремесленный. Во-вторых, старые связи с Византией, исконная дружба-вражда с ней. Опять же по близости европейского менталитета, образа жизни.

Да, Киевская Русь называлась каганатом — Киевский каганат, Русский каганат. Великий киевский князь Владимир назывался каганом. Это от исконных родственно-политических связей киевских князей с половцами. Но ведь половцы-то, как и славяне, были тогда язычниками. Так что никакого сильного мусульманского влияния не было. Великий Булгар от Киева далеко, на Волге. Гораздо ближе пограничный Хазарский каганат. Там формально правили ханы-степняки-язычники, а действительная власть принадлежала богатым купцам иудейской веры. Иудейской же веры придерживалось и основное население страны — мелкие купцы и ремесленники. Но влияние Хазарии на Киевскую Русь опять же было несопоставимо с влиянием европейцев.

В общем, христианство предопределено исторически и логически. Но, тем не менее, выбор-то — был. Не как путь, по которому в ходе исторических перипетий пойдет или не пойдет нация. Я уже писал о том, что летописная сцена выбора веры наводит на грустные размышления: «Можно ли предполагать, что всё было бы так, как решил один конкретный человек, каган Владимир? По летописи, Владимир, выбирая веру, выслушивая византийских, хазаро-иудейских и булгарских мусульманских послов, отказался от ислама, потому что мусульманская религия запрещает пить спиртное, мед. Когда дошло до

этого, он будто бы сказал болгарским послам: э, ребята, нет, питье на Руси есть веселие...

А если б мусульманам разрешалось пить? Или болгарские посланцы сказали бы, что для Руси в исламе делается исключение, потому что питье на Руси есть веселие. Это все маловероятно. Но Владимир мог быть больным, язвенником и трезвенником. И тотчас бы ухватился за такую религию, которая запрещает пить. С радостью превеликой! И стала бы Русь мусульманской?..»

Вот как все качается в иные минуты на весах случая.

ПРОРОК, ИЛИ ТАЙНА ЗАВЕЩАНИЯ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО

Само завещание на русском языке никогда не публиковалось. Да и на старославянском, начиная с 1773 года, выходило раза три.

Из него, из завещания, советские историки цитировали отрывочно полторы фразы. Вставляя их в собственный контекст непримиримой борьбы за свержение монголо-татарского ига.

Вообще-то завещание самое что ни на есть прагматично-деловое. Прежде всего — тщательная перепись, кому из наследников какой удел остается. Это — основа мира в стране. Потому что любая неточность в отцовском завещании всегда вызывала размолвку братьев, ссору, которая превращалась в войну. Вся предыдущая история Руси — тому кровавый пример. К счастью, с тех пор отцы-князья поняли, что такое скрупулезно точное и четкое завещание. Очевидно, что они были и до Ивана Калиты. И так совпало, что Калита известен в истории как рачительный и расчетливый хозяин. Такой же, рачительной и расчетливой, и была последняя духовная грамота Дмитрия Донского.

Затем, после распределения уделов между сыновьями, идет перечень слобод, городов и волостей с точным указанием «выхода» — дани Золотой Орде в денежных суммах, в рублях. С Вереи, например, 22 с половиной рубля, с Суходола, Смоляны и Скирменской слободы — по 9 рублей, со Звенигорода и Звенигородской волости — 167 рублей, с Коломны и Коломенской волости — 342 рубля, а всего с Московского княжества — 960 рублей... И это тоже, наверно, одна из причин того, что «Завещание...» на русском языке не публиковалось и широко не цитировалось. Всю жизнь пугаем народ Золотой Ордой и данью, а тут — 960 рублей в год со всего Московского княжества... Как-то несолидно.

После перечня городов и следует фраза, которую всегда и везде цитируют сокращенно: *«А переменит бог Орду... не... давати выхода»*. И в таком урезанном виде цитата подавалась как завет бороться с Ордой.

В полном же виде она выглядит так:

«А переменит бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду, и который сын мой возьмет дань на своем уделе, то тому и есть».

Теперь понятно, почему полностью не цитировали. В полном виде слова Дмитрия почему-то не звучат как вызов Орде. И даже получается, что собирали бы деньги как дань Орде, а оставили себе? Тоже нехорошо...

Для современников то завещание было простым и ясным. Потому что все знали предысторию, то есть современную им действительность. Мы — не только не знаем, а еще хуже — знаем в искаженном виде. И потому завещание — загадка и тайна, которую я попытаюсь здесь разгадать логическим путем.

Два момента особенно привлекают внимание историков.

Первый. После перечня уделов, распределенных по сыновьям, следует фраза:

«А се благословляю сына своего, князя Василия, своею отчиной, великим княжением».

То есть титул великого князя, главного князя на Руси, он передает как наследственный. Впервые. Потому что до этого, при борьбе самих русских князей за трон, великого князя выбирал из них и назначал всегда хан Золотой Орды.

Эта фраза трактуется как вызов Золотой Орде, практически полное непризнание Дмитрием власти хана. Трактуются как смелость и непримиримость.

Но если это так, то Дмитрия следует считать не мудрым князем, а глупцом, несущим горе и погибель Русской земле.

Давайте посмотрим логически. Без эмоций.

Что сделает хан Тохтамыш, получив известие, что Дмитрий Донской перед смертью низложил его власть? Соберет конницу и пойдет на Москву. Получается, что сам-то Дмитрий отошел в мир иной, а на любимую жену, детей и город навлек ордынскую рать. И тогда кто такой Дмитрий? Провокатор? Психопат?

Одно дело — если бы Орда валялась в развалинах. Но к тому времени смута там прекратилась, на троне — законный и сильный хан Тохтамыш. Зачем, с какой целью Дмитрию бросать вызов и натравливать на Москву мощную ордынскую рать? За все время своего великого княжения Дмитрий не давал повода усомниться в верности хану Золотой Орды. Никогда и ни в чем. И доказал эту верность, разгромив Мамая на Куликовом поле. Другое дело, что до сих пор считается, будто он там сражался **против** Золотой Орды, и на раке с его мощами в Архангельском соборе начертано то же самое... Понятно, на Ку-

ликовом поле Дмитрий отстаивал Москву и всю Русь. Но одновременно это была и поддержка законного хана Золотой Орды «царя Тохтамыша», как всегда называл его Дмитрий. И против «своего царя» Дмитрий не выступал никогда. И правильно делал. Ничего, кроме разорения и горя, это бы не принесло.

Эта строка в завещании — *«Благословляю сына своего, князя Василия, своею отчиной, великим княжением»* — так неожиданна, что поставила в тупик самого С.М. Соловьева. При этом учтем, что С.М. Соловьев — апологет и один из основателей европоцентрического подхода к русской истории, для него Орда — тьма, Европа — свет, и русские только и делали, что постоянно боролись и постоянно мечтали о борьбе с Ордой. Казалось бы, вот и подтверждение тому — Дмитрий Донской объявляет Русь своей вотчиной независимо от воли хана! Но Соловьев знает, что не мог Донской сделать такое. И потому он заключил, что это — **вызов русским князьям-соперникам**, чтобы они отныне не претендовали на великое княжение. Но никак не вызов Орде: *«Донской уже не боится соперников для своего сына ни из Твери, ни из Суздаля»*.

Допустим, вызов русским князьям. Но неужели Дмитрий так уж уверен был во власти Москвы над Русью? Да полноте! 27 лет назад он, малолетний московский князь, мальчик, не выдержал бы соперничества с могучими тверскими и суздальскими князьями. Сам никогда не стал бы великим князем на Владимирской Руси, если бы его воспитатель и фактический правитель митрополит Алексей не дружил с ханом Джанибеком, не имел могучие связи в Орде, наконец, если бы Алексей не был митрополитом — человеком, имеющим власть над всей Русью. Конечно, за 27 лет великого княжения Дмитрия Москва ук-

репилась во власти над Русью, но не безоговорочно. Только что, за семь лет до смерти, суздальские князья пытались натравить на него Тохтамыша, только что закончилась война с могучим Олегом Рязанским. Не было к тому времени полного господства Москвы над Русью, такого, чтобы единоличной волей передавать великое княжение как свою наследственную привилегию, отчину! Непременно возмутились бы, поднялись бы суздальско-нижегородские князья, и неукротимый и воинственный Олег Рязанский, всегдашний враг Москвы, непременно встрял бы в свару! В надежде отхватить кусок от московского княжества. Бросать такой вызов русским князьям — значит обречь сына Василия и всю семью на несчастья, а Москву — на войну и пожары. Не мог Дмитрий сделать такого, если он не выжил из ума.

Но если эту строку в завещании нельзя рассматривать как вызов остальным русским князьям, ни тем более как вызов Тохтамышу, то какой же вывод нам остается? Один-единственный, о котором никто из историков не думал, не писал. Не предполагал.

Что это строка — не воля одного лишь Дмитрия.

Что это — общая воля. Москвы, Руси и Орды.

Что был договор. Наверняка — письменный. До наших времен дошли грамоты Ивана Калиты, Симеона Гордого, Ивана Красного и затем уже Дмитрия, договоры с Олегом Рязанским и Витовтом Литовским. Других — не сохранилось. Но очевидно, что они были.

Причем договор был, разумеется, трехсторонний. С одной стороны, князья Суздаля, Владимира, Твери, Рязани, Нижнего Новгорода. Что они признают, главенство Московского князя и не будут впредь претендовать на великое княжение. С другой стороны — сам великий князь Дмитрий. И с третьей, на-

конец, Тохтамыш — хан Золотой Орды. Тохтамышу, с трудом установившему, наконец, порядок в своих владениях, не нужна была смута в вассальном государстве, вечное соперничество князей за великий стол. Ему тоже был выгоден постоянный и наследственный великий князь. Причем Орда сделала свой выбор давно. С некоторыми исключениями, великими князьями на Руси постоянно становились московские князья — прямые потомки и наследники Ярослава и его сына Александра Невского, заключивших военно-политический союз Руси и Орды. А в данном случае еще был, возможно, и личный мотив благодарности — Дмитрий Донской помог Тохтамышу утвердиться на законном троне хана Золотой Орды, разгромив на Куликовом поле Мамай. Потом, на Калке, Тохтамыш уже только добил узурпатора и мятежника... А начал — Дмитрий.

Дмитрий княжил тридцать лет. Первые восемнадцать лет — под руководством фактического правителя страны — своего наставника митрополита Алексия. Вторые двенадцать лет — вполне самостоятельно. И всегда он показывал себя мудрым, осторожным, трезвым политиком.

И, по моим предположениям, был прозорливцем-пророком. В политическом смысле. Что значит фраза: «*А переменит бог Орду...*»? Думал ли он, предполагал ли, что Орда скоро, в действительности — через 50—100 лет, распадется? Можно ли было в расцвет Тохтамышевой крепкой власти даже и помыслить о таком? С одной стороны — никому бы и в голову не пришло. А с другой — давайте подумаем...

Дмитрий на своем веку очень многое видел, тридцать лет княжения в те времена — эпоха! Только у Олега Рязанского да у него был такой долгий опыт власти. И Дмитрий из своего опыта, несомненно, де-

лал какие-то выводы. Дмитрий был семилетним мальчиком, когда умер «добрый царь Чанибек» — хан Джанибек, и в Орде началась «великая замятня». На долгие годы возник из Крыма смутьян и узурпатор Мамай. Да, потом пришел Тохтамыш, снова Орда окрепла, но...

Но, возможно, Дмитрий прозревал, что все движется своим чередом и распад неизбежен? Потому что идет изматывающая война с могучим Тамерланом, бесконечные стычки с великим литовским князем Витовтом. Он видел, что Орда слабеет: ведь еще за сорок лет до его рождения ордынские витязи начали тысячами и тысячами уходить из Орды на Русь от насильственной исламизации, их дети и внуки становились русскими воинами, русской служивой знатью, что этот исход продолжается и ныне. После гибели Тохтамыша в 1407 году и возникшей там новой смуты исход ордынских витязей на Русь снова стал массовым, как сто лет назад, во времена Узбека. И не сделал ли Дмитрий далеко идущие выводы, осмысливая события тридцати лет бурной истории, коим был свидетелем и участником?

Да, это мои логические построения. Да, трудно предположить такое предвидение. Ведь это, по сути, пророчество, которое начало сбываться через пятьдесят лет и сбылось полностью еще через пятьдесят.

Но ведь он ЭТО продиктовал, написал! К сожалению, всего лишь одну фразу, без всяких объяснений и указаний. И если он не пророк, если он все не предвидел, тогда скажите мне, откуда она возникла, эта фантастически прозорливая фраза, и в чем ее смысл: «*А переменит бог Орду...*»?

Дмитрий вел Русь далеко вперед.

ТРИ ПАТРИАРХА

Православная церковь создала Русское государство

В 1353 году умер великий князь Симеон Гордый, сын Ивана Калиты. Бразды правления достались его брату, Ивану Красному. Но Симеон, зная кроткий нрав и весьма малые способности Ивана к государственному управлению, умирая, назначил фактическим правителем государства митрополита Алексия: *«Слушайте отца нашего, владыку Алексея»*. Иван Красный прокняжил недолго, умер в 1359 году, оставив девятилетнего сына Дмитрия, будущего Донского, на попечение его воспитателя — митрополита Алексия.

Кому быть великим князем на Руси, решал хан Золотой Орды. А там после убийства хана Джанибека, как в русских летописях его называют, «добротого царя Чанибека», началась смута. Сменявшие друг друга ханы назначали на великокняжеский стол то Дмитрия Суздальского, то Михаила Тверского. Могли ли и как мог бороться мальчик Дмитрий за власть против таких могучих противников? Однако даже и

они были бессильны перед митрополитом Алексием. Во-первых, он пользовался в Орде огромным влиянием и имел обширные связи благодаря личной дружбе с покойным ханом Джанибеком. Так, наверняка не без его участия, в Москве долгое время гостевал ордынский посол Сарыкожа, улажен был по всем статьям, уехал с богатыми дарами и стал ратовать в Орде за Дмитрия, против тверского Михаила... А во-вторых — деньги... Молодой тверской князь Иван задолжал тогда Орде 10 тысяч рублей. По тем временам огромная сумма. Дань Московского княжества Орде составляла тогда 960 рублей в год. И Дмитрий просто-напросто перекупил его долг у Орды, посрамив Тверь таким хитроумным образом. Ведь тверской князь Иван стал теперь должником-пленником московского князя и сидел на митрополичьем дворе, пока его не выкупил отец. Это был удар страшнее самого успешного военного похода. После такого конфуза Тверь уже не могла оспаривать главенство над Русью...

Наверно, такой коварный и эффектный план, который произвел большое впечатление на всю тогдашнюю русско-ордынскую общественность, зародился не столько в голове юного князя, сколько в голове его наставника — опытного, искушенного в интригах человека... Да и большие деньги моментально нашлись, надо полагать, не в тощей княжеской, а в богатой церковной казне, которой распорядился митрополит Алексий.

Таким образом, фактически правителем Руси с 1353 года был митрополит Алексий, сосредоточивший в своих руках власть светскую и духовную. Он за сто лет до самостоятельности Русской православной церкви и за двести лет до введения патриаршества был фактическим патриархом на Руси. И духов-

ная власть тогда была важнее светской. В то время не было еще такой нации — русский и страны Русь в сегодняшнем значении этого слова. Да, в «Слове о полку Игореве» пишется: *«О, Русская земля, ты уже за холмами»*, и мы по созвучию думаем, что речь идет о стране, в которой жили и живем. Но «Русская земля» в тогдашнем значении — это Киевское княжество. Поехать на Русь — означало поехать в Киев. И даже через три века, уже во времена Куликова поля, редко кто называл себя русским, а назывались рязанцами и тверичами, белозерцами и новгородцами, и никто думать не думал, что живет в какой-то общей стране, поскольку таковой и не было. И православная церковь была тогда, современным языком говоря, единственной общефедеральной структурой, соединяющей людей на тех пространствах. Только православная вера и церковь были объединяющим началом для обитателей тогдашней русской ойкумены. Объединяющим духовно, и не только... При правлении митрополита Алексия Москва присоединила к себе Ростов, Галич, Владимир, заставила считаться со своей волей тогдашних сепаратистов — могучую Тверь, отчаянную Рязань, богатый Нижний Новгород, которые чаще были союзниками Литвы, лишь бы против Москвы. Это время, когда Владимирская Русь становилась Московской.

Алексий, прежде всего всемерно укреплял военно-политический союз с Золотой Ордой, союз, основанный еще Александром Невским. А в этом союзе особое место занимала православная церковь. Ей Золотая Орда покровительствовала всемерно. *«Ханы под смертною казнию запрещали своим подданным грабить, тревожить монастыри, —* отмечал еще Николай Карамзин. — *Владения церковные, свободные от налогов Ордынских и Княжеских, благоден-*

ствовали. Одним из гостопамятных следствий Татарского господства над Россиею было возвышение нашего Духовенства...» — заключает историк.

Таким образом, митрополит Алексей продолжал политическую линию Александра Невского и Батыя. Итогом его стараний стала Куликовская битва.

Общеизвестная история воздала Дмитрию Донскому чрезмерно, отдав лавры чуть ли не первого защитника земли русской. И совершенно забыв о том, кто стоял за Дмитрием. Да и сам Дмитрий, как и свойственно выросшим отрокам, тем более отрокам-властителям, в последние годы тяготился своей зависимостью от Алексея. И после смерти Алексея он демонстративно выказывал свое отношение к учителю. Например, перед походом на Мамаю он поклонился раке св. Петра, но прошел мимо гроба Алексея. Дмитрий недолюбливал и Сергия Радонежского. Ведь Алексей, умирая (12 февраля 1378 г.), надел свой крест с мощами на Сергия Радонежского. А Дмитрий хотел, чтобы митрополитом на Руси стал его духовник Митяй, и настаивал, чтобы Алексей благословил Митяя в преемники. Но Алексей отказал ему и выбрал игумена Сергия. И здесь надо оценить поступок Радонежского — он отступился от престола митрополита. У нас нет никаких свидетельств, объясняющих его мотивы, причины. Но очевидно, что прими он сан митрополита при враждебном отношении великого князя Дмитрия, в стране неминуем был раскол и усобица. И Сергий — отступился, сохранив спокойствие в стране, сохранив при этом все свое влияние на паству и на церковь.

А князь Дмитрий после смерти митрополита Алексея лично отправил Митяя «на утверждение» в Византию при помощи... Мамаю, вместе с которым за шесть лет до того грабил и опустошал рязанские зем-

ли... Митяя убили в пути, в Москве победила партия Сергия Радонежского. И великая заслуга Дмитрия Донского в том, что он принял воинство, что он смирился перед церковью, из ее уст воспринял идею общерусского государства и в дальнейшем из всех сил поддерживал церковь.

Все это — сложно. А власти и народу хочется, чтобы было просто и благостно. Поэтому у нас широко распространен и стал каноном миф о том, что Сергей Радонежский благословлял князя Дмитрия на Куликовскую битву. **Но в ранних летописях, а также в первоначальном «Житии Сергия Радонежского» такого эпизода нет!** Значит, его вставили позже «исправители» и «редакторы» нашей истории.

В русском Средневековье князья, за редким исключением (Александр Невский, Владимир Мономах и Дмитрий Донской), преследовали свои удельные или же властные великокняжеские цели. А церковь всегда мыслила только общерусскими, общегосударственными масштабами. Потому что церковь по природе своей может жить только национальными интересами — это ее естественное состояние. Нет, не было и не могло быть, к примеру, удельной православной церкви удельного Пронского княжества... Даже дико и, простите, смешно звучит, не правда ли. Другое дело — есть ли в данный момент силы и люди в церкви, могущие противостоять, пресечь хаос и разобщение. Не прояви в те годы мудрость и твердость православная церковь — еще не известна была бы судьба сегодняшней страны. С каждым десятилетием православная церковь утвердила в буйной княжеской пастве идею общерусского государства. Еще за пятнадцать лет до Куликова поля Сергей Радонежский одной лишь угрозой закрытия храмов принудил нижегородского князя к компромиссу с Моск-

вой... А не будь такого влияния церкви, князя бы еще долго и с упоением резали друг друга.

И не только торговые пути, кстати довольно слабые, не только бунчуки ордынской конницы («Москва обязана своим величием Ханам», — писал Карамзин), **а, прежде всего, престол митрополита, официально перенесенный из Владимира в 1328 году, сделал Москву центром Русской земли.**

И сегодня можно с полной ответственностью сказать, что именно православная церковь, при поддержке Орды, создала единое Русское государство.

Любопытно, что спустя три века ситуация повторилась. Когда на Руси настало Смутное время. И сама русская государственность оказалась под угрозой уничтожения.

Вот тогда-то и сказала свое слово церковь. Прежде всего — патриарх Гермоген, архимандрит Дионисий и келарь Авраамий Палицын. Их послания распространялись по всей стране, это на них откликнулся Кузьма Минин. Не случайно же в первом обращении к нижегородцам Кузьма говорил, что ему явился во сне преподобный Сергей Радонежский и повелел поднимать народ.

После победы ополчения и изгнания поляков царем был избран шестнадцатилетний Михаил Романов.

Но если бояре и рассчитывали, что вновь станут править за спиной малолетнего Михаила, то они жестоко просчитались. Потому что отцом Михаила был патриарх Филарет, который и стал фактическим правителем государства. Он и подписывался титулом «Великий государь».

Да, фигура Филарета весьма неоднозначна. В сан митрополита его возвел Лжедмитрий I, а патриархом назначил Лжедмитрий II. За какие такие заслуги пе-

ред самозванцами? Но в одном Филарет был тверд в Смутное время — царем на Руси должен быть православный. И настаивал на крещении польского королевича Владислава, уже объявленного боярами царем, и противился приходу к власти короля Сигизмунда, при котором Московия стала бы одним из польских воеводств. Сигизмунд ведь держал его в плену, думая сломить, получить согласие патриарха...

Став правителем Руси, Филарет практически заново создавал государственную власть. Прежде всего, он занимался международной политикой Московского государства. Ведь в Польше и Литве законным русским царем по-прежнему называли польского королевича Владислава, писали русским же боярам, что Михаил Романов — узурпатор, *«которого воры, казаки, посадили с Кузьмой Мининым на Московское государство без совета с вами, боярами и дворянами»*.

Опасны были и те самые «бояре и дворяне». Пока Филарет был в плену, юного царя окружили люди, которым, как пишет Соловьев, *«по заслугам их не следовало быть близко у трона»*. Приехав в Москву, Филарет начал решительную борьбу с боярским всевластьем.

Не будь Филарета, еще неизвестно, что могли бы натворить кичливые высокородные Мстиславские, Шуйские, Трубецкие и прочие: мол, мы Рюриковичи и Гедиминовичи, а этот мальчишка Романов — от какого-то Андрея Кобылы. Но при твердой руке патриарха никто из них уже не решался поднять голову и затеять новую смуту.

Двадцать лет правил страной патриарх Филарет. И умер в 1633 году.

Михаил пережил своего престарелого отца лишь на двенадцать лет.

После смерти Михаила в 1645 году царем стал пятнадцатилетний Алексей, названный Алексеем Михайловичем Тишайшим. Династия еще не укрепилась, не стала еще неприкосновенной в глазах народа и, прежде всего бояр, а на троне — юноша, которого сразу же окружили воры и проходимцы Морозов, Плещеев, Траханиотов. Они так мздоимствовали, что народ восстал и пол-Москвы сжег, требуя их выдачи на суд. В общем, Плещеева и Траханиотова казнили, Морозова, тогдашнего премьер-министра, сослали. Москва успокоилась, но взбунтовались Новгород и Псков. К счастью, при юном царе уже с 1646 года был игумен Никон, будущий митрополит Новгородский, будущий патриарх. Никон, решительно осудив бунтовщиков, тем не менее, уговорил царя простить неразумных. И тем самым не только высоко поднял свой авторитет в глазах народа, но и сохранил и упрочил авторитет царской власти. Ведь губительно начинать новое царствование с жестокого подавления бунта, с пролития крови подданных... Ведь тогда вполне могли юного царя прозвать не Тишайшим, а Кровавым...

И тут не могу не отметить совпадение, простое или не простое — не мне судить. Первого царя Романова возвел на престол сын Мины из Нижнего Новгорода — Кузьма Минин. А опорой второго царя Романова тоже стал сын Мины, и тоже из Нижнего Новгорода — Никита Минов, патриарх Никон! Минин — купец, Минов — крестьянский сын! Из села Вельманова Княгининского уезда.

В 1651 году Никон переезжает из Новгорода в Москву. Влияние его на царя было таково, что Алексей называл его солнцем, а себя всего лишь «земным царем», он в письмах отчитывался ему за каждый свой поступок, а если о чем-то забыл, то просил прощения за слабость памяти...

В 1652 году Никон становится патриархом Московским и всея Руси, а затем — Великим государем. Именно так величает его двадцатитрехлетний царь Алексей под сводами Успенского собора 23 октября 1653 года, объявляя войну Польше: *«Мы, великий государь... посоветовавшись с отцом своим, великим государем, святейшим Никоном патриархом... приговорили и изволили итти на недруга своего, польского короля...»*

Никон благословляет войско, а главный воевода Алексей Трубецкой в ответной речи обращается к крестьянскому сыну так: *«Великий государь, пресвятейший Никон... Удивляемся и ужасаемся твоих государевых, учительных словес...»*

Если перевести на современный русский язык «удивляемся и ужасаемся», то получится так: *«Преклоняемся перед мудростью, благоговеем и никогда не посмеем ослушаться твоих государевых поучений...»*

Вот такую власть взял Никон всего лишь через семь лет после своего появления при дворе! Он, как и Филарет, подписывался титулом «Великий государь». В грамотах-посланиях так и писал: *«От великого государя, святейшего Никона, патриарха Московского и всея России...»*

Интересы, планы, деяния Никона простирались далеко вширь и глубоко в будущее. К примеру, он принимал самое деятельное участие в присоединении Украины к России, поддерживая во всем Богдана Хмельницкого. Богдан, намереваясь передать власть сыну, через послов обращался к Никону так: *«Гетман и войско... желают, чтобы изволили приехать в Киев великий государь, святейший Никон патриарх, и... гетманского сына на гетманство благословил».* Одновременно Никон посылает ратников и казаков

на завоевание берегов Финского залива! За пятьдесят лет до того, как в правящих кругах Руси появляется мысль о выходе к Балтике...

Вот так три церковных иерарха взяли на себя и несли бремя светской власти в самые тяжелые для страны времена. Алексий и Филарет умерли в спокойствии, а вот Никону выпала иная доля. Когда царь Алексей вырос и укрепился на престоле, то он, как это всегда бывает с повзрослевшими отроками, отяготился покровительством и властью наставника. Да и Никон, по всей вероятности, чрезмерно высоко поставил себя, везде и всюду отстраняя царя. Его властность лишила его опоры и в церкви: иерархи, почувствовав немилость и даже враждебность к нему царя, также выступили против него. Никона лишили патриаршего сана и сослали на север.

Но он пережил неблагоприятного воспитанника (кстати, не многие знают, что перед своей смертью царь Алексей отправил ему послание с просьбой о прощении) и издалека смотрел, как все-все повторяется. Вначале страну сотряс новый поход на Москву казаков во главе со Степаном Разиным, а затем, после смерти Алексея, при четырнадцатилетнем Федоре (снова малолетний царь) началась свара Милославских и Нарышкиных — родственников первой и второй жен Алексея. Разве при нем, при Никоне, посмели бы?!

Опальный патриарх умер в 1681 году и не видел кровавой стрельцкой расправы со сторонниками Нарышкиных после смерти Федора, когда править Русью стала Софья, а на престоле сидели слабоумный Иван и десятилетний Петр, не видел свержения Софьи, стрельцких казней и всего того, что предшествовало воцарению и утверждению на троне твердого самодержца Петра Первого.

После Никона авторитетного церковного иерарха уже не было, Петра же церковь раздражала изначально, он вообще упразднил патриаршество, создав Синод, подконтрольный царю. Но это уже другая история.

В книгах дореволюционных историков Алексей, Филарет и Никон присутствуют только на втором плане, как фигуры второстепенные. А в коммунистической истории — тем более. Разве что о Никоне говорится подробнее, но лишь как о реформаторе церкви. И получается, что в труднейшие для Руси времена страной правили девятилетний Дмитрий, шестнадцатилетний Михаил и пятнадцатилетний Алексей?..

Но вот что странно. Сейчас у нас на каждом углу что-то освящается, церковь и церковные служители становятся участниками всех событий, не говоря уже о том, что многие бывшие безбожники со свечками стоят. Однако почему-то нигде и ничего не говорится об истинной роли и значении церкви в становлении Русского государства. О чем я и напоминаю сим кратким очерком. И повторяю — Русское государство создала православная церковь.

РУССКАЯ ЭПОХА

Все для Бога и князя, и ничего — для себя

Много лет назад, во время одного из наших походов по лесам Подмосковья, как-то застала нас ночь возле села Истомино, под Тарусой. Мы спешили к реке, чтобы разбить ночлег. Но вдруг приятель мой, обернувшись, окликнул меня: «Смотри!»

За нами, на восходе луны, на фоне светящегося горизонта, возносились к небу черные силуэты — купол и колокольня Истоминской церкви. Они вышались над нами, и не было в обозримом сумрачном мире ничего, кроме них! А внизу, у земли, как бы лепились, прижимались к их каменному подножию сараюшки, стожки, скособоченные крыши деревеньки.

— А представляешь, как смотрели на *это* темные мужики в каком-нибудь восемнадцатом веке?! — сказал приятель. — Только на колени упасть, трепетать. Мрачное величие и непонятность! А тут они — в своих курных избенках...

Я вспомнил тот вечер, когда снимал фильм о загадке древнерусской архитектуры, о том, что города

и храмы в древности ставились так, чтобы они открывались с реки, с главной и единственной дороги! Было это у стен Михайло-Архангельского монастыря в Юрьеве-Польском.

Мы стояли на земляном валу, который и поныне опоясывает исторический центр города.

— Бери кадр так, чтобы первый план был подробным и четким, — наказывал я оператору Саше Терентьеву.

А на первом плане — дворы, огородики с немислимыми заборчиками, где и плетень, и разрушенная бетонная плита с разлохмаченной арматурой и спинки старых кроватей; свинные сараюшки, дощатые сортиры, клетки и подклетки, белье на веревках, дрова, кучи непонятного барахла — обычный сор обычной жизни. И над ней — вздымаются зубчатые стены и купола монастыря — красота, мощь и величие ушедших веков.

Давно точит меня мысль, которая получила яркое, зримое воплощение именно в этой картине.

Окинем взглядом все, что мы видели и видим: наши церкви древние и не очень древние, монастыри-крепости грозные. И задумаемся: а что еще? Ну, несколько кремлей каменных да палат княжеских. И — все.

То есть архитектурный гений народа, ремесленнический талант, мастерство, все силы ума, души и тела — отданы, растрочены на строительство церквей и монастырей.

А сами как жили — так и живем. Да Господи, боже мой, если смотреть ночью, под луной, на крыши истоминских домов и не знать, что там внутри есть электричество и телевизор, то далеко ли они ушли от курных изб XVII века?

Вот и получается: все — для Бога и князя, и ничего — для себя.

Так и привыкали с годами, с веками. До того привыкли, что в Москве даже богатых людей пришлось **заставлять**, чтобы они строили себе каменные дома. Конечно, не из любви к ним заставляли, а чтобы пожаров не было.

Величие своими руками сотворенных храмов, необъятность полей и тьма лесов, и рядом с ними убогость собственного существования — не эти ли крайности вековечно разрывали душу русского человека и сказались на его характере? Не в этом ли истоки российского максимализма: пан или пропал... и в то же время дикой кичливости собственной же нищетой: полюбите нас черными — белыми нас всяк полюбит?.. И еще много чего в народном характере можно вывести из этой картины. Только боюсь уподобиться той части российской интеллигенции, которая «загадку России» сделала своей профессией. И тем самым недалеко ушла от массового сознания, потому что в основе ее метаний лежит все тот же принцип максимализма: или мы — все, или мы — ничего, или мы — и то, и другое вместе...

А ведь максимализм — это потакание собственному или толпы примитивному знанию и примитивному сознанию, примитивному мышлению, а следовательно, примитивному образу жизни и поведения. Мы сами до сих пор выясняем и других учим выяснять, кто же сильнее и красивее — кит или слон. Все обсуждаем, все цитируем предыдущих спорщиков. То опять пытаем бедную Россию: «Каким ты хочешь быть Востоком? Востоком Ксеркса или Христа?», сознательно или по лености мысли не замечая, что и Ксеркс, и Христос в данном поэтическом контексте не что иное, как символы с разными знаками. А символы — опасная вещь. Стоит перейти на мышление символами, как за ними моментально теряется, рас-

плавается реальность, уходят в сторону знания и размышления. Например, о том, что Ксеркс был обыкновенным властителем древности, строителем своего государства, не менее и не более деспотичным, чем его современники. И что именем Христа было в свое время пролито столько крови, сколько Ксерксу и не снилось.

То вспомним о степной крови, текущей чуть ли не в каждом. Вспомним, что строитель церквей святой князь Андрей Боголюбский и спаситель Руси от крестовых тевтонских походов святой князь Александр Невский — сыновья раскосых половчанок — и объявляем себя «гуннами» и «скифами», грозя обернуться к Западу «своею азиатской рожей».

А то отвернемся с досадой от «узкоглазых» и льнем к Западу, робко напоминая, что Азия-то начинается за Уралом, а географический центр Европы все-таки у нас, не то в районе Жмеринки, не то Житомира...

Цивилизация всегда притягательна, и потому в Европу хотят все: и «узкоглазые» азиаты, и чернокудрые кавказцы, некоторые из которых даже объявили себя родичами испанских басков, и, разумеется, русые, курносые и голубоглазые.

Только не разрез глаз и не цвет кожи определяют Европу. У народов — своя история, свои исторические, этнические и прочие стереотипы. В основном романо-германский по языку, католический по вере конгломерат западных народов обособился еще в раннем Средневековье, назвав себя «Европой», назвав себя «христианским миром». И в нем даже католическая Польша чувствует явственную зыбкость своей европейской направленности».

Там, в том мире, издавна сложились характерные восприятия «своего» и «чужого». Например, сканди-

навские бандиты-викинги три века грабили, жгли, насиловали Европу, оставляя после себя руины великих ныне городов, гарь, мор и трупы. И — ничего. Все забылось. Никто не говорит и даже не вспоминает. Потому что — «свой».

Зато не забывается мимолетное появление монголов на границах, краткие походы Суворова, казаки и калмыки в Париже. Но ведь тогда, в восемьсот четырнадцатом, против злодея Наполеона сражались вместе со всей Европой, в одной общей армии! Вместе! Однако Наполеон, исчадие ада для тогдашнего цивилизованного мира, остался «своим», а Россия — «чужая».

И это — нормально. И относиться следует спокойно. Потому как научный факт. Этнопсихология, если хотите.

Другое дело, что они европейскую особость превратили в высокомерие. Никогда не забуду строчку — одну лишь строчку! — из «Дневника» Гонкуров. Речь там идет о том, что приходил Тургенев, сидели, разговаривали. Потом Тургенев ушел... Ну вы знаете, Иван Сергеевич долгие и долгие годы так и прожил в Париже возле Полины Виардо. Понятно, ближе всего сошелся со своими собратьями-писателями...

Так вот, после ухода Тургенева братья тут же садятся записывать впечатления в «Дневник» и о Тургенева роняют: «Этот добродушный варвар...» (курсив мой. — С.Б.)

И это пишут просто профессиональные плодовые литераторы, которых, кроме Франции, никто нигде и не знает — о нашем аристократе, барине, великом писателе, черт возьми!

Но урок нам не впрок. Сами позволяем, сами обижаемся, сами лебезим и угрожаем. Это комплекс

европейской неполноценности не дает нам покоя. Рождая тот самый убогий максимализм. От самоуничтожения до угроз танками и ракетами.

Никак у нас не получается быть скромным без самоуничтожения, блюсти свое достоинство без высокомерия и хамства. То есть не получается быть самодостаточным благородным человеком.

Как-то знаменитый наш режиссер, долго живший в Америке, публично, через нашу прессу, объяснил своим западным друзьям, чтобы они не удивлялись. А то они все поражаются, побывав в России: как же так, такие же люди, как они, но нравы, но быт?! «Не такие же, — объяснял им режиссер. — Только по виду такие же. А на самом деле, если ехать с Запада, Европа кончается в Польше. А дальше начинается дичь...»

Да, верно, уважение к личности, представления о гуманизме, о ценности самой человеческой жизни у нас такие, что ужас иногда берет. А уж над общественными сортирами только бомж брезгливо не издевался, говоря, что это и есть лицо нации.

Ну, так что ж теперь — повеситься? Или быстро менять обличье, имя, паспорт и пристраиваться грузчиком в Кёльне? Так от себя не уйдешь...

Правда, почему-то вспоминается, с каким брезгливым ужасом смотрели высококультурные средневековые арабы на западных рыцарей-крестоносцев, на их нравы, особенно на гигиенические особенности быта. Не могли поверить. И только когда приехали с посольством в Париж, увидели Лувр с курами и коровами, тогдашнюю европейскую жизнь, сравнимую с нашими нынешними общественными сортирами, только тогда поверили и вынесли приговор: «Дикари...»

Но это было в раннем Средневековье. А между тем чуть ли не до времен Просвещения французские

и другие графини и герцогини замысловатые прически закрепляли растопленным бараньим салом, которое застывало и создавало жесткий купол. Ни расчесывания, ни мытья, естественно, не могло быть. Тотчас же и в изобилии заводились вши и блохи. И потому высокородные дамы всегда имели при себе специальные маленькие коробочки-блохоловки...

Доподлинно известно и в анналах зафиксировано, как карета одного из императоров Священной Римской империи застряла и чуть не утонула в дерьме, потому что в те времена нечистоты из дворов вываливались прямо на улицы.

Другое дело, что европейцы забыли. А вот американцы — нет. Потому что совсем недавно было. И они нынче поверить не могут, что это они, здоровые мужики, устраивали злобные пикеты на пути крошечных негритянских девочек, идущих «первый раз в первый класс» в общую с белыми школу. Смотрят сейчас кинохронику пятидесятых-шестидесятых годов — и не знают, куда спрятать глаза от позора.

Значит, не в дикарстве суть. А в уроках нации.

Брезгливое презрение к своему народу — не продуктивно. И вызывает только ответную агрессию. Гораздо честнее и полезнее прямое гневное осуждение, родственное пониманию и сочувствию, из которых и рождается будущее.

И вообще — чего мы дергаемся? Вот что непонятно. Нам что, храм Покрова на Нерли не нравится? Двадцатипятивековые самаркандские святые кажутся убогими? Скифская бронза тускловата? Рукописи Матенадарана начала христианской эры не внушают почтения?

Помилуйте, я же не к квасному или кумысному патриотизму взываю. А к тому, что не надо дергаться. Давно уже любому грамотному человеку одина-

ково скучны споры и метания меж «славянофильством», «западничеством» и «гуннством», и еще более того — их яростный максимализм.

Но мы отдаемся им с такою страстью, не потому ли, **что никак не можем наладить нашу конкретную, действительную жизнь?**

Ведь менялись времена — а у нас менялись только названия. На месте курных изб возникли бараки, временки, соцгородки, и стояли они уже на фоне дымящих труб и корпусов, гигантов индустрии, дворцов молодежи, дворцов советов и дворцов съездов.

Менялись идолы и кумиры, боги и князья — а мы все те же и мы живем все так же. Все — для Бога и князя, и ничего — для себя... — повторял я как заклинание, любуясь в Юрьеве-Польском величественными куполами на фоне сараев и сараюшек.

К вопросу о чистоте нельзя не вспомнить немецкие улицы, которые еще в незапамятные времена сначала мыли щелоками, несколькими мылами, а затем и шампунями. Что не вызывает у нас даже комплекса неполноценности, поскольку мы воспринимаем сие как проявление жизни инопланетных существ. А начиналась эта чистота с того, что **власть жесточайшим образом заставляла обывателей убирать и мыть улицы перед своими домами.** А потом уже это вошло в привычку, в плоть и кровь, в национальный образ жизни. Умная власть — воспитывает...

Русская эпоха

И все-таки, может, зигзаги русской истории и русского характера, величие храмов и убогость быденной жизни, самоуничужение чаадаевского толка и Достоевские проповеди о мессианстве, и еще мно-

гое и многое другое — всего лишь следствие и отдельные составные части чего-то большего?

Представим себе поезд, в каждом купе и в каждом вагоне которого бурно спорят, дерутся, философски беседуют или же мирно дремлют самые разные люди. Они не отдают себе отчета, что во многом их теперешнее поведение — **прямое следствие общего движения в общем поезде в общее время**. Будь они в другом месте и в другое время, они, возможно, не пили бы водку, не дрались, не спорили, не философствовали под влиянием проплывающих перед окнами просторов, не впадали бы в сон посреди дня, но тут попались такие соседи, что лучше дремать, чем смотреть на них, а тем более слушать... Конечно, любое сравнение хромает, тем более такое, потому как буян найдет причину для ссоры везде, а любитель философствовать способен умствовать в любой обстановке. Правда, в поезде они могут и поменяться ролями на время или же надолго: драчун вдруг начнет предаваться размышлениям о бренности бытия, а философ — стаканами глушить водку и открывать в себе Ваську Буслаева. Но в любом случае, согласимся, их поведение так или иначе обусловлено обстоятельствами, в какие они попали, а их сегодняшние страсти — всего лишь **составная часть жизни поезда, который мчится в пространстве независимо оттого, что буян мнит, будто удержит его за дверную ручку купе, а философ рассуждает об относительности движения**.

Никто из них не видит поезд со стороны.

Так и мы существуем внутри русской, российской, советской и снова российской истории, называемой жизнью, часто не замечая общего движения. Даже тогда, когда кипим страстями восьмисотлетней

давности, все равно мы судим о себе, про себя, выясняем отношения среди своих.

А между тем не надо специальных знаний, достаточно общих, чтобы взглянуть на последние десять веков европейской истории со стороны и увидеть, выделить в ней три народа, оставивших наиболее заметный след и в чем-то определивших лицо тогдашнего и сегодняшнего мира.

Это — испанцы, англичане и русские.

Причем ни один из них не отличался, на первый взгляд, среди прочих ничем особым: ни уровнем государственного устройства и благоденствия народа, ни количеством населения, ни размерами территории.

Средневековая Испания, размерами чуть больше нынешней Туркмении и поменьше Таиланда, в XIV—XV веках только начиналась как самостоятельное единое государство с объединения Арагона и Кастилии. Страна была истощена, измотана многовековой войной с арабами, захватившими Пиренейский полуостров еще восемь столетий назад. Причем каждый народ боролся с маврами порознь...

И, тем не менее, отсюда и началось первое открытие мира европейцами. Отсюда и пошли корабли в непонятные и никому не известные дали океана. В это же время зарождалась и великая испанская литература и живопись, увенчанные впоследствии именами Сервантеса, Веласкеса, Эль Греко и Гойи. Одновременно пылали костры инквизиции и фанатики в рясах сжигали фанатиков без ряс, а еще чаще — рядовых обывателей. А корабли тем временем пробивались сквозь туман океана и неизвестность, открывая Вест-Индию, Магелланов пролив, Индийский океан... А вслед за ними шли каравеллы с офицерами, солдатами, авантюристами, искателями приключений, ловцами удачи, отчаянными бедняка-

ми, обездоленными дворянами. Которые становились на новых землях конкистадорами, латифундистами, фермерами, пастухами, бандитами, мешались с неграми, индейцами, белыми, давая первые поколения мулатов, метисов и квартеронцев, чьи потомки и составляют ныне **испаноязычный мир**, раскинувшийся от Кубы до Огненной Земли и от Кордильер до Пиренеев.

Не менее фантастична и судьба англичан.

По нашим меркам и Испания — не велика страна. А уж Англия-то и вовсе — чуть больше Талды-Курганской и гораздо меньше Вологодской области. Я говорю о собственно **Англии**, выводя за скобки **Шотландию** на севере и **Уэльс** на западе острова. Государственное устройство здесь, в отличие от Испании, устоялось за предыдущие века и представлялось неизблемым. Но предельно истощен самый главный ресурс страны — человеческий. Англия только что **потерпела поражение** в Столетней войне с Францией, в войне, которая целый век из года в год забирала самых молодых и здоровых мужчин.

Однако нашлись откуда-то силы, нашлись люди, которые вступили в новую, уже морскую войну с могущественным испанским флотом и оттеснили его на всех морях Мирового океана. Крестьяне-йомены, горожане-ткачи, эсквайры-оруженосцы, вчерашние лучники и арбалетчики, забывшие за столетие войны о мирных профессиях, младшие дети баронетов без гроша в кармане, потому что по законам **майората** все наследство оставлялось старшему сыну. Они разнесли английскую речь от Йоркшира до Пенджаба и Белуджистана, от Америки до Океании, сделав английский язык общеупотребительным, официальным или государственным в Канаде и Пакистане, США и Индии, Австралии и Новой Зеландии.

У моего заветного друга Женьки Сергеева, умершего в пятьдесят лет, есть стихотворение «Над картиной Гейнсборо», которое мы все десятилетия читали вслух на всех наших встречах, сборищах, пирушках...

Как вам жилось — превосходно ли, худо ли?

В замках замшелых, кленовых аллеях,

Черные лебеди,

Белые пудели,

Бледные леди.

Ваши мужья на судах Альбиона,

И штормы, и штили изведав сполна,

Сюда возвращались — виски убеленные,

Профили гордые, как ордена.

К огню подвигали их, ноги им кутали,

Кутали плечи им клетчатым пледом.

Черные лебеди,

Белые пудели,

Бледные леди.

А сыновья на спардеках корветов,

В груди и в спине ощутив по дыре,

От боли и брани лицо исковеркав:

«Храни Бог Британию и королеву,

Храни Бог Британию, черт подери!»

Им, от холеры сдыхавшим в Калькутте,

Им на галерах в секунду последнюю

Вряд ли припомнились

Черные лебеди,

Белые пудели,

Бледные леди...

Русская роль в истории последнего тысячелетия еще не всем очевидна просто потому, что испанские и английские события — давняя история и даже ро-

мантика, а в русскую эпоху мы живем, все — близко. Но уже достаточно времени прошло, чтобы посмотреть со стороны.

В самом начале XI века население довольно могущественной тогда Киевской Руси составляло 5,36 миллиона человек. Примерно таким же было и население Италии. А вот во Франции — 9 миллионов!

Через пять столетий соотношение осталось таким же. К XV веку во Франции было пятнадцать миллионов подданных, а на Московской Руси — **вдвое меньше!**

Границы тогдашней Руси проходили у Волги — на востоке, у Ельца — на юге и не доходили до Смоленска — на западе, потому что примерно с XIII по XV век Брест, Киев, Смоленск, Чернигов, Полоцк, Витебск, Минск, Курск и Брянск были городами Великого княжества Литовского.

Франция, как мы знаем, так и осталась Францией, ныне процветающей и благополучной страной в прежних пределах.

А теперь окиньте взглядом то, что произошло в России за эти пять веков.

Беглые крепостные и потомки нищих хазарских евреев-отщепенцев, степняков и непонятных бродников, ставшие терскими, гребенскими и донскими казаками, честолюбивые воеводы и вельможи, ищущие славы и царских почестей, рьяные купцы и смиренно-неистовые монахи, солдаты российской армии, в которой многие офицеры не случайно были **географами**, ученые-исследователи, землепроходцы и наконец-то вольные мужики-переселенцы... Все они, где верой и правдой, где ложью и обманом, где мечом, а где крестом — раздвинули границы Российской империи от Твери до Тихого океана, от Архангельска до Памира и Тянь-Шаня. Русскоязычный

мир простерся на две части света, и как бы ни сложилась дальше судьба народов, а общий язык останется русским, как испанский и английский для многих других.

Конечно, об испанцах и англичанах легко писать и приятно читать. А здесь — горячо. Потому что близко. И, как говаривал летописец битвы за Берлин, мой старший друг Василий Субботин, *все равно поймут не так*. Дело привычное. Обязательно кто-то обзовет меня казахским певцом русского колониализма, а кто-то решит, что он теперь выше всех прочих просто потому, что родился в Тамбове и к тому же во вторник... Понимаю бесполезность слов для них, но по обязанности должен сказать: речь не о том, о чем они подумали, а — о **научном факте**. Об **историческом феномене**, который все нормальные люди воспринимают как **данность**.

А гениальные люди, как Л.Н. Гумилев, анализируют и объясняют. В данном случае — *взрывом* особого вида энергии — этнической, то есть энергии народа. Другой вопрос — откуда она взялась? И почему именно у них? Ведь рядом с испанцами были французы, с англичанами — шотландцы и валлийцы, с русскими — поляки и литовцы. Что общего и в то же время отличного от других у испанцев, англичан, русских?

Происхождение. Оно у всех народов сложное от слова «сложение». Но в данном случае испанцы — намного «сложнее» тех же соседей-французов. На Пиренеях, не считая древних иберов и кельтов, в одном горячем котле сплывались германские вестготы, арабские мавры, кастильцы, арагонцы, наваррцы, а также галисийцы, каталонцы и баски, которые и поныне ставят себя отдельно от всех.

Не менее достоверное доказательство взрыва энергии от сложности населения — англичане. Как

известно, на Острове древние кельты были покорены римлянами, затем смешались с германоязычными англами, саксами и прочими. Нормандское завоевание принесло туда гремучую смесь из крови буйных викингов, германских франков и латиносов Центральной и Южной Франции. И на этом фоне можно считать сущим пустяком то, что знаменитые по литературе **гасконцы** несколько веков были подданными Английского королевства и знались со своими *английскими согражданами* не только через воды Ла-Манша.

Когда англичане, влекомые непонятным мощным импульсом, «избытком энергии живого существа», отправились во все края мира, испытывая судьбу, их соседи по острову валлийцы и шотландцы — **остались**. Они, *валлийцы и шотландцы*, в своих неприступных горах на севере и западе острова не смешивались ни с кем и **сохранили в неприкосновенности** древнюю кельтскую кровь и древний кельтский язык...

А русские — уж ближе и известней. Славяне, растворившие в славянском море каплю норманнских витязей, несколько веков соседствовали и даже составляли единое государство в южно-русских степях с тюркоязычными степняками-половцами. Затем, двинувшись на север, колонизировали и полностью ассимилировали многочисленные угро-финские племена междуречья Оки и Волги — мурому, чудь, мерю, также вобрав в себя корелов, мордву, вотяков-удмуртов, черемисов-марийцев... А потом было второе пришествие степняков, смеси монголов и тюрков, когда в Золотой Орде, преимущественно христианской по вере, стали насильственно, под угрозой смерти, насаждать ислам. Тогда-то, в XIV и XV веках, тьмы людей из Орды хлынули на Русь к своим единоверцам.

А плюс к этому — средневековые прибалты, те же православные подданные Великого княжества Литовского, ушедшие на Русь от католичества. Да, очень многих пришельцев из Литвы сразу же стали прозывать литвинами, невзирая на язык и национальность. То есть это могли быть белорусы, украинцы, русаки, литовцы, поляки, немцы, татары... — все равно литвин. Потому-то в изобилии у нас такие фамилии, как Литвины, Литваки, Литовченки, Литвиненки, Литовцевы, Литовкины, Литвиновы... Но и они — лишь часть пришельцев. Потому что православные литовцы носили неотличимые от остальных православные имена и фамилии, к примеру, впоследствии принявший католичество и ставший главным врагом православия и Руси князь Ягайло в православном крещении был Яковом, и уже во втором поколении полностью сливались с общерусским населением.

Если в XV веке на Руси **всего населения** было в два раза меньше, чем во Франции, то уже через четыре столетия только **собственно русских** было в два раза больше, чем французов, считая здесь французов канадских и африканских. Такого *прироста* в стране, подверженной голодным морам, не бывает. Русскими становились не по рождению, крови или обличью, а по вере и службе.

То есть — по судьбе.

СТРАНА АЛЕКСАНДРИЯ

Эта книга и есть биография Александра Невского. Его жизнеописание — это Русь. Страна Александрия. До него Русь — кровавый разгул больших и малых князей. После него страна вновь утонула в крови и смуте. Но Александр стал великим князем в самый критический момент истории страны — когда в опасности была православная вера, когда надо было отстоять и сохранить ее. А затем уже вера и церковь сплотили Русское государство.

«Два подвига Александра Невского — подвиг брани на Западе и подвиг смирения на Востоке — имели единственную цель — сбережение православия как источника нравственной и политической силы русского народа», — писал в эмиграции историк Георгий Владимирович Вернадский.

Дальнейшая история Руси после Александра — лишь трудный, но прямой путь, по которому прошли великие князья, кровные наследники святого князя Александра Ярославича Невского.

Содержание

КНЯЖЕСКИЙ КРЕСТ	5
СПАС НА КРОВИ	28
«Золотое кольцо» ЦК КПСС	28
Страшная сеча на Липице	31
Русский Спас	35
Ряд безобразий всегда на виду	38
Храм	41
Гений	43
НЕ СМЕШИТЕ МОИХ СТАРЫХ РВАНЫХ ТАПОЧКОВ.....	49
СЫН БАТЫЯ	54
ТАЙНА КУЛИКОВА ПОЛЯ. <i>Против кого воевал Дмитрий Донской?</i>	59
ЗАГОВОР ПРОТИВ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО. <i>Детектив 1382 года — опыт расследования</i>	78
КЛЕЙМО ПРЕДАТЕЛЯ. <i>Судьба Олега Рязанского</i>	91
ЧЕГО МЫ ХОТИМ ОТ ИСТОРИИ?	100
Новгород мог стать Нойбургом	101
Запрещенные болгары	106

Невеселый смех	109
«Доказать своё...»	112
Лечебна ли правда?	122
КАК РУСЬ ЖИЛА ПОД ИГОМ	124
Политика: послание от Папы Римского	124
Экономика: какая была дань?	125
Экономика: русский исполин	126
Религия: закон Чингисхана	128
Религия: святой Петр — правнук Чингисхана ..	130
Религия: святой Пафнутий — правнук великого баскака Амырхана	133
Семья: ордынский зять	135
Литература: ордынский летописец	136
Насильно мил не будешь	137
Европейцы или азиаты?	140
Москва погубила град Китеж	144
Патриотизм: почему не боролись?	147
НАЦИИ НУЖЕН СУПОСТАТ?! Как и почему была искажена история Руси	150
Недоумение	150
Нации нужен супостат?!	152
Крестоносцы-предатели	153
На поводе	158
Молчание великих историков	160
Компрачикосы	162
А как же нелюбовь к «татарам»?	164
О Литве	169
ВЫБОР ВЕРЫ	172
Ислам ускорил распад Золотой Орды	172
Кто живет лучше? И почему?	177
Выбор веры	182
ПРОРОК, ИЛИ ТАЙНА ЗАВЕЩАНИЯ ДМИТРИЯ ДОНСКОГО	185

ТРИ ПАТРИАРХА. Православная церковь создала	
<i>Русское государство</i>	192
РУССКАЯ ЭПОХА	203
Все для Бога и князя, и ничего — для себя	203
Русская эпоха	210
СТРАНА АЛЕКСАНДРИЯ	219

Литературно-художественное издание

Баймухаметов Сергей Темирбулатович

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ СПАСИТЕЛЬ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Ведущий редактор *В.Б. Парадовская*
Художественный редактор *О.Н. Адашкина*
Компьютерная верстка *Е.В. Алферова*
Корректор *И.И. Попова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 26.11.08.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Печать высокая с ФПФ.
Усл. печ. л. 11,76.

(Ист. библиотечный (84)). Тираж 1500 экз. Заказ 213.
(Ист. библиотечный (новая)). Тираж 1500 экз. Заказ 214.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.009937.09.08 от 15.09.2008 г.

ООО «Издательство Астрель»
129085, г. Москва, проезд Ольминского, 3а

ООО «Агентство «КРПА Олимп»
115191, Москва, а/я 98
www.rus-olimp.ru
E-mail: olimpus06@rambler.ru

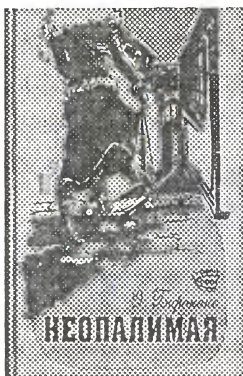
Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Издано при участии ООО «Харвест».
ЛИ № 02330/0150205 от 30.04.2004.
Республика Беларусь, 220013, Минск,
ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
ЛП № 02330/0056617 от 27.03.2004.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

Книги Эльвиры Барякиной:

Неопалимая

1917 год. Журналист Клим Рогов возвращается из-за границы в Россию и тут же попадает в самую гущу революционных событий. Вскоре он понимает, что серьезно расхочется во взглядах с восставшими массами. Клим хочет сам жить в своем доме, а не делить его с какими-то пролетарскими вдовами. Ему не нравится, что ради пропитания он должен заниматься тяжелым физическим трудом — качать ораторов на митингах. И его совершенно не устраивает, что его любимую женщину, «буржуйку» Нину, арестовывают с целью выкачать из нее «незаконно нажитые богатства».

У Революции большие планы на жизнь Клима, но он намерен самостоятельно решать, что ему делать, кого любить и во что верить.

Ярко, изящно, смешно и в то же время страшно. Потрясающая картина безумной русской революции и нежнейшей любви, которая «все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

— Марианна Бугцына, Телекомпания «Сети-НН»

Удивительно, но, дочитав, все равно надеешься на лучшее. Слишком ярким и увлекательным языком написана книга, чтобы лишить нас этой надежды. Ведь веришь, что не у героев все будет хорошо, а именно у тебя, в твоём личном, завтрашнем дне.

— Юлия Бурмистрова, газета «Взгляд»

«Неопалимая» — очень богатое в эмоциональном плане произведение: читая ее, я и смеялась, и плакала, и радовалась, и испытывала чувство гнева и страха. В общем, все было как в жизни...

А в целом роман очень добрый и человеколюбивый, помогающий еще раз осознать, что нет ничего важнее человеческой жизни и любви в самом широком смысле этого слова. Именно такие книги делают мир добрее и человечнее.

— Гузель Баязитова, Russian Writers Club

С каждой главой роман набирает скорость и открывает перед читателем все новые и новые пласты и смыслы. Перелистываешь последнюю страницу и замираешь: на душе светло и чисто и чего-то безумно жаль. А потом все думаешь, думаешь, думаешь над прочитанным и в конце концов осознаешь: «Господи! Как я люблю эту жизнь!»

— П. Изгоев, www.drugaya.ru

Написать просто о важном, красиво о страшном и смешно о трагичном — это надо уметь. Надо уметь заставить читателя хохотать в голос в переполненном метро и потом настойчиво советовать всем знакомым и друзьям: «Прочитайте, не пожалеете!»

— Павел Морозов, www.devichnik.ru

Каноническая фигура Александра Невского подернута густой завесой тумана из мифов и одновременно — официального глянца. На самом же деле его основополагающая роль в истории Русского государства замалчивалась и до сих пор недооценена.

ISBN 978-5-271-22832-2

9 785271 228322